

СУММА ПСИХОАНАЛИЗА

Том XVI

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном томе серии электронных книг «Сумма психоанализа» представлены статьи российских исследователей, опубликованные в конце XX – начале XXI века.

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность А.Е.Иванову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Решетников М.М.	Психоанализ: чему нам стоит учиться у Запада и чего следовало бы избежать? (О профессиональных границах и идентичности в психоанализе)	4
Лейбин В.М.	История психоанализа в России	22
Мазин В.А.	Экспонировать психоанализ. (О Музее сновидений Фрейда в тени «Проблемы дилетантского анализа»)	33
Овчаренко В.И.	Интенции и перспективы российского психоанализа	42
Санадзе И.А.	Оценка фрейдовской теории возникновения, развития и сущности религии	44
Руднев В.П.	Психоанализ и философия текста. Смысл как травма	66
Филатов Ф.Р.	Психоанализ по Фрейду после Фрейда или превратности метода	84
Белкин А.И.	Гормоны и бессознательное (Информационная роль гормонов, установка личности и ситуации)	111
Бурно М.Е.	Клиническая и психологическая психотерапия	126
Осипов В.А.	О терапевтическом аспекте сеттинга	132
Павлова О.Н.	Феномен «Мёртвой матери»	142
Потапова В.А.	Случай посттравматического стрессового расстройства в практике психоаналитической психотерапии	152
Завалов М.	Не сжечь ли нам Фрейда?	161

Психоанализ: чему нам стоит учиться у Запада и чего следовало бы избежать?

(О профессиональных границах и идентичности в психоанализе)

М.М.Решетников¹

Введение

В последние два десятилетия на Западе много говорят и реже пишут о системном кризисе психоанализа². На фоне продолжающегося уже второе десятилетие психоаналитического бума в России это представляется странным и далеким. Тем не менее, нам следовало бы попытаться осмыслить этот пока далекий кризис, чтобы избежать тех же проблем в настоящем и будущем.

Частично, это сообщение уже было представлено в качестве стендового на Летней Школе Национальной Федерации Психоанализа (НФП) в 2003 году, но тогда у меня не было уверенности в том, что этот материал, в основе которого лежит книга члена Международной Психоаналитической Ассоциации (ИПА) доктора Cesar Gatz-Guerrero³, достаточно проработан. Этой уверенности нет и сейчас, тем не менее, ознакомившись с серией публикаций о деятельности ИПА в России (ПГ № 3-4, 2004) и понимая, что завершение этой дискуссии вряд ли принадлежит моему поколению психоаналитически ориентированных специалистов, представляю эти индуцированные размышления профессиональному сообществу.

Попробуем для начала выделить главные из современных проблем, и взглянуть на область наших профессиональных интересов неотягощенным нашей любовью к психоанализу взглядом.

Проблема истоков

Оглядываясь назад, мы не можем не признать, что, фактически, с момента своего появления и до настоящего времени психоанализ несет в себе некую двусмысленность и даже неопределенность, ибо до сегодняшнего дня он так и не определился: что это – наука, направление в науке, профессия, специальность или движение?

¹ Решетников Михаил Михайлович – доктор психологических и кандидат медицинских наук, профессор, ректор Восточно-Европейского Института Психоанализа, президент Национальной Федерации Психоанализа. rector@oedipus.ru www.oedipus.ru

² Arlow J. Some Dilemmas in Psychoanalytic Education. - Journ. of the American Psychoanalytic Association. – 1972, # 20, pp. 556-566; Bergmann D. The Historical Roots of Psychoanalytic Orthodoxy. - Intern. Journ. of Psychoanalysis. – 1997, # 78, pp. 69-86; Thoma H. On the Devaluation of the Eitingon-Freud Model of Psychoanalytic Education. – Intern. Journ. of Psychoanalysis, 2000, # 81, pp. 806-807 и др.

³ Gatz-Guerrero C. The Organizational and Educational Crisis in Psychoanalysis: Contemporary Challenges. 2000. – 516 pp. Книга имеется в рукописи в библиотеке Восточно-Европейского Института Психоанализа.

Психоанализ как наука

Если это наука, то каково ее место в системе наук? Это далеко не праздный вопрос, так как западный психоанализ все еще не определился: к какой области науки он принадлежит? Есть известное раннее изречение Фрейда, что психоанализ – это нечто среднее между психологией и медициной. За минувшее столетие психоанализ активно имплицировался в психологию, философию, социологию, литературоведение, искусствоведение, а также в психиатрию и в психотерапию в целом, но его положение в системе наук так и осталось неопределенным.

Как известно, статус науки предполагает наличие собственного методического аппарата и систематических исследований, а также ориентацию того или иного нового направления на вхождение в систему академических знаний и академического образования, от чего одна часть современного психоанализа все еще последовательно уклоняется, а другая часть – весьма осторожно дискутирует: «А нужно ли это?». Хотя мы не могли не заметить, что в некрологе на смерть профессора Джозефа Сандлера особо отмечалась его роль в приходе психоанализа в английские университеты. Мы, безусловно, знаем, что психоанализ имеет собственный методический аппарат, но систематические исследования на основе этого методического аппарата – пока единичны⁴ (в России в этой области научной практики известны только разработки профессора Хорста Кэхеле и Гельмута Томе⁵).

Здесь, действительно, есть много проблем. Объективно можно признать, что Фрейд был прав в своем определении места психоанализа в системе наук, так как основное содержание психоаналитической практики органически связано с психологией и медициной, вернее – психиатрией, а если еще точнее – смежной для этих двух дисциплин гуманитарной сферой – психотерапией. Но даже сейчас можно встретиться с ортодоксальной точкой зрения, что психоанализ – это не психотерапия. И тогда возникает еще один трудно разрешимый вопрос: а что же тогда?

Некоторые признаки свидетельствуют о желании «вернуть» психоанализ в лоно медицины. Например, все еще продолжают попытки обоснования основных положений психоанализа с точки зрения естественных наук, хотя даже психиатрия постепенно охладевает к этим подходам. Другим признаком «ре-медиализации» психоанализа является последовательная ориентация некоторых аналитических сообществ преимущественно на врачебные кадры, хотя вопрос о том, являются ли наиболее частые проблемы, с которыми обращаются наши пациенты, психиатрическими – очень сомнителен. Однако, вектор все-таки уже определился: если лет 20-30 назад вопрос о приеме психологов в некоторые

⁴ Luborsky E. The Era of Measures of Transference: The CCRT and Other Measures. In co-authors with Shapiro T. and Emde R. (Ed.). – Research in Psychoanalysis: Process, Development, Outcome. – Madison-Connecticut: Intern. Universities Press, 1995.

⁵ Кэхеле Х., Томе Г. Современный психоанализа: Исследования. Пер. с нем. и общ. ред. А.В.Казанской. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа. – 2001. – 304 с.

западные психоаналитические сообщества чаще был исключением, то сейчас это обычная практика. И все больше специалистов признают, что и психотерапия - в целом, и психоанализ, как одно из направлений последней (что признается много реже), являются специальностями (или даже профессией), одинаково доступными как для психологов, так и для врачей, естественно – после соответствующей дополнительной (многолетней) общетеоретической и практической подготовки.

Тезис о профессии

А какая собственно разница – специальность или профессия?

Профессия предполагает определенный род трудовой деятельности человека, владеющего комплексом теоретических знаний и практических навыков, которые позиционируют человека на рынке труда и приносят ему доход. С этой точки зрения можно признать, что психоанализ – это профессия.

Специальность предполагает уже более узкую отрасль какой-либо деятельности, в рамках конкретной профессии. Например, я по профессии врач, а по специальности – психотерапевт. И в России мы исходно включали психоанализ в перечень основных направлений психотерапии, то есть рассматривали его как одну из психотерапевтических специальностей. В западной модели, как уже отмечалось, психоанализ все еще нередко дистанцируется от психотерапии, и даже противопоставляется ей. Достаточно вспомнить крылатое выражение о недопустимости смешивать «золото психоанализа с медью психотерапии».

И некоторые так (ортодоксально) и действуют. Хотя уже нельзя не замечать, что психоанализ органически имплицирован во все современные методы психотерапии, а последняя, в свою очередь, заимствовала (и продолжает это делать) многие из его основных понятий, методических подходов, этических и всех прочих принципов деятельности. Не так давно даже главный психотерапевт России профессор Б.Д.Карвасарский заявил, что без знания основ психоанализа невозможно обойтись ни одному психотерапевту. И в России это уже ни у кого не вызывает возражений. Однако, традиционная «нерасположенность» психоанализа к кооперации с другими направлениями психотерапии меняется мало. С одной стороны – это может объясняться ориентацией на поддержание высокого уровня профессиональной идентичности, но нельзя не замечать за этим стремлением и страх утраты этой идентичности, которая, по моим представлениям, отчасти (и уже давно) фетишизируется. Возможные причины этого я попробую прояснить ниже.

Уже никто не отрицает наличие суб-специальностей в психотерапии. Поведенческий психотерапевт, вне сомнения, согласится, что гештальт-терапевт – это его коллега, но вряд ли совместное обсуждение случаев будет взаимно продуктивным: слишком велики различия в теоретических и методических подходах, а также техниках. Тем не менее, у них найдется

масса вопросов для дискуссии, в частности, с точки зрения общих проблем психотерапии, как профессии.

А есть ли субспециальности в психоанализе? По моим представлениям, есть. В частности, детский психоанализ и групповой психоанализ, а также – прикладной (в который мы включаем все случаи и вариации применения психоаналитической парадигмы в педагогике, социологии, политологии, философии, культурологии и т.д.). Характерная особенность части западного психоанализа – отторжение «прикладников». Мы этого стараемся не допускать, хотя и не можем не замечать, что прикладные подходы при отсутствии предшествующего профессионально тренинга и серьезной терапевтической практики нередко тяготеют к упрощенчеству. Но это отнюдь не общее правило – есть просто блестящие гуманитарные исследования неанализированных аналитиков (впрочем, и исторических примеров здесь более чем достаточно: вся первая волна непроанализированных последователей Фрейда выглядит куда солиднее их проанализированных «потомков»). Я здесь умышленно пропускаю обсуждение таких «суб-специальностей» как юнгианство, кляйнианство, лаканианство и т.д. и, скажу об этом чуть позднее.

Два слова о психоанализе как движении

Понятие «движение» ближе к понятию «партия», то есть - организации, объединенной определенными идеями – политическими, общественными или идеологическими. Присоединение к движению предполагает определенный ритуал вхождения в состав организации и безусловное разделение провозглашенных этой организацией или ее лидером идей (Фрейд очень ясно формулирует эти принципы, включая их тоталитарно-ориентированную манипулятивность, в «Психологии масс...»). В некотором смысле – движения аналогичны религиям и учениям (например, стоиков или агностиков), так как их формирование и функционирование неразрывно связано с феноменом веры в те или иные, обычно – незыблемые, постулаты.

Мы так привыкли к термину «психоаналитическое движение», что уже даже не задумываемся, например, о том: почему нет химического или физического движения, или более близкого нам, например, психиатрического движения? А психоаналитическое – есть. И здесь не просто дань сложившимся стереотипам, но и одно из противоречий современного психоанализа, ибо движение - всегда где-то за рамками науки. В нем всегда есть свои непреложные истины, свои «гуру», свои «апостолы», свои проповедники, а также свои отступники и даже предатели. Здесь самое время упомянуть Юнга, Адлера, Лакана, Райха или даже Ференци. И вернуться к тезису о суб-специальностях, чтобы пояснить, что, поскольку с точки зрения методологии, метода и техники эти направления (особенно - с внешней точки зрения) практически не различимы, вряд ли они могут претендовать на самостоятельность и, скорее всего, должны были бы рассматриваться в рамках одной специальности – психоанализ. Во всяком случае, мое

длительное общение с представителями всех этих направлений, как только мы отказывались от сугубо идеологических споров – «кто и что сказал когда-то кому-то, и что ему ответили», а также уходили от вопроса «кто на свете всех милее, всех румяней и белее?», это общение происходило на вполне понятном обеим сторонам и вполне человеческом языке. Даже воинствующие лаканисты, до этого утверждавшие, что они и есть «единственно правильные аналитики», становились вполне адекватными собеседниками, как только мы переходили к вопросам практики.

Но эта открытость для общения с представителями различных⁶ направлений в психоанализе – почти исключительно завоевание последних лет, и пока - далеко не всеобщее (оно полностью принято в рамках нашей Национальной Федерации Психоанализа и в некоторых новых европейских психоаналитических ассоциациях). Что же касается представителей ортодоксальных школ, то не так давно я был просто поражен, когда в процессе выступления на очередном психоаналитическом конгрессе у нас в России одного из известных западных специалистов, другой (не менее известный член президиума) заметил: «А почему мы вообще слушаем этого райхианца?!» - что напомнило мне уже почти забытую фразу: «А что нам вообще может сообщить человек с таким носом?»

Ни для кого не секрет, что, в принципе, при общении почти с каждым аналитиком из ортодоксальных ассоциаций вторым, а то и первым, будет вопрос о том: у кого вы прошли анализ и к членам какой ассоциации принадлежал ваш аналитик? И если не «той же», что и ваш собеседник, то ни ваша квалификация, ни ваш опыт его уже не будут интересовать.

Одной из форм «протестного поведения» специалистов стало появление на Западе независимых психоаналитиков. И даже странно, что пока у них нет своей ассоциации, хотя, возможно, понятие «independent» и предполагает отсутствие таковой, как крайняя форма протеста.

О психоаналитических институтах

Здесь мы встречаем еще одно противоречие, и оно достаточно специфично. Главный вопрос: что есть типичный (в данном случае – западный) институт психоанализа?

В России институт – это высшее учебное заведение, где реализуются конкретные образовательные программы, результатом которых является получение выпускником той или иной (на государственном уровне признанной и аккредитованной) квалификации и диплома. До революции в России (на фоне обилия университетов) было не так много институтов, самый известный среди которых – среднее учебное заведение для девушек – Смольный Институт.

Затем по инициативе революционного министра Луначарского были создано множество институтов, которые на первом этапе были вариантами

⁶ «Различных» - не значит «любых», профанации здесь тоже хватает, но есть давно сформировавшиеся и вполне авторитетные направления.

профессионально-технических училищ для малообразованной (в тот период времени) пролетарской молодежи, и лишь через десятилетия они стали аналогами западных университетов, но чаще – «монопрофильной» ориентации (медицинской, экономической, технической и т.д.).

На западе учебных заведений с названием «институт» очень мало. Профессиональные образовательные центры – это преимущественно университеты. Что же касается большинства западных институтов психоанализа, то они в силу сложившихся у нас в советский период представлений, в общем-то, вводят нас в заблуждение, так как в большинстве случаев вообще не могут рассматриваться в качестве учебных заведений высшей школы, и более соответствуют исходному значению термина, а именно – «институция», как некая форма организации общественной деятельности и отношений. То есть, большинство западных институтов психоанализа – это не институты в нашем понимании: с регулярными программами подготовки специалистов, зачетами и экзаменами, лицензиями на образовательную деятельность, аккредитованными специальностями, признанными дипломами и т. д. Это преимущественно общественные организации. По типу наших ассоциаций или учебных центров наших ассоциаций. В силу этого большинство западных институтов психоанализа вообще не дают никаких дипломов, а просто «вносят» своих выпускников в списки или реестры специалистов, признаваемых в качестве таковых исключительно в рамках конкретной ассоциации, что отчасти уподобляет их некому варианту конфессиональных учреждений.

О засилье институтов психоанализа достаточно подробно было написано нашими германскими коллегами Хорстом Кэхеле и Гельмутом Томэ⁷, поэтому не будем повторяться. Об этом же чрезвычайно деликатно писал Владимир Гранов, задавая себе и всем нам вопрос: почему институты психоанализа стали «горой», а наши теоретические концепции «мышью»⁸. И этот вопрос все еще остается «деликатным вопросом».

В связи с нашей ориентацией на реальную легализацию психоанализа в России, а именно - как одного из направлений в современной психологии и психотерапии, на Западе не раз раздавались возгласы об угрозе «огосударствливания» психоанализа. Что под этим понимается? - Что государство (или – точнее - назначенный им чиновник) станет тем «экспертом», кто будет признавать специалиста аналитиком. Есть ли такая угроза? Есть. Можно ли ее избежать? Можно. И мы это уже делаем. Кроме аккредитованного государством диплома о психоаналитическом образовании, каждый, кто претендует на звание специалиста в области психотерапии, может получить его только через общественную аккредитацию (после соответствующего тренинга). Другие пути, как наследие нашего тоталитарного прошлого, еще существуют, но

⁷ Томе Г., Кэхеле Х. Меморандум о реформе психоаналитического образования. – Восточно-Европейский Институт Психоанализа: Журнал «Вестник психоанализа» № 1. – 2000. – стр. 44-51.

⁸ Гранов В. Filiations: Будущее Эдипова комплекса / Пер. с фр. – Санкт-Петербург: Восточно-Европейский Институт Психоанализа. – 2001. – 344 с.

Национальная Федерация Психоанализа совместно с Профессиональной Психотерапевтической Лигой уже на протяжении ряда лет предлагает исключить любой другой вариант аккредитации, кроме как через профессиональное сообщество.

Таким образом, мы, скорее, действуем в интересах разгосударствливания, а не «огосударствливания». Но действуем в рамках законов своей страны.

Попытка же ряда психоаналитических сообществ категорически дистанцироваться от законодательного поля чем-то напоминает «отделение церкви» от государства, и еще раз приводит нас к выводу о конфессиональных компонентах современного психоаналитического движения.

В целом, можно было бы признать, что ключевыми для современного как западного, так и российского психоанализа вопросами являются: состоятельность психоанализа как науки, организационно-методическая модель реализации его как профессии, включающая такие аспекты как: подготовка, сертификация и аккредитация специалистов (в соответствии с законами конкретной страны и перспективными для России законами Европейского сообщества, о новых положениях которого в отношении психотерапии недавно сообщалось в информационном письме НФП).

Психоаналитический экуменизм и синкретизм

Вероятно, следует согласиться с мнением доктора Цезаря Гарца-Гуерреро (2000), что на самом деле в большинстве западных институтов психоанализа пока преобладает «монашеская образовательная модель», где смешиваются терапевтические, образовательные и воспитательные цели и задачи. При этом, как отмечает тот же автор, в таких институтах последовательно воспроизводится «коллективный регрессивный феномен», включающий жесткое, почти паранойальное, следование той или иной психоаналитической доктрине, усиливающееся «религиозной природой административной структуры этих институтов». И далее упомянутый выше автор отмечает, что в некоторых из ведущих западных психоаналитических институций отсутствуют даже систематические программы подготовки специалистов. Кстати, на эти же недостатки психоаналитических институтов указывал ранее и Отто Кернберг (1993)⁹.

Одновременно с этим характерной особенностью действующей образовательной модели является (все более явно - безуспешная) попытка сохранения психоаналитического экуменизма (имеется в виду доктринальное единство тех или иных школ), образовательного синкретизма (в данном случае, как неделимого терапевтического, образовательного и воспитательного процессов) и уже явно безнадежная надежда на монополизацию психоаналитического движения под эгидой той или иной

⁹ Kernberg O.F. The Current Status of Psychoanalysis. – Journ. of the American Psychoanalytic Association, 1993, # 41, pp. 45-62.

международной организации. И опять же, как результат протестного поведения профессионального сообщества, в Европе появились уже несколько ассоциаций и федераций, которые декларировали и реализуют качественно иные принципы их построения и деятельности, в частности: членами этих объединений становятся на основе признания единства психоаналитической теории (а не исключительности некоего права на ее единственно верное понимание), работы с переносом и сопротивлением. И у меня нет сомнений, что именно им принадлежит будущее.

Вместе с тем реализуется и противоположный процесс. Самостоятельной составляющей современного западного психоаналитического экуменизма является постоянное поддержание определенных мифов, в частности – путем всемерного прославления группы (организации), к которой принадлежит конкретный специалист, и в большинстве случаев – путем противопоставления этой группы всем другим, по аналогии с «неверными», что сближает некоторые ортодоксальные психоаналитические школы с тоталитарными сектами.

Мне уже приходилось сталкиваться с тем, что если кто-то на форуме одной психоаналитической школы высказывает идеи, принадлежащие другой школе, эти идеи исходно отвергаются и с такой ошеломляющей простотой, что не остается даже надежды на дискуссию. По сути, мы здесь сталкиваемся почти с религиозным догматизмом: «Как можно обсуждать что-то, что противоречит подлинной вере?!» И отступление от этого принципа, в лучшем случае, предполагает осуждение конкретного члена того или иного психоаналитического общества. Мы, в России, исходно шли по пути открытости для контактов при безусловном уважении к корпоративной этике (но не догматизму) конкретных психоаналитических направлений и организаций, но, одновременно, приняв за основу, что каждый, кто признает психоаналитическую парадигму, работает с сопротивлением и переносом, и выполнил стандарты профессионального тренинга – может претендовать на принадлежность к психоаналитическому сообществу. Сейчас мы еще больше расширяем этот тезис, так как вовсе не каждый, кто принял психоаналитическую парадигму и завершил психоаналитическое образование, должен обязательно стремиться к терапевтической практике и, соответственно – предшествовавшему последней многолетнему тренингу. Безусловно, это пока приводит к некоторому «перепроизводству» психоаналитически мыслящих специалистов, число которых в России уже перевалило за тысячу, но количество выполнивших стандарты тренинга и ведущих практику у нас пока не более 100. И я уверен, что такое соотношение (1 к 10) будет сохраняться.

Проблема филиации

Другим анахронизмом значительной части современного западного психоанализа является филиация (в исходном смысле этого термина – признание отцовства или незаконнорожденных детей), о чем очень тонко, и

опять же – как о чрезвычайно деликатной проблеме, писал (почти «без критики») Владимир Гранов (2001).

Что имеется в виду? Если вы хотите присоединиться к той или иной ортодоксальной психоаналитической институции, никого не будет интересовать уровень вашей теоретической подготовки и практической квалификации, наличие опыта или эффективность вашей научной или терапевтической деятельности. Главным вопросом будет: насколько вы преданы именно этой организации, а затем – у кого вы прошли анализ и кто был вашим супервизором?

При этом и первый и второй – должны принадлежать именно к той группе или школе, на членство в которой вы претендуете. Во многом это аналогично рукоположению в сан, или крещению. Например, если вы были «крещены» в психоанализ через Международную Ассоциацию Аналитической Психологии (ИААР, то есть - юнгианство), то никоим образом не сможете быть признаны «правоверным» в Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA). Это, безусловно, анахронизм. Среди членов нашей организации (НФП) есть специалисты, прошедшие анализ у специалистов фрейдовской ориентации, юнгианской, райхианской – и, как оказалось, они вполне способны работать вместе, а эффективность их деятельности никак не связана с тем, где и кем они были «крещены».

Образование или послушничество

Я хотел бы еще раз вернуться к теме психоаналитического «образования и послушничества», слегка уже обозначенной в предшествующем разделе. Здесь есть еще одна специфика – «допуск к крещению». В большинстве современных западных психоаналитических школ, прежде чем начнется многолетняя процедура «рукоположения в сан» кандидата на членство в той или иной организации, вас будут многократно и достаточно долго (хотя и неявно) проверять... на лояльность именно к этой организации, и лишь затем последует предложение... - нет, не учиться, а пройти личную терапию (см. ПГ № 5-2004, стр. 15) и уже затем начать изучать работы, признанные в качестве «канонических» именно в этой школе. Результатом такого обучения в сочетании с личным анализом через много лет (как правило – 5-8) будет, по выражению уже неоднократно и справедливо упомянутого Цезаря Гарца-Гуерреро, «как будто сертификация», то есть – включение в список той или иной общественной организации.

Например, из 28 существующих в США (на 1990 год, более поздних сведений, к сожалению, нет) психоаналитических институтов только 2/3 выдавали выпускникам свои внутренние (то есть – не признаваемые нигде за пределами этого института) сертификаты. Только в 1/3 этих институтов существует процедура контроля теоретических знаний и написания дипломной работы. Главное – многолетний собственный анализ и супервизии (но последнее уже менее существенно).

Еще одна специфика психоаналитической подготовки на Западе. Наши пациенты приходят к нам со своими проблемами, и мы работаем с ними месяцы, иногда годы. Если вы пришли в психоаналитическую институцию, ваша личная терапия всегда потребует многих лет. В связи с чем некоторые специалисты спрашивают: «А что, будущий аналитик всегда более болен, чем любой пациент?» И это далеко не праздный вопрос. Может оно так и есть? И нам следовало бы подумать о переименовании наших ассоциаций в терапевтические сообщества бывших пациентов?

Например, средний срок обучения в психоаналитических институтах США составляет 8,5 лет, а часть кандидатов учится 10 и даже 15 лет. Что это: вопрос способностей? Отсутствия системы? Или все-таки что-то другое? С учетом того, что задачи персонального тренинга уже давно и достаточно четко сформулированы, скорее, это что-то другое. Кандидаты для России готовились ускоренным методом, в среднем – вдвое быстрее. И практически все «каноны» персонального тренинга и сеттинга при этом нарушались. Я еще скажу об этом, но главная задача была исходно очевидна: не нарушить канон филиации.

Учитывая неопределенность выпускного статуса прошедших такую подготовку и длительность «послушничества», не удивительно, что среднее количество учащихся в американских психоаналитических институтах с 1960 года уменьшилось почти в 3 раза и составляет в среднем 24 студента в одном институте (если исходить из принятой у нас системы, когда каждый учебный год – это определенный курс, то при средней 8-летней системе обучения в каждый институт приходит в среднем 3 человека в год... И тогда нужно согласиться, что это, безусловно, кризис. Нет кадрового резерва.

Для сравнения, в наш (Восточно-Европейский) институт психоанализа в Санкт-Петербурге приходит в среднем от 100 до 150 человек в год. В том числе – студенты из западных стран. И когда мы спрашиваем их: «Почему они это делают? – они отвечают: «Во-первых, у вас это в 10-20 раз дешевле. Во-вторых, говорят они, мы уже пробовали учиться в западных институтах – там нет системы образования. В третьих, вы выдаете диплом психолога со специализацией в психоанализе Министерства образования России, и мы легко подтверждаем его на Западе, а поскольку этого уже достаточно для ведения профессиональной деятельности, мы можем действовать в качестве психотерапевтов, в том числе - психоаналитической ориентации, совершенно свободно». Они, конечно, немного льстят и преувеличивают. Безусловно, со временем, они также почувствуют потребность в профессиональном общении и примкнут к тому или иному обществу, став менее свободными. Но вряд ли это будут общества ортодоксального типа.

Стоит еще раз вернуться к содержанию предшествующего абзаца. В западном институте психоанализа обязательно объединение терапевтической, образовательной и (неявно-) воспитательной задач (причем, при неопределенности срока подготовки и полученной квалификации). Если вы не пошли в собственную терапию, вас никто не возьмет в институт, как бы вы не хотели изучать психоанализ! Если немного утрировать ситуацию,

фактически, речь идет о некоем «принудительном лечении», человека, который хотел бы получить образование и профессию! У нас (в советский период) так тоже лечили, и даже в сочетании с обучением некоторым профессиональным навыкам, но только – алкоголиков. Но даже для последних такой тоталитарной модели «профессиональной ориентации» уже давно не существует.

Плюс к этому, как не раз отмечали некоторые мои западные коллеги (с просьбой – не ссылаться на имена, а это также существенная характеристика), психоаналитическое образование предполагает некритическое восприятие знаний «группы посвященных авторов», «канонизированных книг» или «особых школ», выход за рамки которых не приветствуется и не поощряется. Другие концепции и психоаналитические школы не только не обсуждаются, а вообще – не изучаются. Журналы и книги, издаваемые другими психоаналитическими объединениями, не запрещаются, конечно, но они не выписываются для библиотек, не рекомендуются для изучения, и в большинстве случаев не читаются (по принципу: «Зачем правоверному мусульманину читать православный вестник?»).

А такое понятие как междисциплинарный подход к психопатологии – это нечто существующее лишь в единичных случаях. Как известно, Карл Юнг вполне серьезно сравнивал персональный анализ с инициацией. И элементы этого нельзя отрицать, так как они присутствуют в любой профессии, но – не в качестве же основного элемента.

Идеализация и диктат

Несмотря на все более очевидные императивы XXI века, большинством психоаналитических обществ постоянно предпринимаются усилия по идеализации анахронической модели психоаналитического образования, и как следствие – эти общества тяготеют к относительно догматической передаче знаний (только в рамках конкретной школы) и сохранению традиционной системы подготовки специалистов, в сочетании с все менее успешными попытками диктата того или иного международного сообщества над национальными ассоциациями и индивидуальными членами. Мы, бывшие советские, лучше других знаем эту модель – это КПСС и так называемый «социалистический лагерь». И теперь мы (также лучше других) знаем: чем это кончается...

Как представляется, эти попытки реанимировать психоанализ как всемирное движение «посвященных» и одновременно – попытки сохранить его как некую не имеющую аналогов профессию относятся к утопии (сродни коммунистической), но именно этот подход все еще определяет инертность изменений в деятельности большей части психоаналитических институций.

Тем не менее, как уже отмечалось, нельзя не констатировать, что эти идеи начинают пересматриваться, свидетельством чего является появление

нескольких новых международной психоаналитических обществ и ассоциаций, базирующихся на иных принципах.

Проблема самоизоляции

Самостоятельным негативным фактором является последовательная направленность на самоизоляцию психоанализа, в том числе – от академической науки и даже от ее ближайших секторов, таких как психология, психотерапия и психиатрия. И здесь также проявляется сложившийся стереотип: как может претендующее на исключительность движение кооперироваться с наукой?

В итоге в психоанализе сложилась своя, но мало понятная вне нашей профессиональной аудитории, терминология, очень специфическая традиция вербальной изоэтрности, а также негласная ориентация на конфессиональную замкнутость. В итоге – большинство наших статей и книг читаются почти исключительно и только нашими специалистами. В отличие от Фрейда и его последователей, мы редко «нисходим» до желания донести наши знания (понятным языком) до широкой или даже для широкой профессиональной аудитории. У нас практически нет систематических исследований (точнее, как уже отмечалось – они единичны). И мы снова возвращаемся к еще до-президентскому (в МПА) определению Отто Кернберга, что и студенты, и преподаватели традиционных институтов психоанализа оказываются погруженными в монашескую модель или модель профессионально-технического училища (1986¹⁰, 1993). В России мы последовательно избегаем такой модели. Но и у нас такая тенденция к самоизоляции есть. Хотя в тех случаях, когда аналитически ориентированные специалисты «нисходят» до того, чтобы донести свои идеи широкой профессиональной аудитории, эти идеи воспринимаются с уважением и вниманием. Особенно, если это делается талантливо. И, вероятно, одно из наших самых больших достижений, что психоанализ в России уже активно имплицирован в современную философию, где упоминание Фрейда, Юнга, Лакана мало уступает Гегелю, Веберу или Дариду.

Проблема самоизоляции психоанализа имеет еще одно следствие: в итоге, психоаналитические идеи (в том числе, вне сомнения - великие идеи) многократно заимствовались, принимались или отвергались или даже извращались вне психоанализа, но все это происходило при его все той же молчаливой самоизоляции.

Психоанализ и культура

Тем, что психоанализ стал явлением культуры, мы во многом обязаны Фрейду и его ближайшим последователям, которые умели писать о сложном

¹⁰ Kernberg O.F. Institutional Problems of Psychoanalytic Education. – Journ. of the American Psychoanalytic Association, 1986, # 34, pp. 799-834.

просто и понятно для любого образованного человека. И даже их заблуждения покоряют своей высокохудожественной формой. В отличие от классических, многие из современных работ более напоминают эссе с такими «улетами» мысли, что даже специалистам бывает трудно разобраться: что же, в конце концов, хотел сказать автор, кроме того, что «у него был случай» и «каким искусным терапевтом и интерпретатором он оказался». При этом содержание терапии в таких работах раскрывается, как правило, «вскользь», слегка, как иллюстрация идей, гипотез или размышлений автора.

Фрейд, как известно, приветствовал выход психоанализа за рамки клинической практики. Но затем все, кто, так или иначе, обращались к психоаналитической парадигме за пределами практики (особенно, если это делалось без собственного анализа), оказались вне интересов «психоаналитического движения». И причина достаточно очевидна: они не прошли «послушания» и не были «крещены» в качестве «прихожан» того или иного психоаналитического общества. В итоге, культурологический психоанализ существует в качестве некоего незаконнорожденного, а психоанализ в целом все больше и больше удаляется от культуры. Хотя, нужно подчеркнуть, что это больше относится к западному психоанализу. В рамках НФП прикладное применение психоанализа, хотя и с трудом, но постоянно расширяется, обычным явлением во многих регионах России стали психоаналитические литературные и кино-клубы и лектории, активно развивается политологический и социально-экономический психоанализ. Не так давно в России была создана самостоятельная Ассоциация Прикладного Психоанализа, объединившая все эти направления.

И хотя Фрейдом, а за ним – и другими авторами не раз отмечалось, что прикладное применение психоанализа оказывается более глубоким и взвешенным, если оно базируется на клиническом подходе (с чем я, в целом, согласен), я не думаю, что мы должны отказывать нашим коллегам, избирающим, по нашим представлениям, более простой путь, во внимании и понимании, также как и в праве любить психоанализ или обращаться к нему, как к одной из объяснительных (философских) систем.

Осознается ли все это?

Безусловно, осознается. Мы видим, как в современном западном психоаналитическом мире проявляется тревога о будущем психоанализа (с середины восьмидесятых на эту тему вышло множество статей в самых уважаемых психоаналитических изданиях). Эта тревога, безусловно, связана как с объективной оценкой ситуации, так и с некими иррациональными мотивами. Я попробую прояснить эту идею: кто из вас слушал о тревоге по поводу будущего математики, биологии или физики или таких гуманитарных сфер как психиатрия или филология?

Как мне представляется эта тревога, прежде всего, связана со страхом утраты прежней идентичности и осознанием неизбежности перехода от синкретической, полу-религиозной и закрытой образовательной модели к

реальной образовательной системе и кооперации с другими науками о человеке. И, соответственно, утратой представлений о своей исключительности. Но эта новая (без исключительности) идентичность представляется мне куда более привлекательной.

Российская специфика

Здесь я повторяю некоторые моменты. В России мы исходно начали с того, что обозначили психоанализ как одно из направлений в психотерапии, а, следовательно – как направление в медицине и психологии, и начали подготовку специалистов не в форме общественных институций, а в институтах, то есть – говоря западным языком – в университетах и в рамках четко определенного и академически структурированного университетского курса. Приведу здесь характерную особенность восприятия наших начинаний, которую наиболее ярко выразила в 1996 году психоаналитик из Германии доктор Евгения Фишер: «Если бы такой институт существовал, я бы сама пошла в него учиться!» Затем эту же фразу в нескольких вариантах я слышал не раз, впрочем, как и самую бескомпромиссную критику российских, ориентированных на ортодоксальные подходы, коллег (к счастью, в России немногочисленных). Основной императив всех этих заявлений: «Это не возможно!» Здесь нужно упомянуть вторую характерную особенность этой критики: ни один из наших непримиримых оппонентов даже не пытался ознакомиться с нашей работой или нашими программами, а большая часть их вообще ни разу не встречалась ни с преподавателями, ни со студентами, и даже ни разу не были у нас в Институте. Тридцать лет назад в России точно также критиковали работы Фрейда, не прочитав ни одной из них...

Я не могу здесь не выразить благодарность Российско-американскому комитету Американской Психоаналитической Ассоциации (ИРА) во главе с доктором Гари Голдсмитом, обучающей группе Международной Ассоциации Аналитической Психологии (ИААР), действующей под патронажем Джен Винер и Кэтрин Краузер, специалистам из Американской Национальной Ассоциации по Аккредитации в Психоанализе (НААР), коллегам из США, Франции, Италии и Германии – Серджио Бенвенуто, Натали Зальцман, Хорсту Кэхеле, Александру Непомящи, Саломону Реснику, а также десяткам других наших давних друзей и коллег (Майклу Стоуну, Джейн Хенц, Дэвиду Ракову, Хэролду Стэрну, Шелдону Росу, Нонне Славинской и др.), которые уже на протяжении многих лет демонстрируют принципиально иное отношение и систематически помогают нам, в том числе – путем конструктивной критики наших успехов и недостатков.

Я еще раз напомню, что в России мы исходно разделили психоаналитическое образование, которое уже сейчас стало массовым, и профессиональный психоаналитический тренинг, к которому обращаются около 10-20% тех, кто получает или завершил психоаналитическое образование.

В то время как западные общества все еще обсуждают – надо ли им контактировать с государством и к какой профессии принадлежит психоанализ, мы в России (в соответствии с государственной программой, утвержденной Министерством науки, Министерством образования, Министерством здравоохранения и Российской Академией Наук) исходно включили изучение основ психоанализа в систему всего высшего общегосударственного образования, а также – в систему дополнительного образования и переподготовки для врачей и психологов (в последнем случае, уже в сочетании с профессиональным тренингом и последующей общественной аккредитацией). И мы уверены, что те минимальные, но адекватные знания о психоанализе, которые получают все образованные люди (взамен безудержной критики психоанализа как «концентрированного выражения извращенности западной мысли» в предшествующие десятилетия), позволят качественно изменить общую и психоаналитическую культуру российского общества.

Чтобы избежать засилья институтов, «произвола» аналитиков и супервизоров (на что указывали многие выдающиеся специалисты, такие как В.Гранов, Х.Томэ, Х.Кэхеле и др.), мы также предоставили определенные права самим анализантам и супервизантам. Здесь у нас существует такое понятие как «установленный минимум» Национального стандарта, который является обязательным, и по завершении которого анализант или супервизант совместно с аналитиком или супервизором имеет право выбора: продолжать или завершить профессиональный тренинг? Но отрицательное решение анализанта (после выполнения стандарта) не может быть оспорено аналитиком, который имеет право только подтвердить количественные характеристики пройденного анализа. В отличие от последнего, супервизоры обязательно дают качественную характеристику теоретической, методической и технической подготовки кандидата. Характерно, что лишь около 10% будущих специалистов ограничиваются установленным минимумом Национального стандарта, в то время как другие 90% продолжают анализ и супервизорскую подготовку в объеме, превышающем стандарт в 2-4 и более раз. Но это уже их собственный профессиональный и личный выбор. И это чрезвычайно существенно и качественно меняет нравственную ситуацию.

Мы также отказались от диктата – только 4 раза в неделю, только на кушетке и т.д. Но здесь также есть установленный минимум сеттинга - не менее двух раз в неделю. Кстати, мои западные коллеги неоднократно (опять же кулуарно) отмечали, что это правило (о 4 сессиях в неделю) никем не выдерживается. И было очень забавно услышать на одной из Летних школ МПА, как супервизант, докладывая случай, сказала, а ее западный супервизор сделал вид, что он этого не заметил: «Пациент приходит ко мне обычно один-два раза в неделю, но в среднем мы работаем по четыре раза в неделю»...

Что рациональное мы взяли?

Мы безусловно приняли необходимость самой серьезной теоретической подготовки будущих специалистов, но не догматического усвоения какой-то одной концепции, а теоретической подготовки, исходящей из критического переосмысления творческого наследия классиков психоанализа и современных подходов к психоаналитической теории и практике. Мы хорошо понимаем, что главное здесь не технологии и терапевтические техники, а формирование психоаналитического стиля мышления, и на это уходит, как минимум, 3-5 лет.

Но мы не закрываем глаза на то, что, когда мы говорим о той или иной концепции, включая концепцию Фрейда, за этим красивым определением скрывается понятие «гипотеза». Однако, общаясь с нашими коллегами (из смежных областей знаний и практики) и с нашими студентами, мы всегда подчеркиваем, что психоаналитическая концепция многократно подтверждена практикой, что делает ее рабочей, в отличие от многочисленных современных однодневок, практическая ценность которых либо сомнительна, либо вообще ничем не подтверждена и никем не доказана.

Мы сохранили обязательность профессионального тренинга, исходя из его, безусловно, приоритетных (классических) задач:

- каждый будущий специалист должен самостоятельно убедиться, что у него есть бессознательное;

- каждый будущий специалист должен самостоятельно убедиться, что психоаналитическая концепция действительно работает;

- каждый будущий специалист должен почувствовать себя в роли пациента, и ознакомиться с теми чувствами, которые испытывает пациент;

- каждый будущий специалист должен по возможности осознать и проработать свои собственные проблемы, чтобы не приносить их затем в практику и не отыгрывать на пациенте.

Опыт общения с теми, кто имел «очень хороший анализ» у лучших западных специалистов (в том числе – опыт общения с людьми до и после анализа), показывает, что «освободиться» от проблем – вряд ли возможно. Осознание проблем, их отсутствие и контроль над ними – это абсолютно разные вещи. Значимость персонального анализа неопределима, но было бы ошибкой ее фетишизировать.

Мы сохранили систему супервизорского психотерапевтического тренинга и систему общественной аккредитации специалистов – практиков, но лишь в дополнение к государственной аккредитации психоаналитического образования (только образования).

Мы исходно создавали университетскую модель психоаналитического образования на основе государственного лицензирования и аккредитации для врачей и психологов, и эта модель уже многократно тиражирована в России, и реально работает. В этой модели мы последовательно стараемся интегрировать различные подходы и направления в современном западном психоанализе. Эта модель уже много лет работает, как минимум, в трех

российских институтах: в Санкт-Петербурге, в Москве (ректор – Елена Спиркина) и в Хабаровске (ректор – Клара Воробьева).

Мы с огромным уважением относимся к западному клиническому опыту и будем последовательно прилагать усилия к тому, чтобы перенимать этот опыт, не забывая одновременно, что это не один опыт, а множество опытов, а также то, что практический опыт не только передается, но и накапливается, и всегда связан со спецификой конкретной культуры, социально-психологической и социально-экономической ситуацией в той или иной стране или даже в том или ином регионе. Для многонациональной и поликонфессиональной России последний фактор особенно важен, также как для наших студентов из новых стран Европы, Азии и Закавказья.

При всем уважении к усилиям наших ориентированных на западный тренинг коллег, мы с большим скепсисом относимся к филиативным формам подготовки специалистов, когда в угоду следования формальной традиции обучающий анализ «транслируется» в пост-советское пространство путем так называемого «шатл-анализа», который в некоторых случаях проводится на третьем для обеих сторон (аналитика и анализанта) языке. О каком глубоком проникновении в бессознательное здесь может идти речь? Не говоря уже о таком специфическом факторе, как (без преувеличения) «патологическая» интенсивность сеттинга (до 7 – 12 сессий в неделю) с последующим его прерыванием на длительный срок. Мы знаем мнение об этом некоторых из тех, кто уже «прошел» или пытался пройти через это. Но это слишком деликатная тема, чтобы говорить о ней публично. Только однажды, в самом начале этого «проекта» Хан Гроен Праккен с большим скепсисом вынесла на обсуждение тему здоровья шатл-анализантов. Но дальше этого не пошло. Неужели главное – это «не поступиться принципами?»

Мы последовательно заинтересованы в развитии контактов с другими национальными и международными психоаналитическими организациями, но категорически не приемлем диктат тех или иных международных сообществ по отношению к национальным организациям во всем, что касается следованию тем или иным «раз и навсегда установленным» традициям, тем или иным доктринам, тем или иным организационно-методическим формам существования и развития психоанализа. Мы признаем единство психоаналитической парадигмы и множественность вариантов ее осмысления, как естественное развитие этой парадигмы.

Мы разделяем активно формирующиеся на Западе исследовательские подходы к психоаналитической теории и практике, и будем развивать их в содружестве с нашими коллегами и со смежными областями знаний и практики.

Мы высоко оцениваем западную систему общественной аккредитации специалистов-практиков, обучающих аналитиков и супервизоров, и будем активно развивать и внедрять ее в России.

Мы также высоко оцениваем и разделяем сложившиеся на Западе этические принципы психоаналитической практики и корпоративной этики межличностных отношений специалистов. Но не принимаем негласную

«межконфессиональную» нетерпимость различных направлений в психоанализе, и считаем ее противоречащей этим этическим принципам.

Границы современного психоанализа, как науки и практики, только формируются. И этот материал вовсе не претендует на какую-либо окончательную оценку ситуации. Он скорее ориентирован на приглашение к дискуссии и переосмыслению.

История психоанализа в России

(Вступительная статья к книге Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / Сост. и авт. вступ. ст. В. М. Лейбин.– М.: Республика, 1994)

В.М.Лейбин

Когда говорят, что будущее непредсказуемо, то это воспринимается как нечто нормальное, связанное с пониманием тех трудностей, которые неизбежно возникают перед человеком, задумывающимся над грядущим. Но если говорят о непредсказуемости прошлого, что подчас имеет место по отношению к истории России, то это невольно наталкивает на грустные размышления.

В самом деле, почему многие исследования предшествующих десятилетий не только не отражали реальную картину истории России, но и прямо искажали ее? И если бы в этом были повинны отдельные личности, то речь могла бы идти о некомпетентности ученых, их неспособности обнаружить под грудой фактов зерна исторической правды. Но в том-то и дело, что на протяжении ряда десятилетий мистификация прошлого была неотъемлемой частью многих исторических исследований, авторы которых сознательно или бессознательно предпочитали говорить правду прежде всего (но не только) в зависимости от санкции класть имущих.

Сегодня непредвзятый взгляд на реальные события прошлого позволяет воссоздать в памяти драмы и трагедии, разыгравшиеся на подмостках российской действительности, и заново переосмыслить их. Воссоздание истории приобретает тем большую ценность, чем глубже ощущается потребность в понимании того, какое прошлое предшествовало нынешнему положению вещей, какие утраты понесла русская культура во время насильственного насаждения единомыслия. И все же находящиеся иве пределов официального признания психоаналитические идеи так или иначе проникали в сознание тех, кто самостоятельно пытался разобраться в сложных проблемах бытия человека, его мышления и поведения. Эти идеи привлекали к себе внимание не только потому, что; как говорится, запретный плод сладок, но и в силу того, что проблематика бессознательного, являющаяся центром психоаналитических исследований, постепенно включалась в орбиту различных сфер научного знания к художественного восприятия реальности.

И как только господствовавшие долгое время стереотипы и клише рухнули, психоанализ оказался вовлеченным в круговорот страстей, захлестнувших Россию. В конце 80 – начале 90-х годов многие издательства выплеснули на книжный рынок значительное количество переводов работ Зигмунда Фрейда (1856–1939) – основателя классического психоанализа. Появились также переводы трудов К.-Г. Юнга, Э. Фромма и других

зарубежных ученых, внесших значительный вклад в переосмысление психоаналитических теорий.

Драматическая судьба русского психоанализа в большей степени известна некоторым зарубежным специалистам, интересующимся историческими событиями в России периода 20–30-х годов, нежели отечественным ученым. И в этом нет ничего удивительного, поскольку зарубежные исследователи имели возможность почерпнуть необходимую им информацию из различных источников и довести ее до читателя, в то время как отечественные ученые в лучшем случае на свой страх и риск по крупицам собирали исторический материал, часто находящийся “за семью печатями”.

Обращение к истории развития психоанализа в России позволяет лучше понять ту идейную канву, которая обрамляла русскую мысль на протяжении ряда последних десятилетий, придавая ей особый колорит. Раскрытие процессов ее превращения в заколдованный мир единомыслия с его неизменными атрибутами, лозунгами и символами и, напротив, возвращения к подлинным истокам духовности – задача отнюдь не простая. Она требует значительных усилий по осмыслению природы этого мира и расшифровке языка социального бессознательного, превалирующего в нем. Рассмотрение перипетий истории русского психоанализа, несомненно, может внести дополнительные штрихи в общую палитру идейных исканий, проникающих по ту сторону того образа мышления и действия, который породил несчастное сознание, находящееся под пятой социального бессознательного.

Но как это ни парадоксально на первый взгляд, неадекватное воспроизведение исторической истины характерно и для тех, кто жил и работал за пределами общества, часто именуемого тоталитарным. Речь идет в первую очередь о зарубежных историках науки, проявляющих профессиональный интерес к России, русскому психоанализу, но оказавшихся бессознательно включенными в круг иных стереотипов, носящих на себе печать западничества. Того западничества, которое воспринималось как вторжение чужеродных представлений о бессознательном в мысль и культуру России.

Развенчание западных стереотипов предполагает рассмотрение проблематики бессознательного в истории русской философии, психологии, педагогики и медицины. Освещение этого вопроса нашло отражение в работе “Фрейд и Россия”, подготовленной мною в начале 1991 года, но, к сожалению, пока не опубликованной в силу финансовых затруднений, характерных ныне для многих издательств. В рамках изложения материала, связанного с историей психоанализа в России, достаточно, пожалуй, подчеркнуть то обстоятельство, что представления о бессознательной деятельности человека содержались во многих исследованиях отечественных авторов до того, как возникло учение Фрейда. Более того, многие идеи, оказавшиеся в центре классического психоанализа, параллельно и независимо от Фрейда неоднократно высказывались русскими авторами. Как

это ни удивительно для исследователей, находящихся под влиянием западных установок, некоторые идеи, касающиеся проблематики бессознательного и выросшие на российской почве, органически вошли в арсенал размышлений Фрейда о человеке, будь то его постулаты об агрессивности, инстинкте смерти или психологии как “палке о двух концах” (Ф. Достоевский).

Все это свидетельствует, что история развития психоанализа в России до сих пор является не проясненной до конца. Раскрытие взаимосвязей между учением Фрейда и русской культурой требует пересмотра некоторых представлений, выдвинутых в рамках классического психоанализа и канонизированных наиболее видными его приверженцами. Даже такой, казалось бы, простой вопрос, как о первом упоминании имени Фрейда в русской печати, получает обычно неверный ответ. Широко распространено мнение, что Фрейд стал известен в России с 190 года, когда впервые на русском языке была опубликована его работа “О сновидениях”, представляющая собой краткое и популярное изложение идей, содержащихся в его монументальном труде “Толкование сновидений”, вышедшем в свет в конце 1899 года, но датированном 1900 годом.

Между тем имя Фрейда впервые появилось в русской печати еще до того, как он выдвинул свои психоаналитические идеи. Это произошло в 1884 году, когда в еженедельной медицинской газете “Врач” была опубликована статья Л.О.Даркшевича (1858-1925) – основателя казанской неврологической школы, директора Третьего московского медицинского института, а также Московского областного научно-исследовательского клинического института. В данной статье 1 Л.О.Даркшевич сообщал русским медикам о работе, выполненной Фрейдом в лаборатории профессора Мейнерта. Речь шла о предложенном Фрейдом способе окраски хлористым золотом препаратов для исследования центральной нервной системы с целью изучения нервных волокон.

Молодой Даркшевич, в 1882 году окончивший Московский императорский университет и получивший звание лекаря, год спустя поехал учиться в Вену, где специализировался в области изучения анатомии мозга в лаборатории профессора Мейнерта. Там он и познакомился с Фрейдом, с которым на протяжении ряда лет поддерживал дружеские отношения вплоть до того периода, когда между ними появились идейные разногласия. Достаточно сказать, что они вместе были в Париже у знаменитого французского психиатра Ж. Шарко, возглавлявшего клинику в Сальпетриере, а впоследствии, когда Даркшевич возвратился на родину, Фрейд посылал ему свои работы с дарственными надписями.

Работая в лаборатории Мейнерта, Даркшевич имел возможность познакомиться с новым способом окраски препаратов, предложенным Фрейдом. На данный способ Фрейда можно было смотреть как на вспомогательное средство при исследовании хода волокон в нервной системе. Даркшевич счел необходимым познакомить своих коллег в России с интересной работой Фрейда, изложение идей которой и было им сделано с

согласия автора в газете “Врач”. Так впервые в 1884 году русские врачи слышали имя Фрейда, которое лишь два десятилетия спустя стало ассоциироваться с психоаналитическим учением.

Другое дело, что именно благодаря своим психоаналитическим взглядам на человека и культуру Фрейд добился мирового признания и вошел в историю науки. Только в последние десятилетия в различных странах мира историки науки заговорили о заслугах Фрейда, связанных с разработкой им неврологических идей и использованием кокаина как обезболивающего средства при глазных операциях, т. е. с той работой, которая осуществлялась им до возникновения психоанализа, о которой он предпочитал умалчивать в годы своего психоаналитического триумфа.

Известно, что Фрейд стал врачом-невропатологом вопреки своим внутренним побуждениям. Обстоятельства жизни, связанные с необходимостью поиска надежных источников материального достатка, вынудили его покинуть стезю возможной академической карьеры и заняться клинической деятельностью. С целью совершенствования методов лечения нервных больных он предпринимает поездки не только в Париж (1885) к Ж. Шарко, но и в Нанси (1889) к одному из ведущих специалистов того времени по гипнозу – И.Бернгейму. Причем первые годы работы Фрейда в качестве практикующего врача-невропатолога были отмечены его интересом к различным способам лечения больных, начиная от гипноза и кончая водо- и электротерапией. И наконец, совместная с венским врачом И. Брейером работа над книгой “Исследование истерии”, опубликованной в 1895 году, вплотную подвела Фрейда к тем идеям, которые знаменовали собой открытие психоанализа.

Встретив вначале сопротивление в академических и медицинских кругах Вены, психоанализ постепенно перерос национальные границы и обрел своих приверженцев в различных областях естественно-научного и гуманитарного знания. Из маленького кружка единомышленников Фрейда, собиравшихся в его венском доме для обсуждения выдвинутых учителем постулатов, гипотез и концепций, психоанализ превратился в широкое идейное движение с центрами и институтами в Австрии, Германии, Англии, Швейцарии, Франции, США и ряде других стран мира.

В канонизированной истории развития психоанализа Россия редко упоминается в качестве страны, где психоаналитическое учение получило сколько-нибудь весомую поддержку. Напротив, Россия и психоанализ рассматриваются обычно как идейно несовместимые друг с другом, ибо постреволюционное общество в России относилось к типу закрытых, подавляющих свободу мысли, в то время как психоанализ ассоциировался с индивидуально-личностным освобождением от различного рода иллюзий, догм, стереотипов.

Между тем история восприятия психоанализа Россией не столь однозначна, как это представлено в канонизированных исследованиях, акцентирующих основное внимание на взаимосвязях между западной культурой и распространением в ней психоаналитических идей. В том-то и

дело, что в начале XX века Россия оказалась одним из немногих центров, наряду с Австрией, Германией и Швейцарией, где психоанализ не только обрел своих сторонников, но и получил творческое развитие. Во Франции и США, являющихся сегодня Меккой психоаналитического движения, теория и практика психоанализа получили широкое распространение намного позже, чем в России. Другое дело, что дальнейшая судьба психоанализа в России оказалась весьма драматичной, как, впрочем, и постреволюционное развитие страны в целом. Но это отнюдь не исключает восстановления исторической истины, свидетельствующей о широком распространении психоаналитических идей, имевшем место в России в начале XX столетия.

Как уже упоминалось выше, работа Фрейда о сновидениях была опубликована на русском языке в 1904 году, в то время, когда во многих странах мира большинство ученых даже не знало о существовании психоанализа. В течение последующих десяти лет, вплоть до начала первой мировой войны, в России были изданы многие работы Фрейда и примыкающих к нему психоаналитиков, включая К. Абрагама, А. Адлера, Г. Закса, О. Ранка, В. Штекеля. В России 20-х годов также неоднократно публиковалась зарубежная психоаналитическая литература. На русском языке были изданы практически все основные труды Фрейда. Ни в одной другой стране мира работы Фрейда не переводились столь интенсивно, как в России 20-х годов.

Более того, Россия оказалась не только благоприятной почвой для восприятия психоаналитических идей, но и одним из немногих центров позитивной разработки теории и практики психоанализа. Речь идет о русском психоанализе, становление и развитие которого имело многообещающие перспективы. К сожалению, постреволюционная идейная борьба, инициированная политическими лидерами и отразившаяся на развитии отечественной науки, не только перечеркнула перспективы русского психоанализа, но и под знаком противостояния “буржуазной идеологии” фактически устранила психоанализ из России, сделав его объектом непримиримой критики на протяжении шести десятилетий.

Как конкретно это произошло, и почему многие русские ученые были вынуждены отвернуться от психоанализа – особый вопрос предполагающий обстоятельное рассмотрение политической культуры России 30-х годов. Единственное, что стоит отметить, так это ту причину, в силу которой психоанализ оказался одной из первых жертв идеологизации и политизации науки в постреволюционной России. Причина эта, на наш взгляд, состоит в том, что исследования психологических механизмов функционирования бессознательного, проводимые в те годы русскими психоаналитиками, невольно затронули скрытые пружины политических страстей, разыгрывавшихся на Олимпе власти и способствовавших порождению массовой истерии среди участников российской трагедии.

Не останавливаясь подробно на всех перипетиях развития и запрещения психоанализа в России, есть смысл все же сделать краткий экскурс в историю, чтобы тем самым представить читателю возможность

ощутить временные рамки распространения психоаналитических идей в нашем отечестве. И не только ощутить историческое время, погружение в которое требует некоего отрешения от проблем, тревог и забот сегодняшнего дня, но и прочувствовать, понять и оценить великомученичество русской мысли, высекающей искры гениальных прозрений под ударами молота беспринципных политических кампаний по наковальне зерен познания, накопленных в сокровищнице мировой культуры.

Прежде всего следует иметь в виду, что в дореволюционный период идеи Фрейда нашли отклик среди части русских ученых, имевших возможность ознакомиться с теоретическим и клиническим психоанализом как во время зарубежных командировок, так и в процессе осмысления результатов психоаналитических исследований, опубликованных на страницах зарубежных и ряда отечественных журналов, включая “Психотерапию”, “Современную психиатрию”, “Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова”. Распространению психоанализа в России в значительной степени способствовали такие теоретики и клиницисты, как М. Асатиани, Л.Белобородов, Н.Вырубов, М.Вульф, А. Алкинд, Ю.Каннабих, В.Лихницкий, Н.Осяпов, А.Певницкий, Т. Розенталь и другие.

Правда, с самого начала вторжения психоаналитических идей в русскую психологию и психиатрию учение Фрейда о сексуальной этиологии неврозов и бессознательной, деятельности человека вызвало неоднозначную реакцию. Некоторые психологи и медики, в частности О.Фельцман, Я.Рамист, Н.Скляр, критически отнеслись к психоаналитическим идеям, считая, что психоанализ может приносить вред и как терапевтический прием менее эффективен по сравнению с другими методами лечения психических расстройств.

Однако, по мере опубликования работ Фрейда, психоанализ стал обретать все больше сторонников среди русских психотерапевтов. Во всяком случае, начиная с 1909 года, когда в России наметилась устойчивая линия популяризации учения Фрейда, психоанализ стал привлекать к себе внимание ряда русских ученых. Появились оригинальные психоаналитические исследования. На протяжении 1910-1914 годов в журнале “Психотерапия” было опубликовано значительное число психоаналитических материалов.

Приглушенный первой мировой войной интерес к психоанализу вновь оживился после Октябрьской революции 1917 года. Впрочем, и в тревожные времена предвоенного и военного периода анализ учения Фрейда проводился не только в журнальных статьях, но и в фундаментальных трудах. Об интересе к психоанализу в тот период свидетельствует и замечание Николая Бердяева в работе “Смысл творчества”, законченной в 1914 году и опубликованной два года спустя: “У Фрейда нет психиатрической затхлости, у него есть свобода и дерзновение мысли. Фрейд научно обосновывает ту истину, что сексуальность разлита по всему человеческому существу и присуща даже младенцам. Он колеблет обычные границы нормально-естественной сексуальности. Он научно-позитивно обосновывает некоторые

гениальные интуиции Вейнингера, хотя дух их есть разный. Но склонность школы Фрейда объяснять все вплоть до религиозной жизни, неосознанной сексуальностью принимает формы маниакальной идеи, характерной для психиатров. Ведь и этот пансексуализм может быть объяснен неосознанной сексуальностью его создателей, если применить тот метод сыска и вмешательства в интимную жизнь, который допускает школа Фрейда. Натяжки Фрейда в объяснении типа Леонардо или объяснении основ доходят до комического. И все же Фрейд помогает осознанию сексуальности”².

После первой мировой войны журнал “Психотерапия”, на страницах которого наиболее активно обсуждались теоретические и клинические вопросы психоанализа, не возобновил свою деятельность. Тем не менее в последующие годы психоаналитические идеи имели широкое распространение среди части русских ученых. Эти идеи использовались не только в медицине, но и в психологии, педагогике и литературоведении. В Москве, Киеве, Одессе, Казани, Ростове-на-Дону существовали группы, члены которых придерживались психоаналитических взглядов, разделяли учение Фрейда о неврозах и роли бессознательного в жизнедеятельности человека. В 1921 году в Москве возродилось Русское психоаналитическое общество, активными участниками которого были М.Вульф, Н.Осипов, И.Ермаков, А.Лурия и другие.

Русские ученые принимали участие в работе международных психоаналитических конгрессов, публиковали свои материалы в зарубежных журналах, состояли членами зарубежных психоаналитических организаций. В тот период в постреволюционной России выходила психоаналитическая библиотечка, в рамках которой были переведены на русский язык и опубликованы исследования многих зарубежных психоаналитиков, включая Ф.Виттельса, Э.Джонса, М.Клейн, А.Фрейд, И.Нейфельда.

Если отечественные философы и психологи спорили о том, возможно ли использование психоаналитических идей в рамках марксизма, то ряд психиатров применял психоаналитические методы в своей практической деятельности, некоторые педагоги в школах и воспитатели в детских садах опирались на психоаналитические концепции в процессе обучения и воспитания детей, отдельные теоретики давали психоаналитическую интерпретацию художественных произведений и различных видов человеческой деятельности. Психоаналитическое учение Фрейда было положено в основу ряда работ, написанных такими авторами, как И.Ермаков, Я.Коган, А.Гербстман, М.Вульф, И.Перепель, и многими другими, частично или полностью разделявшими наиболее ярко выраженные идеи психоанализа.

К середине 20-х годов наметилась поляризация позиций, сторонники которых по-разному оценивали психоаналитическое учение Фрейда и вклад психоанализа как в клиническую терапию, так и в исследование повседневной жизни человека во всех разнообразных ее формах и проявлениях. Многие русские ученые оказались втянутыми в идейную полемику о психоанализе. М.Аствацатуров, П.Блонский, Б.Быховский,

А.Варьяш, В.Волошинов, А.Воронский, Л.Выготский, В.Гаккебуш, И.Григорьев, А.Деборин, А.Залкинд, А.Лурия, Н.Карев, М.Рейснер, И.Сапир, Ю.Франкфурт, Б.Фридман, М.Ширвиндт, В.Юринец – вот далеко не полный перечень авторов, считавших необходимым в устной или письменной форме выразить свое отношение к психоаналитическому учению Фрейда, психоанализу и фрейдизму в целом.

Острая, порой нелिцеприятная полемика в науке – дело обычное. Существо такой полемики лучше всего отражено в известном выражении “Платон мне друг, но истина дороже”. Поэтому нет ничего удивительного в том, что распространение психоаналитических идей в России на этапе радикальных социально-экономических, политических и культурных преобразований вызвало столь бурные дискуссии среди русских ученых. Однако период научных дебатов, связанных с восприятием и использованием психоанализа в России, оказался кратковременным. Достаточно, пожалуй, сослаться на такой факт. В 1922 году на базе детского дома “Международная солидарность” создается Государственный психоаналитический институт, в рамках которого активизируется исследовательская и издательская деятельность по психоанализу. Но уже летом 1925 года принимается официальное постановление о закрытии этого института со всеми вытекающими отсюда последствиями.

К концу 20-х годов до предела обостряются дискуссии о месте и роли психоанализа в России. Претензии ортодоксально мыслящих ученых на единственно правильное понимание марксизма, идейно несовместимого ни с какими иными теориями и концепциями, органически вписались в политическую культуру постреволюционной России, постепенно, но неотступно насаждавшую идеалы единомыслия, сопряженные с идеей обострения классовой борьбы в стране. Кровавые баталии на фронтах военных действий, ранее завершившиеся беспощадной расправой с врагами Советской власти, обернулись постоянно нарастающими атаками на инакомыслие, столь свойственное научному миру.

Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что распространению психоанализа в России способствовали и одобрительные отзывы о нем некоторых политических деятелей, включая К.Радека и Л.Троцкого. В частности, Троцкий, в годы эмиграции имевший возможность не только ознакомиться с психоаналитическими идеями, но и посещать заседания психоаналитиков, высоко оценивал психоанализ. Выступая против ортодоксальных критиков психоаналитических концепций, он подчеркивал, что “попытка объявить психоанализ “несовместимым” с марксизмом и попросту повернуться к фрейдизму спиной слишком проста или, вернее, простовата”³.

Это не могло не сказаться на последующем развитии психоанализа в России. И действительно, борьба с троцкизмом и изгнание Троцкого за пределы отечества наложили несмыслимое идеологическое клеймо на психоанализ. В конечном счете начатая Сталиным и подхваченная

средствами печати политическая кампания по разоблачению “троцкистской контрабанды” в науке предопределила судьбу психоанализа в России.

Научная аргументация за и против психоанализа была подменена навешиванием идейных ярлыков на наиболее строптивых ученых, что в условиях нарастающих репрессий по подавлению инакомыслия нередко оборачивалось физической расправой над ними. Идеологическое давление ставило многих ученых перед проблемой выбора дальнейшего пути жизни, ведь тогда продолжение профессиональной деятельности всецело зависело от того, какую позицию занимаешь по отношению к тем или иным научным направлениям.

Если 20-е годы явились своеобразным пиком развития психоанализа в России, то начиная с 30-х годов, когда политические кампании переросли в непримиримые сшибки между учеными на различных “теоретических фронтах”, явственно обнаружилась все симптомы, свидетельствующие о неизбежном поражении русского психоанализа в неравной борьбе с укрепляющимися год от года структурами единовластия в стране.

Психоанализ с его интенцией на развенчание различного рода иллюзий не мог существовать в обществе, всеми средствами насаждающем всякого рода мифы и иллюзии. Психоанализ с его стремлением вскрыть бессознательные страхи человека и довести до его сознания вытесненные идеологией и культурой естественные желания был обречен на изгнание и запрещение в системе, противостоящей любому инакомыслию.

Так как психоанализ оказался в центре идейных столкновений между теми, кто объявил себя подлинными марксистами, и свободно мыслящими учеными, то он был обречен на поражение в постреволюционной России.

Узнав о гонениях на свое учение в России, Фрейд не мог понять, почему это произошло. Ведь, согласно его взглядам, психоанализ является нейтральной наукой, не примыкающей ни к какой политической партии. Однако для него не составляло труда подметить одну из черт, которые марксизм приобрел в условиях постреволюционной России. “В своем осуществлении в русском большевизме, – писал Фрейд, – теоретический марксизм нашел энергию, законченность и исключительность мировоззрения, но одновременно и зловещее подобие тому, против чего он борется. Будучи первоначально сам частью науки, опираясь в своем осуществлении на науку и технику, он создал, однако, запрет на мышление, который так же неумолим, как в свое время в религии. Критические исследования марксистской теории запрещены, сомнения в ее правильности караются так же, как когда-то еретичество каралось католической церковью. Произведения Маркса как источник откровения, заняли место Библии и Корана, хотя они не менее свободны от противоречий и темных мест, чем эти более древние священные книги”⁴.

Одни русские психоаналитики покинули Россию, другие отвернулись от психоаналитического учения Фрейда, приложив все усилия к тому, чтобы оправдать доверие облеченных властью и обласканных Сталиным академиков, задававших тон в науке, третьи, официально порвав с

психоанализом, на свой страх и риск занимались психоаналитической теорией и практикой, тщательно скрывая от начальства свои истинные пристрастия и убеждения. В конечном счете психоанализ с 30-х годов стал ассоциироваться с “буржуазной идеологией”, и этот ярлык сохранился за ним в России на долгие годы. Только в общем контексте демократических перемен, наметившихся во второй половине 80-х годов, произошло возвращение Фрейда в Россию и возрождение психоанализа в нашей стране. В начале 1990 года была создана Российская, психоаналитическая ассоциация. С 1991 года начал издаваться журнал “Российский психоаналитический вестник”. В том же году в Санкт-Петербурге открылся Институт психоанализа. В газетах и различных изданиях стали появляться публикации, в которых с психоаналитических позиций дается оценка политических событий в России. Психотерапевты открыто используют методы психоанализа в курсе лечения больных. Одним словом, психоанализ в России обретает свое второе дыхание и можно надеяться на возрождение лучших традиций, некогда заложенных русскими психоаналитиками.

Извлечение уроков из прошлого представляет не только частный интерес для ученого-исследователя. Оно имеет более широкое социальное и культурное значение, ведет к лучшему пониманию не только перипетий развития нашей страны, но и будущего России. Вот почему воспроизведение оригинальных текстов, дающих наглядное представление широкому кругу читателей об истории развития психоаналитических идей на российской почве, оказывается весьма своевременным и несомненно заслуживающим внимания как в плане переоценки исторических событий, так и с точки зрения предвидения возможных путей дальнейшего развития России. Настоящее издание включает в себя три раздела. На основе содержащихся в них материалов читатель может/воссоздать историческое полотно, дающее общее представление о взаимосвязях между психоаналитическим учением Фрейда и русской мыслью.

Первый раздел содержит материалы, позволяющие судить об основных идеях классического психоанализа. Это прежде всего статьи Фрейда о психоаналитической трактовке бессознательного и роли сексуальности в жизни человека. Кроме того, в первый раздел включены: одна из глав работы О.Ранка и Г.Закса “Значение психоанализа в науках о духе”, посвященная проблематике бессознательного, а также психоаналитический очерк И. Нейфельда о Достоевском. Все эти работы в свое время были переведены на русский язык и опубликованы в дореволюционной и постреволюционной России, что дает возможность читателю понять, с какими психоаналитическими идеями были знакомы русские ученые.

Второй раздел представлен работами русских ученых, опубликованными в различных изданиях в дореволюционной России. Статьи Н.Е.Осипова и В.Н.Лихницкого посвящены теории и практике психоанализа. Статьи В.Рахманова и Н.А.Вырубова имеют дело с прикладными аспектами психоанализа – с использованием психоаналитических идей в педагогике и опытом психоаналитического толкования художественной литературы. Тем

самым читатель имеет возможность ознакомиться с оригинальными материалами, свидетельствующими о проникновении психоаналитических идей не только в медицинские круги России, но и в сферу гуманитарного знания.

В третьем разделе содержатся материалы, принадлежащие перу русских авторов, работавших в тех или иных отраслях естественнонаучного и гуманитарного знания в постреволюционной России. Среди них – различные по объему статьи, главы из книг и работы А.Залкинда, А.Лурии, А.Деборина, И.Григорьева, Б.Быховского, Л.Выготского, В.Волошинова, М.Ширвиндта и П.Блонского. Данные материалы расположены в хронологическом порядке в зависимости от времени их написания и публикации, что дает возможность читателю последовательно, шаг за шагом следить за нарастанием идейной полемики вокруг психоанализа, имевшей место в России 20–30-х годов.

Раскрытие истории психоанализа в России во всем ее объеме и деталях – дело кропотливое и трудоемкое. Многие материалы, способствующие воссозданию исторической правды, пока еще не обнаружены. О некоторых русских авторах, чьи публикации о психоанализе привлекают внимание исследователей, нет достоверной информации. Поэтому и биографические справки, помещенные в конце данной книги, оказались, к сожалению, далеко не полными.

В конце работы приведена также библиография статей и книг по психоанализу, опубликованных в дореволюционной и постреволюционной России 20–30-х годов. Она свидетельствует о том, что содержащиеся в работе оригинальные материалы – незначительная часть того обширного наследия по психоанализу, которое заключено в русской мысли.

Остается только выразить надежду, что публикация данного труда привлечет внимание читателя к истории развития психоанализа в России и, быть может, послужит толчком для серьезных раздумий над трагедиями минувшего, драмами настоящего, перспективами будущего.

1 Даркшевич Л. О. Новый способ окрашивания микроскопических препаратов для исследования хода волокон в центральной нервной системе // Врач. Т. 5, № 6, 1884. С. 94.

2 Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 562–563.

3 Троцкий Л. Соч. М.; Л., 1927. Т. 21. С. 430.

4 Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989. С. 414.

Экспонировать психоанализ.

(О Музее сновидений Фрейда в тени «Проблемы дилетантского анализа»)

В.А.Мазин

1.Музей психоанализа.

Едва ли у нас что-то получилось бы, если мы поставили бы себе цель рассказать о психоанализе посредством музея. Идея музеефикации психоанализа, попросту говоря, не представляется адекватной. Можно, конечно, создать музей, рассказывающий о жизни и деятельности Человека Фрейда, можно построить Музей истории психоанализа в России, можно сделать дом-квартиру Человека-Волка, можно даже психоаналитически истолковать идею музея сновидений [1].

Другое дело - представить, экспонировать психоанализ, психоаналитический сеанс. Здесь мы сталкиваемся с проблемой свидетельства. Кто свидетель происходящего на сеансе? Как его экспонировать? Как представить время, длительность? Что можно увидеть на психоаналитическом сеансе? Как представить невидимое? Вопрос свидетельства поднимается Фрейдом в работе "Проблема дилетантского анализа" (1926), в которой он на первых же страницах говорит "аналитическая ситуация не выносит третьего" [2].

Более того, главной свидетельницей психоанализа оказывается мифология [3]. Именно психоаналитический миф, но никак не "собственно" психоанализ - вот что стремится занять место музейного экспоната.

И все же музей как место обитания муз, как территория репрезентации искусства, по крайней мере, в одном аспекте представляется весьма уместным. Речь идет о близости, средстве психоанализа и искусства. И дело не только в страстном коллекционировании Фрейда, не только в легко устанавливаемой связи между предметами из его коллекции и психоаналитическими теориями, и даже не только в том, что практически каждое произведение искусства в коллекции - аллегория психоаналитического свидетеля, т.е. того или иного мифа [4].

Дело в том, что сам психоанализ - искусство.

2.Искусство психоанализа.

Психоанализ - невозможная профессия [5], психоанализ - искусство, по меньшей мере - искусство толкования (Deutungskunst), как его определяет Фрейд. Здесь, как мы понимаем, речь идет не только о врачах и так называемых дилетантах, но и о проблеме психоаналитической дидактики. Преподавание психоанализа оказывается связанным не только с передачей

неких знаний, но с самовопрошанием и обнаружением ответов в себе в бесконечном внутреннем диалоге. Не удивительно, что психоаналитическая дидактика, с одной стороны, гомологична психоаналитическому сеансу, с другой, - дисциплине, подобной дзен-буддизму. Вспомните начало первого семинара Лакана: "Прервать молчание Мэтр может чем угодно - сарказмом или пинком ноги" [6]. Причем, процесс этот, так сказать, - обоюдный. Кто здесь Мэтр? Только ли тот, кто априори наделен знанием? Или еще и тот, кто покупает время?

Так или иначе, а психоаналитик, который сам себя считает состоявшимся профессиональным психоаналитиком, облаченным властью знания, представляется весьма подозрительным субъектом. Больше доверия, пожалуй, вызывает тот, кто постоянно утверждает недостаточность своих знаний. Психоаналитик - тот, кто признает не только чужое непризнание (иначе говоря, бессознательное знание), но и всегда уже неполноту собственного знания. Психоаналитик призван постоянно трансформироваться в психоаналитика во взаимодействии с другими.

В этом и состоит психоаналитическое техне, сочетающее в себе искусство, методологию и знание. Недавно от одного психоаналитика (!?) довелось услышать следующее суждение, распространенное в оппозиции психоанализу, - "фрейдовская техника устарела". Суждение это выводилось из того основания, что "со времен Фрейда изменились пациенты!" Получается, пациент изменился настолько, что перестал проявлять перенос, сопротивление? Запропастилось бессознательное? Однако возникает и совершенно другой вопрос: что это за фрейдовская техника? Здесь вспоминается всем известная история о пациентах Фрейда, обсуждающих эту самую технику. Один говорит: "Он все время молчит". Другой: "Да он мне слова вставить не дает!" Фрейд не технику завещал, а возможность ее создания. Психоанализ - процесс создания методологии по ходу ее создания. Вспомните слова Лакана "Сам Фрейд метода не применял. И было бы ошибкой пренебречь уникальностью его опыта первопроходца" [7].

Фрейд метод вырабатывал и прорабатывал. Каждый раз, варьируя его, поскольку психоанализ - не свод правил, инструкций и рекомендаций, но бесконечно трансформирующееся техне в зависимости от сингулярности субъекта, поскольку психоаналитик "не применяет ни инструменты, ни исследования, ни предписания медикаментов" [8]. Как-то один "пациент" [9] впервые вошел в кабинет и сразу же убежденно сказал: "Я пришел за помощью, а не затем, чтобы вы на мне отработывали психоаналитические схемы!" Какие именно схемы он подразумевал? Те, о которых знал, но не признавал? Так кому из нас известны эти схемы? Знание в сопротивлении?

3.Лента Мебиуса.

Положение психоанализа в системе знаний исходно двойственно. Он располагается между медициной и философией, между лингвистикой и

психологией, между магией и позитивизмом, между искусством и наукой. Одним из такого рода проектов типа "между", прошедших в Музее сновидений стал проект художницы Юлии Страусовой и математика, лингвиста Филиппа фон Гильгерса. Они работают в Берлине, где Страусова преподает в Университете медиа-искусств, а фон Гильгерс - научный сотрудник Университета технологии культуры имени Гельмгольца. Вот те темы, которые обращают на себя внимание в медиа-инсталляции "Электрозеркало", созданной Страусовой с фон Гильгерсом: внутреннее и внешнее, психоанализ и математика, психоанализ и лингвистика, психология и технология, компьютерная реальность и реальность психическая. Аллегорией всех этих тем стала Лента Мебиуса, представленная на картине, в скульптурах, в компьютерной анимации. Именно Лента Мебиуса, как известно, представляла для Лакана внеопозиционный характер внешнего/внутреннего, означающего/означаемого в психоанализе; можно даже сказать апозиционный характер самого психоанализа.

Одним из частичных объектов медиа-инсталляции была видеопроекция трехмерной маски Фрейда. Посмертной маски Фрейда не существует, так что с помощью компьютерной программы "Майя" Страусова воспроизвела маску по фотографии. Маска Фрейда как бы стала частью его собственной коллекции посмертных масок. Эта видеопроекция проявляла сложную хронологию психического пространства. Маска сделана по портрету 12-летнего Фрейда, но говорит она голосом 80-летнего психоаналитика, приехавшего в Лондон в надежде обрести, наконец, покой. Более того, речь эта, произнесенная на БиБиСи, сначала слышна "нормально", а затем маска как бы заглатывает речь, забирает слова назад. Так звуковая дорожка и образный ряд демонстрировали безвременные, а точнее - со-временные представления Фрейда о психическом пространстве. Голос и образ появлялись из шума и в нем же растворялись.

Не менее интересна и созданная Филиппом фон Гильгерсом Машина Анализирующая Дискурс. Работает она, в двух словах, следующим образом: глаз пользователя оказывается перед какой-то короткой фразой, потом эта фраза распадается на составные части, и глаз "бессознательно" (поскольку все происходит мгновенно) делает свой выбор - устремляется за одним из слов, за чем-то значимым, и за этим словом следует своя цепь ассоциаций. Перед монитором, на котором появляются слова, стоит камера. Она-то и следит за движением зрачка и задает каждый последующий выбор. Бифуркация, распад слов происходит непрерывно. Непрерывно делается бессознательный выбор. Непрерывно задаются новые ассоциативные цепи. Образы слов оказываются в состоянии свободного смещения.

Показанное в январе 2002 года "Электрозеркало" - первая часть совместного проекта с берлинскими коллегами. Весь проект называется "Дух Фрейда и Ошибочное действие Автомата" [Freud Geist und Autamten Fehlleistung]. Следующая часть - голографическая проекция говорящей головы Фрейда. К проекту присоединился Фридрих Киттлер, автор множества книг по философии техники, заведующий кафедрой Эстетики и

истории средств массовой информации Университета Гумбольдта в Берлине. Мы рассчитываем показать эту часть публике в 2003 году, в рамках совместного с МИД Австрии "Фестиваля сновидений". В настоящий момент работа идет над полной синхронизацией голоса и проекции, а также над программой вопросов, которая была бы в состоянии реагировать на запросы тех, кто придет к Виртуальному Оракулу. Этот автомат - не имитация, и тем более не замена психоаналитика. Важно то, что этот автомат должен быть способен на ошибочное действие. Его задача - представление возможных серий означающих, подсказывающих ассоциативные пути.

4. Кто ответит за восприятие?

Говоря об искусстве психоанализа, речь идет и об искусстве восприятия, которое подразумевает настойчивые попытки различения "своего" и "чужого", "собственного" и "присвоенного", "внутреннего" и "внешнего". Мы уже не раз писали о Музее Сновидений Фрейда как о Пределе Состояния, как о пространстве, в котором не столько важны экспонаты, сколько их восприятие. Иначе говоря, сами эти экспонаты содержат в себе интенцию отзеркаливания. В этом отношении "образцовой" из музейных экспозиций можно считать выставку Филиппа Донцова "Опыты со светом". Ярко синие образы на ярко красном фоне воспроизводят эффект только что выключенного телевизора, на опустевший экран которого неизбежно проецируется ранее увиденное. Более того, использование переменного света на этой выставке изменяло изображение на наших глазах. Если вписывать эту выставку в психоаналитический деконструктивный контекст, то ее можно было бы назвать "Восприятия нет". Что же мы воспринимаем? Изображенное? Во всяком случае, мы видим не только то, что мы видим, но еще и то, что хотим видеть, то, что не хотим видеть, то, что боимся увидеть, то, что хотят, чтобы мы видели. Видим в переменном свете.

5. Что нам делать со всем этим искусством, или что с собой поделаешь?

Когда речь идет о Музее Сновидений Фрейда, то подразумеваемся "собственно" Музей, в котором, как и должно быть, экспозиция носит постоянный характер. При этом она непрерывно меняется в зависимости от восприятия посетителей. В этом смысле, нельзя войти в один и тот же музей сновидений дважды. Временные выставки проводятся, как правило, в примыкающей к музею галерее. Лишь две небольшие фотовыставки прошли в первом зале собственно музея - фотографий Дмитрия Ланского "Музей сновидений" и фотографий Алексея Тихонова "Памяти Лакана" к столетию со дня рождения французского психоаналитика; и две выставки - в зале виртуального сновидения Фрейда: дагерротипы Виталия Пушкицкого и призрачные скульптуры Надежды Зубаревой. Обе эти выставки органично вписались в контекст музея. Галерея же - это еще и длинный коридор, соединяющий учебную часть Восточно-европейского института

психоанализа с его клинической частью. По этому коридору проходят не только студенты, но психотерапевты и пациенты.

Выставка "Ультрабиология" художников Искандера и Александра Николаева представляла собой написанные флюорисцентными красками картины, показанные в специальном "черном свете" (black light). Выставка была важна и в том отношении, что во тьме высвечивались те "части" тела человека, которые мы никогда не видим, например, эритроциты, причем, увеличенные в немыслимое число раз. Невидимое становилось видимым. Невидимое подчеркивало косвенным образом психоаналитический постулат: мы себя никогда (целиком) не видим. У большинства посетителей эта выставка вызвала праздничные ощущения. Однако для фобийного человека, например, проход мог превратиться в непреодолимую пещеру ужаса.

Что же делать? Помочь человеку? Закрыть выставку?

Иная ситуация складывается с традиционными экспозициями. Проблемы могут возникнуть исключительно на уровне содержания, на которое можно обращать внимание, а можно и просто проходить мимо. Понятно, впрочем, что пройти мимо бывает сложно. Произведение искусство призвано производить впечатление. Впечатление же - дело ассоциаций, возникающих у смотрящего в связи с его опытом, его воспоминаниями, его переживаниями, особенностями его восприятия. Проблема далеко не в том, что и как изображено.

В чем же именно вред выставок? Какой ущерб наносит искусство? Как сказал один психотерапевт, - "выставки провоцируют фантазии! Нам приходится работать с фантазиями, вызванными выставками!" Здесь возникает вопрос, - что же делать с фантазией, возникшей при виде покосившегося фонарного столба на улице? Убирать столб? Что делать с тем, кто из-за агорафобии не в состоянии перейти дорогу и добраться, наконец, до поликлиники? Бежать к нему домой и вести за руку в кабинет?

Разве в такой ситуации мы сталкиваемся только с проблемами пациентов? Или все же с проблемами отдельных терапевтов? В последнем нас убеждает реплика, как-то брошенная одним из них: "вредны все выставки!" А как же арттерапия, - подумалось тогда. Как же выставки в психиатрических заведениях?! Одну из таких выставок мы устроили в 1993 году с доктором Самохваловым и художником Сергеем Бугаевым в Крымской психиатрической больнице №1, "на отделении психохроников", т.е. самых тяжелых больных, считающихся в психиатрии неизлечимыми. Эту выставку готовили сами пациенты, сами ее обсуждали, и никому из медперсонала не пришла тогда в голову мысль: из-за выставки резко возросла мастурбационная и суицидальная активность. Проблемы есть у всех, и у психотерапевтов, и у психоаналитиков, и у тех, кто направляется в их кабинеты. Дело не в этом, а в неприемлемости маскирующего дискурса, прикрывающегося заботой о "детях", "стариках", "женщинах", "пациентах".

Этот заботливый дискурс служит исключительно удовлетворению собственных амбиций и унижению тех, о ком "заботятся". Какой же вывод можно сделать, исходя из того, что один терапевт говорит: "моим пациентам

вредят все выставки", а другой утверждает: "мои пациенты волнуются, когда в промежутке между выставками видят голые стены"? Идет ли речь о том, каков терапевт таков и пациент? О внушении в терапии? О фантазиях терапевта? О фундаментальной роли зависти в судьбе человека? [10].

Например, выставка "Любовь к себе, разве это не прекрасно?" Дмитрия Мишенина и Андрея Чежина. На фотографиях изображена девушка, целующая себя в плечо, коленку, грудь, руку... Эта совершенно невинная выставка для психоаналитиков послужила дополнительным стимулом к размышлению об аутоэротизме и нарциссизме в современном обществе. Однако к ужасу психотерапевта-моралиста она провоцирует у пациентов сексуальные фантазии. Вот и замечательно! - сказал бы психоаналитик, - спасибо за содействие, теперь будем прорабатывать проснувшиеся фантазии. Увы... Это ведь ужасные, непотребные фантазии! Да и к пациенту они не относятся, все это больное воображение художников!

Другой пример, - экспозиция московского художника Ивана Разумова "Техника низкого полета над землей", которая прошла в рамках серии лекций и выставок, проведенных совместно с Британским Советом [11]. Пятнадцать его рисунков представляли сновидения, увиденные либо им самим, либо его знакомыми. Это - как бы иллюстрации к сновидениям, выполненные в стиле 1950-х годов. Иван Разумов - хорошо известен как иллюстратор книг Маяковского, Басё, Сей-Сёнагон, Пушкина. Когда мы говорим об иллюстрациях, будь то иллюстрации к книгам или к сновидениям, возникает важная отсылка к миру детства, что уже важно как для психоанализа, так и для искусства. Парадоксальный момент заключается в том, что все эти рисунки говорят сами за себя. Иными словами, все иллюстрации сновидений не только изобразительны, но и повествовательны. Парадокс онейрокритики заключается в том, что мы никогда не имеем дела с самими сновидениями. В психоаналитической дисциплине настойчиво подчеркивается дискурсивная приписанность сновидений [12].

Вот эти иллюстрированные истории Ивана Разумова: молодой человек сосредоточенно всматривается в небесную тьму через длинный направленный строго вверх, проникающий в разрез купола обсерватории, телескоп, в то время как рядом с ним стоит привлекательная молодая девушка. Вот вам и целая история, а не застывший, выхваченный из временного потока момент. А вот сновидение-триллер: на переднем плане молодые люди из спецслужб ведут переговоры по мобильным телефонам, пока по пустынному залу везут какого-то чудесного младенца в операционную, где уже собрались сотни зрителей. В другом сновидении сходятся столь волнующие нас темы власти и сексуальности: гостиничный номер, две кровати, на одной из которых лежит президент Путин и приказывает сновидцу: "А ну-ка, быстро ко мне, без разговоров!" Мы, конечно же, не будем заниматься толкованием этих сновидений по причине, понятной любому психоаналитику. Зададимся совершенно неожиданным вопросом: какие чувства вызывают в нас эти иллюстрации к сновидениям? Ответ на этот вопрос нам мог дать лишь опрос посетителей: в очередной раз

мы убедились, что рисунок, пугающий одного зрителя, у другого вызывает безудержный хохот. Именно эта выставка, что, признаться, было для нас полной неожиданностью, также вызвала проблемы. Оказалось, по мнению отдельных психотерапевтов, - она подталкивает пациентов к самоубийству!

Это, конечно, согласуется с чем угодно, только не с психоанализом. Если рисунки наводят кого-то на тяжелые мысли о самоубийстве, то именно причины, вновь и вновь вызывающие эти мысли - материал психоаналитической работы. Что ведет человека к самоубийству - произведение искусства, голая стена, или все же разворачивающиеся в психическом пространстве суицидальные представления? От чего нужно освободить пациента - от мыслей о самоубийстве, или от всего того, что может на них навести? От ножей на кухне; экранов телевизоров с тысячами трупов; кусков мыла в ванной комнате; рекламных щитов со счастливыми лицами, напоминающими о собственной никчемности; бельевых веревок в доме; автострад с мчащимися по ним автомобилями, под которые можно броситься; дверных ручек в коммунальном коридоре, на которых можно повеситься; аптек, в которых можно запастись препаратами; смотровых площадок высотных зданий, лестничных пролетов и мостов через Неву; картин в Эрмитаже и Русском музее.

Две выше приведенные выставки показательны в том отношении, что одна из них оказалось привязанной к теме "сексуальность", другая - "смерть".

Что же тогда выставлять? Что останется в искусстве, если удалить из него сексуальную и агрессивную составляющую? Можно выставить портреты замечательных людей? Но ведь они могут напомнить насильника или сексуально притягательный объект. Может быть портреты авторитетных ученых или политиков? Но ведь они будут намекать на власть, а значит, на агрессивность и сексуальность. Может быть натюрморты? Нет, нет, они будут вызывать либо сексуальные фантазии (сами понимаете, цветы, фрукты, овощи), либо мысли о смерти (само слово "натюрморт" - мертвая природа). Может быть тогда животных? Ну, нет, а вдруг они напомнят, как однажды во дворе собачки делали "это"; или еще хуже: вдруг птичка на картине вызовет в памяти ту чудовищную травму детства... Что делать? Ничего не делать! Ничего! По-видимому, пустота голых стен не подчиняется закону, имеющему прямо отношение к психическому пространству, - "свято место пусто не бывает!" Неужели Ничего и Нейтральность - одно и то же?

Бедные пациенты Фрейда! Им приходилось лежать на кушетке в окружении воплощенного в жизнь кошмарного сна: посмертных масок; похищенных из египетских гробниц ушебти; выступающей из призрачного мира Градивы; мумифицированных птиц, реликвариев с останками священных животных; одеяний и бинтов мумий; фаюмских портретов; фигурок, типа Афины с кастрирующим мечом или Эроса с эрегированной стрелой лука...

Искусство всегда было предельно важным для психоанализа и психоаналитиков. Современное искусство позволяет чувствовать время, видеть актуальные процессы. Оно так много может сказать о сегодняшнем и

завтрашнем дне. Важно его осмысление, его знание (во всей двусмысленности этой фразы).

6. Размывание, растворение и расщепление психоанализа.

Говоря, об искусстве и психоанализе, мы сталкиваемся с рядом проблем, проявляющихся в пределах самого психоанализа. Психоанализ растворяется.

Во-первых, психоанализ размывается психотерапией [13], в нем неожиданно обнаруживается то, что с ним несовместимо - морализаторство, страх перед фантазиями пациентов, отказ от работы с переносом и сопротивлением. Впрочем, все это происходит в соответствии с лозунгом: "Психоанализ - недейственная терапия". Чем подменяется психоанализ? Например, психоаналитически ориентированной терапией.

Во-вторых, из психоанализа исключается творческая составляющая. Место герменевтической дисциплины занимают сциентизированные инструкции и методические разработки. Психоанализ замещается тем, что можно было бы назвать психоаналитически ориентированной психологией.

В-третьих, психоанализ разделяется на два: прикладной и клинический. Эта иерархия, разумеется, содержит доминанту: клиника. При этом, говорят, "клиника затягивает", и все то, что оказывается за ее пределами, - не попадает в поле внимания. Что же остается от психоанализа в клинических пределах? И что к чему прикладывается за пределами клиники, в прикладном психоанализе? Нужно ли что-то делать с клинической зависимостью, которая уничтожает интерес к той культуре, в которой живет сегодняшний субъект, в том числе и так называемый "пациент"?

Одно из пессимистичных предвидений Фрейда заключалось в том, что психоанализ может быть уничтожен самим психоанализом; и потому, как он пишет все в той же "Проблеме дилетантского анализа", необходимо "предотвратить уничтожение науки терапией" [14].

Примечания

[1] См. статьи М. Решетникова и Л. Маринелли в "Кабинете сновидений доктора Фрейда" (СПб.: Инапресс, Музей Сновидений Фрейда, 1999).

[2] Фрейд З. (1926) "Проблема дилетантского анализа" // Интерес к психоанализу. Ростов-на-Дону: "Феникс", 1998. - С.47. Надо сказать, что диспозиция третьего [Dritten] может быть отведена психоаналитику, а первое и второе места распределяются между анализируемым и преследующими его призраками, иначе говоря, объектами переноса. 27 октября 1897 года Фрейд пишет Флиссу: "Все, что я переживал с пациентами в качестве третьего, теперь я нахожу у себя самого".

[3] Там же, с.88.

[4] См. на эту тему статьи Эллен Хандлер Спитц, Джона Форрестера, Майкла Молнара, Эрики Дэйвис и Виктора Мазина в "Кабинете сновидений доктора Фрейда" (СПб.: Инапресс, Музей Сновидений Фрейда, 1999).

[5] См., например, помимо "Проблемы дилетантского анализа", Janet Malcolm. *Psychoanalysis. The Impossible Profession*. N.Y.: Vintage Books, 1980.

- [6] Лакан Ж. Семинары. Книга 1. М.: Гнозис/Логос, 1998.- С.7.
- [7] Семинар, 1.2, с.30
- [8] Фрейд З. 1926, с.50.
- [9] Пациент оказывается завышенным в контексте все той же "Проблемы дилетантского анализа". Во введении Фрейд ставит вопрос о дальнейшем использовании в контексте психоанализа медицинских, психиатрических понятий - доктор, пациент, больной, диагноз: "Возможно, выяснится и такое, что больные в нашем случае не похожи на обычных больных, что дилетанты собственно не являются дилетантами, а врачи как раз не могут предоставить то, что от них ожидают, но на чем они могут основывать свои притязания" (с.46).
- [10] Форрестер Д. "Психоанализ и странная судьба зависти"//Кабинет Е. СПб.: "Скифия", 2001.-Сс.202-214.
- [11] Материалы готовятся к публикации Музеем сновидений и Британским Советом в издательстве "Скифия" в 2002 году под названием "Искусство сновидений".
- [12] Вопреки этой повествовательности, изображение сновидений узурпировано сюрреалистической традицией. Посмотрите на обложки психоаналитических книг: Дали, Магритт, Дали, Магритт, Эрнст, Дали! Как известно, Фрейд при этом особой любви к сюрреализму не испытывал.
- [13] Предварительная операция такого размывания - утверждение "психоанализ - лишь одна из тысячи видов психотерапии".
- [14] Фрейд З. "Проблема дилетантского анализа", с.150.

Март 2002

Интенции и перспективы российского психоанализа

В.И.Овчаренко

Нормальное развитие российского психоанализа должно сопровождаться возрастающей ответственностью психоаналитиков за все следствия и последствия своей деятельности и бездеятельности. При этом данная сопряженность развития и состояния психоанализа с ответственностью всех психоаналитиков сама по себе может считаться одним из наиболее достоверных индикаторов реального состояния российского психоаналитического движения.

Оценка деятельности и результатов деятельности любого психоаналитического сообщества (в том числе его зрелости и продуктивности) может осуществляться по различным основаниям с использованием единичных критериев или их совокупности, в зависимости от поставленных целей и решаемых задач.

Причём, с учетом трехуровневой организации психоаналитического знания (т.е. теоретического, прикладного и эмпирического, т.е. клинического психоанализа), было бы логично полагать, что, в конечном счете, оценки состояния и перспектив этих различных областей и (в зависимости от акцентировок), психоанализа в целом, могут не только различаться, но и быть прямо противоположными.

Общая оценка психоанализа или психоаналитической ситуации предполагает учет системной природы психоанализа и того обстоятельства, что наиболее существенные результаты, обеспечивающие динамичное продвижение в познании, понимании и терапии, достигаются в области теории и методологии.

Поэтому наиболее фундаментальным критерием можно считать инновационный критерий, фиксирующий генерацию новых идей, новых рабочих гипотез, создание теоретических конструктов, концепций, учений, теорий и методологических новаций.

Необходимо особенно подчеркнуть, что во всех странах мира с развитой психоаналитической традицией именно эти элементы обеспечили наибольший прирост знания и составили основу формирования различных течений, направлений и школ, а также модернизации и современной конфигурации психоанализа.

При всех бесспорных и весьма значительных достижениях российского психоаналитического сообщества (в сфере психоаналитического образования и просвещения, клинического и прикладного психоанализа и пр.) нельзя не обратить внимание и не признать, что лепта российского психоанализа на уровне теории и методологии близка и стремится к нулю.

Фактически, по сию пору, общезначимый вклад россиян в этой области ограничивается лишь рабочей гипотезой Сабины Шпильрейн, популярность которой в психоаналитическом сообществе обуславливается не только

содержанием и продуктивностью самой гипотезы, но и трагической судьбой её автора.

Отсутствие серьёзных инновационных теоретических и методологических работ у современной генерации российских психоаналитиков можно считать тревожным симптомом состояния психоаналитически ориентированной мысли, которая уже не располагает резервом оправданий и не может претендовать на какие-то скидки в связи со стартовыми ситуациями и трудностями развития.

Дальнейшее развитие российского психоанализа и признание российского психоаналитического сообщества в качестве полноправного и полноценного члена международного психоаналитического сообщества в первую очередь и в решающей мере будут зависеть не от доброй воли или желания каких-то лиц и оргструктур, а от реальных достижений россиян в развитии психоаналитической теории и методологии.

С учётом этого и других обстоятельств было бы целесообразно хотя бы попытаться осуществить переход от спонтанной формы развития российского психоанализа к рациональной, в пределах которой профессиональное психоаналитическое сообщество могло бы внятно сформулировать основные цели и задачи стратегического и тактического плана и организовать систематический профессиональный мониторинг состояния и основных тенденций развития российского психоанализа во всех его ипостасях.

Существенно важным и перспективным проблемным полем для теоретической и методологической деятельности российских психоаналитически ориентированных теоретиков могло бы стать осуществление серии междисциплинарных метапсихоаналитических исследований, ориентированных, в конечном счете, на создание метапсихоанализа, предметом которого был бы соответствующий комплексный анализ классического и современного психоанализа как систем.

Осуществление работы такого рода, весьма важной самой по себе, могло бы при определённых условиях вывести российскую психоаналитическую мысль в авангард современных теоретических и методологических психоаналитических исследований.

Оценка фрейдовской теории возникновения, развития и сущности религии

И.А.Санадзе

"Если в науке или философии мы иногда находим как будто нечто злое, чему непреодолимо противится наша природа, мы не можем без предварительного исследования думать, что та часть её, которая вызывает подобное смущение, содержит в себе нечто ложное. И более внимательное изучение этой части, изучение способа её происхождения, всегда и наверно откроет, что под нею лежит не чистая мысль, но мысль, искаженная каким-нибудь пришедшим чувством, каким-нибудь страхом или влечением."

(В.В.Розанов. 17: 167)

Личностные истоки богоотрицания Фрейда и анализ бессознательных проявлений его религиозности

Обилие биографических и исторических работ, посвященных личности Фрейда, и, как следствие, соответствующих интерпретаций и суждений, заставляет думать: создатель психоанализа отныне настолько хорошо известен, что является одной из наиболее изученных личностей во всей истории! Но возникает удивительный парадокс: непрерывно и тщательно изучаемый, казалось бы, хорошо известный и понятный, Фрейд ускользает от всех попыток познать его, расстраивает планы всех своих исследователей. Чем больше читаешь его работы, тем больше поражаешься тому, насколько сложен и многогранен человек, раскрывший, как никто другой до него, "бездонные глубины своего "Я"", и в то же время так и оставшийся для нас загадкой. Что касается моих биографов, то пусть они помучаются, мы не будем облегчать им задачу. "Каждый сможет по-своему представить "эволюцию героя", и все будут правы; меня уже веселят их ошибки", - так писал Фрейд жене в апреле 1895 года.

При чтении работ Фрейда, посвященных религии, меня не покидало ощущение того, что все, столь громогласно звучащие призывы основателя психоанализа "покончить с этой иллюзией" - всего лишь вершина айсберга. Да, на словах получалось: Фрейд - один из наиболее убежденных атеистов. Тем более значимыми кажутся мне его сдерживаемые и, тем не менее, все-таки выплескивающиеся на поверхность, мысли, которые дают понять, что в глубине его души все было далеко не так однозначно. Главным наследием Фрейда, по-моему, явилось то, что, в каком-то смысле пожертвовав собой, он дал нам возможность, соглашаясь или не соглашаясь с ним, искать и находить истину - каждому свою. Ведь в ответе на вопрос: что есть религия - нечто данное нам изначально или созданный самим человеком способ защиты от окружающего мира - кроется и наше отношение к Богу, к Первородному Греху, к смерти, к тому, что, собственно, есть сам человек.

1. Оценка Фрейдовской теории возникновения и развития религии.

Фрейд считал, что религия появилась на заре человечества как результат того, что человек, слабый и незащищенный, стремился уберечься от могучих сил природы. Первым шагом было "...очеловечение природы. С безличными силами и судьбой не вступишь в контакт, они остаются вечно чужды нам. Но если в стихиях бушуют страсти, как в твоей собственной душе, если повсюду в природе тебя окружают существа, известные тебе из опыта твоего собственного общества, то ты облегченно вздыхаешь... Ты, может быть еще незащищен, но уже не беспомощно парализован... Так почему бы не ввести в действие против сверхчеловеческих насильников те же средства, к которым мы прибегаем в своем обществе: почему бы не попытаться заковать их, умиловить, подкупить, отняв у них путем такого воздействия какую-то часть их могущества. Такая замена естествознания психологией не только дает мгновенное облегчение, она указывает и путь дальнейшего овладения ситуацией.

...Ведь в такой же беспомощности человек когда-то уже находился маленьким ребенком перед лицом родительской пары, не без оснований внушавшей ребенку страх, особенно отец, на которого при всем том можно было, однако, рассчитывать... Так что проще всего было приравнять друг другу обе ситуации" (23: 105 - 106).

В этих словах, мне думается, заключалась одна из ошибок Фрейда: он попытался взглянуть на мир не глазами первобытного человека, как такового, а глазами человека современного, цивилизованного, оказавшегося вдруг волею случая в пещерах каменного века. При этом он провел несуществующую параллель между низким уровнем экономики и техники "примитивов" и их интеллектом. На самом же деле наше мышление и первобытное - это отнюдь не разные ступени одного и того же процесса, это совершенно отличные друг от друга пути познания мира. Люсьен Леви-Брюль в книге "Сверхъестественное в первобытном мышлении" пишет: "Различие это становится тем ощутимее, чем глубже проникает сравнительное исследование, чем дальше позволяют накапливающиеся факты его продвинуть. Исследователь, который быстро и бегло знакомится с обществом "низшего" типа, не имеет времени заняться этой проблемой. Он почти никогда не думает о том, чтобы поставить ее. Переходя от одного общества к другому, он только констатирует поразительное постоянство некоторых черт человеческой природы... и удовлетворяется общими "объяснениями", даваемыми традиционной психологией и логикой" (9:56).

Мы сочли себя вправе называть первобытные народы "дикарями", но, читая работы, посвященные вопросу их возникновения и развития, мне пришлось несколько раз столкнуться с теориями существования древних, доисторических цивилизаций, в которых "каменный век" является не началом, а временем их падения и вырождения. Изучение остатков доисторических культур, памятников древнего искусства и литературы,

исследование религиозных обычаев и обрядов, сравнительное изучение религий и древних языков позволило сделать интереснейший вывод: все без исключения нынешние "дикари", т.е. народы, которые наша культура обнаружила в диком или полудиком состоянии, являются потомками более культурных народов, оказавшихся в состоянии вырождения. У всех диких народов есть сказки и предания о "золотом веке" или героическом периоде; эти сказки повествуют об их собственном прошлом. Языки всех народов содержат слова и понятия, для которых в нынешней жизни не осталось места. Все народы обладали раньше лучшим оружием, лучшими кораблями, лучшими городами, более высокими формами религии. Тот же факт объясняет превосходство палеолитических, т.е. более древних рисунков, найденных в пещерах, над неолитическими, более близкими к нашему времени.

Эти исследования можно считать лишь гипотезой, но вряд ли она заслуживает меньшего доверия, чем теория анимизма: и те и другие ученые лишь предполагают, опираясь на наиболее убедительные, с их точки зрения, данные.

Но, тем не менее, большинство исследователей едины во мнении: никогда "цивилизованный" не смог похвастать тем, что ему удалось усвоить ход мыслей первобытного человека или даже обнаружить путь этого мышления. Умственный процесс протекает здесь совершенно иначе и более сложно. То, что мы называем опытом и последовательностью явлений, отнюдь не находит у них сознания, готового просто воспринять и пассивно подчиниться полученному впечатлению. Там, где мы ищем вторичные причины, пытаемся найти устойчивые предшествующие моменты, первобытное мышление обращает внимание на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду. Оно без всяких затруднений допускает, что одно и то же существо может одновременно пребывать в двух или нескольких местах. Оно подчиняется закону партиципации /сопричастности/, обнаруживая полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум. "В коллективных представлениях первобытного мышления предметы, существа, явления непостижимым для нас образом могут быть одновременно и собой, и чем-то иным. Не менее непостижимо они излучают и воспринимают силы, способности, качества, мистические действия, которые ощущаются вне их, не переставая пребывать в них. Противоположность между единицей и множеством, между тождественным и другим не диктует обязательного отрицания одного из указанных терминов при утверждении противоположного. Эта противоположность имеет для первобытного сознания лишь второстепенный интерес" (9:62). Нам кажется непостижимым, но туземец может считать себя таким-то мужчиной или такой-то женщиной и быть одновременно мистически сопричастным сущности животного или растительного вида, имя которого носит его тотем. При таком способе мышления вряд ли возникнет необходимость "сделать силы природы человекообразными существами, с которыми он будет общаться как с равными". "Дикарь" слит с природой, он -

её часть. Для него невидимый мир не составляет изолированного плана бытия, для его мышления существует только один мир, в котором всякая действительность, как и всякое действие, мистична, следовательно, мистичным является и всякое восприятие. Исследователь, изучающий дикое племя Кубу (Суматра), спросил одного из охотников:

- Ходил ли ты когда-нибудь ночью по лесу?
- Да, часто.
- Слышал ли там стоны и вздохи?
- Да.
- Что же ты думал?
- Что трещит дерево.
- Не слышал ли ты криков?
- Да.
- И что же ты подумал?
- Что кричит зверь.
- А если ты не знаешь, какой зверь кричит?
- Я знаю все звериные голоса...
- Значит, ночью в лесу ты ничего не боишься?
- Нет, я знаю все.

Таким образом, не просто страх перед природой или неведение относительно голосов животных и птиц становятся источником веры в одухотворенность мира. Если такой страх и появлялся, то он был скорее результатом чувства этой одухотворенности. Не просто зверь, гора или дерево являлись причиной мистического страха человека, а то, как он воспринимал их. Первобытный человек еще не утерял ключа к тайне Единства человечества, и, возможно, именно сказки о "золотом веке" и бережно хранимая "дикими племенами" вера в Высшее Благое Существо, которое почитается настолько, что даже не является предметом культа, являются отголосками этого единства.

" Мы никогда не узнаем подлинной сущности туземного мышления, ибо давным-давно уже захлопнулись ворота, выводящие на эту таинственную дорогу" - сказал исследователь новозеландских маори Бест (цит. По 9:57).. Я думаю, это не совсем так. Пусть редко, но современный человек тоже может заглянуть за эти "ворота". В работе "Неудовлетворенность культурой" есть строки из ответа Р. Роллана Фрейду. В них автор сожалеет, что Фрейд "не отдал должного подлинному источнику религиозности. Он заключается в особом, никогда его не покидающем чувстве, подтверждение которого он нашел и у других людей и которое, вероятно, свойственно миллионам. Это чувство он мог бы назвать ощущением "вечности", как бы ощущением чего-то безграничного, беспредельного, чего-то "океанического". Это чувство - чисто субъективное явление, а не догмат веры". Думается, что именно это "океаническое"

чувство - возврат к тому изначальному Единству, в котором мы все пребывали.

В связи с этим мне хотелось бы сделать небольшое отступление, касающееся исследований американского ученого Уолтера Панке. В 1966 году он провел сравнительное исследование и определил общие черты трансцендентальных состояний (опыты с ЛСД).

Ими оказались:

- чувство единства и связи с другими людьми,
- невыразимость,
- превосходство над временем и пространством,
- духовный характер (люди убеждены, что находятся в контакте с высшим знанием о реальности и природе существования),
- парадоксальность (нарушаются законы логики),
- чувство объективности и реальности: человек не испытывает сомнения в том, что имеет дело с безусловной и высшей реальностью, которая в определенном смысле более реальна, чем воспринимаемый нами мир явлений (6:166).

Не прослеживается ли здесь поразительное сходство между "океаническим" чувством, описанным Р.Ролланом, мышлением первобытного человека и тем, что было названо в психоанализе "бессознательным"? Мне кажется, что да. Единственное отличие - это всё-таки присутствующий в жизни первобытных людей страх. Да, они ощущают единство с миром гораздо в большей степени, чем мы, но... Если природа и я - одно целое - чего мне бояться?

2. Грехопадение: психоаналитический и философский взгляды.

Страх возник как результат потери Единения, и книга Бытия говорит о нарушении гармонии между человеком и природой как о Первородном грехе, "великом разрыве".

История религий свидетельствует не только о "золотом веке", но и о какой-то трагедии, создавшей преграду между Богом и человеком и обрекшей людей на умирание.

Так, согласно бушменскому мифу человечество стало смертным, потому что не поверило Божеству. Шумерийские и вавилонские легенды повествуют о счастливых первобытных временах, когда люди и боги жили в мире; египтяне говорили о древнем грехе человека перед Солнцем, который повлек за собой суровое возмездие. Греки считали, что род людской несёт на себе бремя вины титанов, восставших против Неба. А не об этом ли разрыве говорил Платон в своей легенде об Андрогинах? Таким образом, говоря словами Шарля Секретана, следует признать, что "сознательно или бессознательно религии признают некоторый беспорядок, некоторое нарушение, которое следовало бы восстановить"(цит. по 13:141). Писание, с одной стороны, усматривает в Грехопадении определённое событие, которое, подобно антропогенезу, имело место во времени, с другой

же - оно описывает его не как обычный исторический факт, а пользуется символическим языком мифа. Первозданный человек представлен там как "хранитель и возделыватель" того, что Бог "насадил", как существо, поставленное "владычествовать" над остальными тварями (Быт. 1,26;2,15). Творец одарил его силами, превосходящими всю природу, а живое единение с Богом должно было постоянно питать и развивать эти силы. То, что до Грехопадения Первочеловек говорит с Богом лицом к лицу, означает его полную открытость Божественному. Но Библия с самого начала подчеркивает изначально данную человеку свободу, а, следовательно, возможность пойти по ложной дороге, по-своему оценить себя и своё положение в мире.

Пользуясь этой свободой, человек не только изменил своему призванию, но оказал ему сознательное сопротивление. Книга Бытия изображает это в виде посягательства на плоды "Древа Познания добра и зла", а мотивом нарушения заповеди называет желание людей "быть как боги". Конкретно Первородный грех можно представить в виде попытки человека повлиять на природу, используя данные ему силы в одних лишь своекорыстных целях. Человек осознал, что он свободен, что он может действовать вопреки Богу: гармония духа и плоти была нарушена. Между Небом и Землёй разверзлась пропасть...

Тема Первородного греха, "Великого разрыва" и по сей день остаётся животрепещущей. Зигмунд Фрейд тоже не обошёл её молчанием, причём звучит она в его работах дважды: это "миф об Отцеубийстве" в "Тотеме и табу" и описание Эроса в "По ту сторону принципа наслаждения". При чтении последней из этих работ меня удивило, насколько по-разному автор доказывает существование влечения к смерти и влечения к жизни. В первом случае в качестве доказательств используются достижения науки: физики, химии, биологии. Во втором же за основу берётся платоновский "миф об Андрогинах", причём Фрейд пишет, что "...я бы не осмелился привести здесь её (гипотезу), не отвечай она именно тому условию, к которому мы стремимся. А именно: она ведёт один из инстинктов от потребности восстановить прежнее состояние" (24:186).

Далее дословно: "Решиться нам, следуя указанию поэта-философа, на смелое предположение, что живая субстанция при своем оживании была разорвана на мелкие частицы, которые с тех пор, путём сексуальных первичных позывов, стремятся к воссоединению? Что эти первичные позывы, в которых находит своё продолжение химическое сродство неживой материи, постепенно через царство протистов преодолевают трудности, которые этому стремлению противопоставляет заряженное жизнеопасными раздражениями окружение, что вынуждает к образованию защитного коркового слоя? Что эти раздробленные частицы живой субстанции достигают таким путём многоклеточности и, наконец, передают зародышевым клеткам инстинкт к воссоединению в высочайшей концентрации? Думаю, что здесь как раз нам и следует остановиться" (24:187-188).

Почему же в данном случае основатель психоанализа не обратился к достижениям науки? Возможно, потому, что сразу стал бы явным парадокс: воссоединение может идти только вопреки законам физики. Ведь второй закон термодинамики, согласно которому бесчисленные обратимые процессы, сопровождающие превращения энергии, приводят к тому, что она, в конце концов, оказывается неспособной к дальнейшим превращениям, был открыт задолго до написания книги. Возрастание энтропии есть нечто свойственное физическим телам и означает переход к более вероятному состоянию (кстати, эта мысль звучит в работе очень ясно); хаос более вероятен, чем организованность, путь к выравниванию энергетической интенсивности, к "омертвлению" энергии есть путь к наиболее вероятному состоянию природы. Артур Кёстлер выразил свое мнение по этому поводу словами: "Когда мы читаем пассажи по этому вопросу, мы с удивлением отмечаем, что эти два влечения регрессивны: и то, и другое стремится восстановить предшествующую ситуацию. Эрос, используя обман принципа наслаждения, старается установить древнее "единство протоплазмы", в то время как Танатос имеет целью ещё более прямой возврат к неорганическому состоянию материи. Поскольку оба стремления пытаются повернуть вспять эволюцию, задаёшься вопросом: как же ей всё-таки удаётся двигаться вперёд"?

Позднее американский физик, лауреат Нобелевской премии Юджин Вингер рядом вычислений покажет, что природа самовоспроизводящихся систем (организмов) есть настоящее "чудо", что с "точки зрения известных законов физики существование структур такой природы крайне невероятно"(5: 160). По существу, Фрейд был прав, описывая стремление организмов к единению, но по своей воле или бессознательно ушёл от поиска ответа на вопрос: в чем кроется истинная причина этого явления?

Возможно, для некоторых мнение о том, что в описании Эроса звучит тема Первородного греха, может показаться несколько надуманным. "Миф об Отцеубийстве" вряд ли вызовет такие сомнения: совершенно очевидно - это одна из теорий Грехопадения.

Опираясь на дарвиновскую теорию, Фрейд в качестве постулата принимает такое первобытное состояние общества: жестокий, ревнивый отец оставляет при себе всех самок и изгоняет сыновей по мере того, как они подрастают. Этого Первоотца, который установил в дикой Орде свой закон, свергают в результате путча. Фрейд так описывает его: "В один прекрасный день изгнанные братья соединились, убили и съели отца и положили таким образом конец отцовской орде. Они осмелились сообща и совершили то, что было бы невозможно каждому в отдельности. Может быть, культурный прогресс, умение владеть новым оружием дало им чувство превосходства. То, что они, кроме того, съели убитого, вполне естественно для каннибалов-дикарей.

Жестокий праотец был, несомненно, образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев. Они ненавидели отца, который являлся таким большим препятствием на пути удовлетворения их стремлений к

власти и их сексуальных влечений, но в то же время они любили его и восхищались им. Устранив его, утолив свою ненависть и осуществив своё желание отождествиться с ним, они должны были попасть во власть усилившихся нежных душевных движений. Это приняло форму раскаяния, возникло сознание вины, совпадающее с испытанным всеми раскаянием" (26:331-333).

Нельзя не услышать в этих словах тот же смысл, который несёт Библейская история. "Невозможность игнорировать это универсальное чувство греховности, - пишет Александр Мень, - вынуждает безрелигиозную мысль искать ему "естественное" объяснение. Фрейд предположил, что сознание вины, а вслед за ним религия и мораль возникли в "первобытной орде" после некоего коллективного преступления... Такого рода теория первородного греха кажется более чем странной, ибо заставляет думать, что подобное событие происходило во всех примитивных семьях, а также что первобытный человек отличался какой-то особенной совестью (а ведь, по Фрейду, сама совесть восходит к этому древнему преступлению). Трудно в этом случае объяснить то обстоятельство, что многочисленные отцеубийцы в последующей истории отнюдь не были склонны создавать новую религию и мораль. Одним словом, очевидно, что Фрейд предлагает собственный "научный" миф, который, в свою очередь, нуждается в подтверждениях и толкованиях. Тем не менее, уже то, что отец психоанализа принуждён был искать объяснение вере в Первородный грех, показывает, что с ней приходится считаться даже противникам религии" (13:142).

Действительно, сложно себе представить, что единичное событие в одном племени могло в полном смысле "перевернуть" жизнь человечества. Но нужно принять во внимание, что в Библии Адам мыслится не столько как отдельная личность, сколько как олицетворение всечеловека. "Под Адамом, - говорит Вл. Соловьёв, - разумеется не отдельное только лицо наряду с другими, а всеединая личность, заключающая в себе всё природное человечество"(цит. по 13:149). Мысль Соловьёва продолжает С.Булгаков: "Адам не имеет индивидуального лица в том смысле, в каком мы его теперь понимаем. Человек един. Индивиды в его духовном организме есть только всплески, ипостасные явления единой человечности"(цит. по 13:149). На глубинную связь общечеловеческого духа указывает и юнговское "коллективное бессознательное": косвенное подтверждение тому - удивительное сходство процессов, происходивших в умственной жизни разделённых между собой народов древности. Вся метаистория есть история единого Адама.

Мы все пребываем в этом единстве и в нем увлечены на ложный путь. Сущность Грехопадения - не в чьей-то отдельной вине, ибо, как говорит апостол Павел, в нём (Адаме) "все согрешили"(13:49). Именно поэтому мы несём на себе печать трагического разрыва бытия и можем себя осознавать участниками Грехопадения. Оно совершилось на уровне, превышающим индивидуальное сознание, но охватывающем весь вид в целом. "Грехопадение, - сказал Бердяев, - есть религиозно-метафизический, а не

моральный факт, оно лежит неизмеримо глубже моральности и частного явления человеческой психики. Грехопадение совершилось в глубине мистической стихии мира, это таинственный факт метафизической свободы, разрыв бытия и порабощение его частей, а не нарушение моральной законности" (цит. по 13: 145).

Поэтому, если исходить из того, что под "первобытной ордой" Фрейд подразумевал нечто более общее, то его миф несет в себе глубокую идею и смысл.

"Поскольку гипотеза Фрейда не подтверждается никакими антропологическими данными, её можно было бы полностью отбросить. Но тот факт, что она расчленяет в последовательность катастрофических событий историческую диалектику господства и тем самым освещает до сих пор необъяснимые аспекты цивилизации, придает ей символическую ценность. Возможно, что архаические события, постулируемые гипотезой, всегда будут вне досягаемости антропологической верификации, но последствия, с ними связываемые, являются историческими фактами, и интерпретация последних в свете гипотезы Фрейда придает им значение, которым не следует пренебрегать, ибо оно предсказывает историческое будущее. И если гипотеза кажется здравому смыслу вызывающей, то сам этот вызов - напоминание об истине, забыть которую его научили",- слова Герберта Маркузе кажутся наиболее точными в оценке этой теории (12:55).

Но основатель психоанализа считал, что "у разума нет вышестоящей инстанции". "Все религиозные учения лишь... иллюзии, - говорит он, - доказательств им нет, никого нельзя заставить считать их истинными, верить в них. Некоторые из них настолько неправдоподобны, настолько противоречат всему нашему в трудах добытому знанию о реальности мира, что мы вправе - с необходимым учетом психических различий - сравнить их с бредовыми идеями. О соответствии большинства из них действительному положению вещей мы не можем судить. Насколько они недоказуемы, настолько же и непроверяемы. Мы знаем ещё слишком мало для того, чтобы сделать их предметом более близкого критического рассмотрения. Загадки мира лишь медленно приоткрываются перед нашим исследованием, наука на многие вопросы еще не в состоянии дать никакого ответа. Научная работа остается для нас, однако, единственным путем, способным вести к познанию реальности вне нас" (23:120). При таком подходе, конечно, невозможно допустить, что причиной возникновения религии не является конкретное историческое событие.

3. Личностные истоки богоотрицания Фрейда. Отцовский комплекс как основа его бессознательного амбивалентного отношения к религии.

Что явилось истоком столь страстного неприятия религии Фрейдом ? В какой-то степени ответом на этот вопрос могут быть слова Бердяева: "Человек обманывает себя, думая, что его сомнение против веры интеллектуально-познавательное. Когда отрицают существование Бога, это

есть лишь выражение страстного эмоционального состояния, заслуживающего, впрочем, большого сочувствия" (2:72-73). Для того чтобы понять причину фрейдовского "отречения", наверное, имеет смысл обратиться к его личной жизни.

В работе "Неудовлетворенность культурой" он говорит: "Мне кажется неопровержимым тот факт, что религиозная потребность проистекает из инфантильной беспомощности и вызванного ею влечения к отцу... Я не мог бы назвать ни одной другой, возникшей в детстве потребности, которая бы могла приблизиться к потребности в покровительстве отца " (25:320). Сказанное в последних строках, наверное, можно было бы назвать объяснением Фрейда в любви к собственному отцу. И тут возникает естественный вопрос: а о чем говорит отсутствие религиозной потребности? О том, что у человека не было ни детской беспомощности, ни влечения к отцу? Ведь Фрейд, судя по его словам, был убежденным атеистом. Знакомство с историей жизни нашего героя дает понять, что именно эта парадоксальность, двойственность чувств к отцу и была причиной "страстного эмоционального состояния". В предисловии ко второму изданию "Толкования сновидений" Фрейд пишет: "Для меня эта книга имеет и другое значение, субъективное, которое я осознал лишь по окончании работы. Я понял, что в ней заключена часть моего самоанализа, моей реакции на смерть отца, - одной из самых горестных драм человеческой жизни". Якоб Фрейд скончался осенью 1896 года. Зигмунд писал Вильгельму Флису: "Каким-то неясным образом, лежащим за пределами обычного сознания, смерть отца очень глубоко на меня повлияла. Я высоко ценил его и всецело понимал. С присущей ему смесью глубокой мудрости и фантастической беспечности он очень много значил для меня в жизни. С его смертью истекло его время, но внутри меня это трагическое событие заново пробудило все мои ранние чувства. Сейчас я ощущаю себя полностью раздавленным" (8:181).

Фрейд долго не мог примириться со смертью отца, не мог избавиться от наплывавших образов и воспоминаний о нем. Внешне это были приятные воспоминания: Якоб, идущий с ним на воскресную прогулку в Пратер, послушать музыку во дворце при смене караула; Якоб за пасхальным столом, произносящий наизусть еврейскую молитву; Якоб, приносящий ему книгу в день полочки... И только некоторые бередили его душу, заставляли вспоминать об отце с болью. "Мне было десять или двенадцать лет, когда отец начал брать меня с собой на прогулки и беседовать со мною о самых различных вещах, - вспоминает Фрейд в "Толковании сновидений". Так, однажды, желая показать мне, насколько мое время лучше, чем его, он сказал мне: "Когда я был молодым человеком, я ходил по субботам в том городе, где ты родился, в праздничном пальто, с новой хорошей шляпой на голове. Вдруг ко мне подошел один христианин, сбил мне кулаком шляпу и закричал: "Жид, долой с тротуара!" - "Ну и что же ты сделал?" - " Я перешел на мостовую и поднял шляпу",- ответил отец. Это показалось мне небольшим

геройством со стороны большого сильного человека, который вел меня, маленького мальчика, за руку" (22:204-205).

Упорно всплывала перед мысленным взором еще одна сцена: когда ему было семь лет, он вошел в спальню родителей после того, как они, должно быть, заснули. Дверь была плотно закрыта, но не заперта. Шагнув в темноту комнаты, он неясно увидел и услышал в постели родителей череду непонятных движений, необычайно взволновавших его. Его отец, почувствовав, что кто-то вошел, посмотрел через плечо, увидел стоявшего мальчика и замер. Дальше воспоминание было туманным: иногда он видел себя мочившимся на пол сразу за дверью, иной раз имел смутное впечатление, будто побежал к постели, бросился в объятия матери и тут же помочился. У отца это вызвало отвращение, и он сказал: "Из тебя ничего не выйдет!" Слова отца не выходили из головы. Не потому ли эта сцена возвращалась к нему так часто? С нею был связан и другой элемент, с которым он никогда прежде не сталкивался. Почему он помочился в спальне родителей? С двух лет его кровать всегда была сухой и чистой. Почему в семь лет он совершил столь возмутительный акт без явной необходимости? Ответ пришел внезапно, дав объяснение и самому этому эпизоду и терзающему чувству вины перед Якобом. Он ревновал к своему отцу! Он хотел положить конец тому, что происходило - и выбрал самый драматический способ: освобождая мочевой пузырь, он симулировал то, чем занимался его отец. Он как бы завершал акт любви, случайно увиденный им. Фрейд писал Флису: "Я обнаружил любовь к матери и ревность к отцу также в моем собственном случае и считаю теперь это общим феноменом раннего детства. Если это так, то захватывающая сила "Эдипа - царя"... становится разумной". Он добрался до конечной правды! Его невроз после смерти Якоба был вызван тем фактом, что его подсознание считало его виновным в желании убить отца и лечь в постель с матерью. Его реакция на открытие была глубоко эмоциональной. Если он не ошибается насчет Эдипа - тогда он достиг ядра, определяющего состояние человека. Но еще более важным оказалось открытие того, что детские чувства не теряют своей остроты и у взрослых. В "Толковании сновидений" он описывает сон, в котором видит отца в виде пожилого господина. "Спутник мой слеп, по крайней мере, на один глаз, и я держу перед ним стакан для мочи".

После этого сна он пишет в записной книжке: "...Даже после разрушения Эдиповой ситуации детские чувства ревности, соперничества и агрессии в отношении отца способны проявляться. Они изменяют себя для нормального сознательного состояния, но не для сновидения". У Якоба была глаукома, он почти ослеп на один глаз, и вот сын мстит ему, выставляя себя авторитетной фигурой и заставляя старика мочиться в мочеприемник. Он был поражен силой настроений против отца, сохранившихся в подсознании. "Родители не хотят быть мертвыми. Они живут с нами до нашей смерти. Не поэтому ли появилась мысль о тяжелых надгробных камнях - держать под землей мать и отца?" - записал Зигмунд после установления памятника на отцовской могиле.

Эти слова, пожалуй, и могут раскрыть причину, по которой Фрейд столь яростно боролся с религией. Он перенес на Отца небесного те негативные чувства, которые испытывал к отцу земному. Не имея сил отказаться от Якоба даже после его смерти, он отказывается от гораздо большего: самой идеи Бога. Отвергнув её, он словно переступает через свой страх и кричит отцу: "Вот он я - свободный и независимый, не нуждаюсь даже в Боге, а, значит, тем более, могу обойтись без тебя!" Ведь, следуя логике Фрейда, "задачей человеческого развития является преодоление инфантильной привязанности. Человек должен научиться иметь дело с реальностью. Если он знает, что ему не на что положиться, кроме собственных сил, то научится и правильно ими пользоваться. Только свободный человек - человек, освободившийся от власти авторитета, власти, которая одновременно угрожает и защищает, - может правильно употребить разум и понять мир и свою роль в нем объективно, не впадая в иллюзии... Только тогда мы вырастаем и перестаем быть детьми, боязливыми и зависимыми от авторитета, мы можем осмелиться на самостоятельное мышление; но верно и обратное: только если мы осмелимся мыслить, мы освободимся от господства авторитета. В этом контексте, согласно Фрейду, чувство беспомощности противоположно религиозному чувству"(31:152). Отношение Фрейда к религии можно, наверное, назвать "особым способом преодоления Эдипова комплекса", который помог ему избежать тяжелейшего невроза. Ведь до смерти отца он отнюдь не был таким уж убежденным атеистом. В этом можно убедиться, читая строки его писем к Марте, тогда еще невесте:

"...Действительно, человечество в течение столетий верит. Следовательно, веру, религию ни в коей мере нельзя считать безрассудством. Напротив, в религии есть высший смысл... Лессинг прав в том смысле, что религиозное воспитание многих поколений обусловило прогресс человечества. Влияние религии на сознание человека огромно, особенно когда религиозные, глубоко философские идеи перестали быть застывшими догматами. Они стали объектом глубоких научных размышлений и, конечно, оказали огромное влияние на мировое искусство, поэзию и литературу... Даже если отвлечься от глубокого содержания религии, то надо признать, что её необычайная одухотворенность и логическая стройность вдохновляли лучшие умы человечества" (30:54-55). Это письмо было написано в июле 1882 года. После этих строк слова о том, что "религиозное воспитание несет на себе большую часть вины за помрачение ума человечества"(23:134), и, что "о вреде религиозных задержек развития мышления свидетельствуют жизнеописания почти всех выдающихся людей прошлых времен"(27:408) буквально режут слух.

Как же должен был измениться человек, чтобы так изменить свои взгляды?

А, может, он и не менял их вовсе, а содержал в себе и то, и другое? "Нам часто случалось открывать амбивалентность чувств в настоящем смысле, т.е. совпадение любви и ненависти к одному и тому же объекту, в

основе значительных культурных образований. Мы ничего не знаем о происхождении этой амбивалентности. Можно допустить, что она - основной феномен жизни наших чувств. Но, как мне кажется, достойна внимания и другая возможность, а именно, что первоначально амбивалентность чужда жизни чувств, и приобретается человечеством благодаря переживанию отцовского комплекса, где психоаналитическое исследование еще и теперь открывает его более выраженным у отдельного человека", - так пишет Фрейд в заключительной части "Тотема и табу".

Теперь попытаемся вернуться к тому, что было сказано раньше. Если принять во внимание, что все человечество - единый "Адам", то Первородный грех был, по существу, восстанием против Отца и овладением Матерью (природой) - "комплексом Эдипа", возросшим до масштабов истории. В этом случае и первичная амбивалентность - результат этой ситуации. А, поскольку, каждый человек - маленькое подобие Первочеловека, то каждый из нас несет в себе эти чувства, отреагируя их на "домашних богов" - отце и матери. Если понимать слова Фрейда, что "..человечество в целом приобрело свое сознание вины, источник религии и нравственности в начале своей истории их Эдипова комплекса..."(32:211) именно в этом аспекте, то с ним нельзя не согласиться.

4. Теория сексуальности как подмена бессознательной религиозности Фрейда.

Читая работы Фрейда, посвященные вопросам религии, порой трудно избавиться от ощущения искусственно созданного автором образа Люцифера. В качестве эпиграфа к "Толкованию сновидений" он выбирает строки Вергилия: "Если небесных богов не склоню, Ахеронт всколыхну я". О нем говорили: "Поскольку секрет человеческого естества - единственный настоящий секрет, подобный загадке сфинкса, невозможно вырвать у ревностно хранящих его Богов, познать на верхних этажах психики, (т.е. на уровне сознания и известных знаний, доступных рациональной науке, анализирующей внешнюю объективную сторону предметов), Фрейд спускается за ним в Ад, в царство теней, обращается к ночному существу человека".

Не кажется ли несколько странной параллель между Адом и подсознанием? И откуда исходит уверенность, что в подсознании скрыт только Ад? Ведь, исходя из теории амбивалентности, все имеет верх и низ, внутреннюю и внешнюю стороны.

Ответом на этот вопрос могут быть строки из воспоминаний К.Г.Юнга, где он говорит о Фрейде, как о человеке, одержимом своей теорией сексуальности, но "...хотя она имела для него несомненное нуминозное значение, его терминология, казалось, определяла её как чисто биологическую функцию. Лишь эмоциональный накал, с которым он говорил о ней, позволял разглядеть вибрировавшие в нем глубинные элементы. Фрейд никогда не спрашивал себя, что именно заставляет его постоянно

говорить о сексуальности, почему эта мысль имеет над ним такую власть. Он не сознавал, что эта "монотонность интерпретации" выражала стремление бежать от самого себя или от того аспекта своего существа, который можно было бы назвать "мистическим". Хотя в то время я еще не понимал всего этого должным образом, я усмотрел во Фрейте пробуждение бессознательных религиозных факторов... Было ясно: Фрейд, всегда подчеркивавший свою безрелигиозность, утраченного ревнивого Бога заменил другим всеохватывающим идолом - сексуальностью. Этот идол был столь же требователен, настойчив, суров, деспотичен, грозен и морально амбивалентен, сколь и первый. Сила, которой приписывается особая психическая действенность, всегда наделяется "божественными" или "демоническими" атрибутами; так и здесь "сексуальное либидо" приняло на себя роль *deus absconditus* - скрытого, спрятанного бога. Преимущество подобной трансформации для Фрейда состояло, очевидно, в том, что он имел возможность рассматривать новый нуминозный принцип как научно безупречный и свободный от каких бы то ни было оттенков религиозности. Но в самом глубинном, сущностном измерении нуминозность - то есть психологическое качество - двух таких несопоставимых на рациональном уровне противоположностей, как Яхве и сексуальность, не изменилась. Изменилось только название, а вместе с ним, конечно, и точка зрения: утраченного бога теперь приходилось искать внизу, а не вверху. Но, в конце концов, действующей психической силе совершенно безразлично, какое имя ей дается в каждом отдельном случае" (35:158).

В связи с этими словами Юнга вспоминается интересный факт: древними философами-мистиками душа человека рисовалась в виде окна или нескольких окон в бесконечность. Человек в обычной жизни представлялся им живущим как бы на поверхности самого себя, не зная и не сознавая того, что именно находится в его глубине. Гихтель, мистик 17 столетия, даже давал рисунок "совершенного человека" - каббалистического Адама Кадмона, т.е. человеческого рода, копией которого является каждый из нас. Рисунок представляет фигуру человека, на голове которого (во лбу) изображен Святой Дух; в сердце - Иисус; в солнечном сплетении - Иегова; верхняя часть груди с органами дыхания изображает "мудрость" или "Зеркало Бога"; а нижняя часть тела с его органами содержит "Темный мир", или "Корень душ в центре Вселенной".

Таким образом, на рисунке изображено пять путей в бесконечность внутри человека. Человек может выбрать любой из них, и то, что он найдет, будет зависеть от того, каким путем он пойдет. "Человек потому стал таким темным и таким внешним, - говорит Гихтель, - что он ищет очень далеко то, что находится совсем рядом с ним, во внутреннем центре души" (цит. по 21:157).

Выбрав "пятый путь", Фрейд одним из первых приблизился к этому центру. К сожалению, он не смог понять всю глубину своего открытия, сказав, что "будет иллюзией, если мы станем ожидать чего-то от интуиции и погружения в себя: таким путем мы ничего не получим, кроме, с трудом

поддающихся интерпретации, откровений относительно нашей собственной душевной жизни" (23:120).

Он, раскрывавший тайны психики человека, все время говорящий о двойственности, не согласился с тем, что человек тоже двуедин. По словам Соловьева " человек - существо, содержащее в себе (в абсолютном порядке) божественную идею, т.е. всеединство или безусловную полноту бытия, и осуществляющее эту идею (в естественном порядке) посредством разумной свободы в материальной природе"(цит. по 1:76).

Отвергнув первое, Фрейд словно "обезглавил" психоанализ, ибо если "нет Бога, стало быть, и нет полноты; а если нет полноты, то нет смысла..." (цит. по 1:80).

5. Танатофобия Фрейда как следствие идентификации с умершим отцом. Проблема бессмертия.

Нельзя не заметить - отрицательная сила во всех её формах доминирует в работах Фрейда: преступление, виновность и грех, торможение, инстинктивные отказы, основанная на запрете организация, а, главное, работа смерти.

К теме смерти он обращался не раз, словно подтверждая слова одного из своих пациентов: "Когда умер мой отец, я вдруг понял, что теперь очередь за мной. Сейчас я только отец и больше не сын; скоро сыновья будут оплакивать меня. Я никогда не думал о смерти до кончины отца. Теперь я постоянно думаю о ней".

Тяжелое заболевание в течение шестнадцати лет напоминало ему, что каждый день может быть последним. Не явились ли его многочисленные повторения слова "смерть" парадоксальной реакцией на чувство страха? Нередко ведь именно ужас перед опасностью толкает к ней навстречу. Человека, взобравшегося на вершину, притягивает пропасть. Порой размышления на эту тему доходили у него до самоистязания. Юнг приводит в своих воспоминаниях эпизод, происшедший в Бремене: " Я где-то читал о "трупах в торфянике" (останках первобытных людей) и, попав в Бремен, вспомнил о них. Но по рассеянности спутал их с мумиями в свинцовых подвалах города. Это мое любопытство вызвало нервную реакцию Фрейда. Он несколько раз спросил меня: "И на что вам сдались эти трупы?" Он то и дело раздраженно заговаривал на эту тему, пока, наконец, во время одной из застольных бесед не потерял сознание. Впоследствии он признался мне, что был убежден, будто все эти разговоры о покойниках указывали на мое желание видеть его мертвым. Нужно ли говорить, как поразила меня эта интерпретация. Меня встревожила чрезмерная живость его воображения, способная даже довести его до обморока!" (35:163).

Но особенно трагичным кажется то, что, вынужденный быть последовательным в отрицании Бога, Фрейд стал отрицать и возможность нашего бессмертия. Если принять за истину его слова о том, что часто нам бывает необходимо разрушить что-либо или кого-либо, чтобы удержаться от

стремления разрушения самих себя, защититься от позывов к самоуничтожению, то какой силы должна быть самоагрессия, чтобы попытаться разрушить основу мироздания, не оставив при этом даже надежды - ни себе, ни другим?

"Давайте же вернемся к первобытному человеку... Когда он видел, как умирает кто-то из его близких - жена, друг, ребенок... он убеждался на опыте, что человек может умереть, потому что каждый из тех, кого он любил, был частицей его "Я", но, с другой стороны, в каждом из этих любимых была и частица ему чуждая. Первобытный человек уже не мог оспаривать смерть, в своем горе он отчасти узнал на собственном опыте, что это такое, но вместе с тем, он не хотел её признавать, потому что не хотел видеть умершим самого себя. Тогда он пошел на компромисс: он допускал смерть, но отрицал, что она есть то самое уничтожение жизни, которого он мысленно желал своим врагам. Над телом любимого существа он выдумывал духов, воображал разложение индивидуума на плоть и душу... Он создавал себе представление об иных формах существования, для которых смерть - это лишь начало, он создавал себе понятие загробной жизни после смерти... Затем были придуманы предыдущие существования, второе рождение и переселение душ, и все это преследовало цель лишить смерть её значения, состоявшего в отмене жизни" (28:18-19).

Трудно удержаться от улыбки, представляя себе дикаря, подперевшего щеку у могилы жены и с грустью размышляющего: "А, может, есть она, загробная жизнь"?

"Философствующий дикарь" - это миф; об особенностях мышления первобытных людей в этой работе уже говорилось. Первопричину веры в бессмертие раскрывает сам Фрейд, говоря, что "наше бессознательное так же относится к смерти, как относился к ней первобытный человек". Жаль только, что он снова представил этот факт, как спуск вниз, а не наоборот, так и не поняв, что глубинная основа первобытного мироощущения - это мостик, связывающий нас с Богом.

Не потому ли в его лозунге: "Если хочешь вынести жизнь, готовься к смерти"(18:25), - "жизнь" звучит так, будто это тяжелый камень на шее. И немудрено: какое уж там веселье "как честный малоземельный крестьянин знай обрабатывать свое поле, перестав ожидать чего-то от загробного существования и сосредоточив все высвободившиеся силы на земной жизни..."(23:137).

Интересно, что и Ветхий Завет, и Евангелие довольно скупно говорят о посмертии: человек призван в этом мире осуществлять свое призвание, а отнюдь не пассивно ожидать загробной жизни. Горизонт бессмертия только делает перспективу еще более широкой и труд - более осмысленным. Лишь плохо понятое учение о вечной жизни может подорвать творческую активность людей на Земле.

"Надобно помнить, - замечает Н.О. Лосский, - что временной ряд событий и безвременное бытие суть два глубоко разнородных мира, а человек хотя и стоит одною ногою в одном из этих миров, а другою - в

другом, все же развивает в себе умение отчетливо наблюдать только один из этих миров, именно - временной; поэтому, когда речь идет о вечном "Я" мы умеем только указать его наличность, но не рассказать о его безвременном содержании; между тем, это содержание должно существовать и быть гораздо более богатым, чем временная жизнь" (13:127).

Можно, конечно, сказать, что все это досужие вымыслы, иллюзии, но... Даже материалисты - те, к кому были обращены пламенные призывы Фрейда, не желают смириться с такими перспективами. Недавно мне попала на глаза книга с интригующим названием: "Бессмертие человека - реально ли оно?", в которой говорится: "Материалистическая философия, призванная понять мир таков, каков он есть, оказывается способной выработать реалистичную и обоснованную концепцию личного бессмертия, жизни без смерти. Она может и должна стать действенной альтернативой религиозному вероучению о загробной жизни. Особую ценность в этом отношении имеет диалектико-материалистическая методология, позволяющая отыскивать наиболее надежный путь достижения заветной цели. Главная трудность сегодня - спокойно вдуматься в новую постановку проблемы, привыкнуть к непривычному, сжиться с ним. Все это, конечно, нелегко. Но другого пути нет. Таково настоятельное требование времени, нового мышления..." Затем серьезно обсуждались достижения нашей науки в решении проблемы "практического бессмертия", критиковались те, кто высказывал сомнения относительно её целесообразности, т.к. "такие настроения противоречат программным требованиям КПСС, социалистического государства в этой области и чаяниям людей". Заканчивалась работа словами: "Так сколько все-таки может жить человек?" "Практически вечно, - отвечают ученые, - И притом не где-нибудь там, в несуществующем потустороннем мире, а здесь, на Земле, оставаясь всегда молодым". И нет у нас сомнения, что, в конце концов, все изберут именно этот путь. Иного выбора, иного пути просто не может, не должно быть". Да, от судьбы не уйдешь. Жить вечно хочется всем. Даже тем, на нерелигиозное воспитание которых были потрачены силы, и кому не вливали с детства "сладкий или кисло-сладкий яд". Задаешься вопросом: какая же из двух "иллюзий" - бессмертие души или бессмертие тела - иллюзорнее? Что больше похоже на "обещание латифундии на Луне?"

Трудно сказать, что ответил бы на это Фрейд. С одной стороны, представители "культурногоклада" буквально повторяют его слова: "несмотря на её нынешнее несовершенство и присущие ей (науке) трудности,.. она способна на невиданные совершенствования", а, с другой - оставляют его в одиночестве, не желая "вернуть смерти в действительности и наших мыслях то место, которое ей принадлежит".

Наша наука действительно может очень многого достичь: во всяком случае, результаты открытий в области генной инженерии заставляют относиться к ним с уважением. Но вряд ли теоретические предпосылки видового бессмертия человека смогут стать чем-то большим, чем увеличение продолжительности его жизни.

Думается, истина звучит все-таки не в словах ученых, а в размышлениях философов.

Еще Сократ говорил о том, что все в нашем мире делится на вещи составные и несоставные. Составные - вещи сами по себе, их можно ощутить с помощью чувств, они видимы и постоянно изменяются. А несоставные - это сущность вещей, которые постоянны, неизменны и невидимы, и постигнуть их можно лишь с помощью размышления. Человек тоже состоит из двух начал, одно из которых видимо и меняется - тело, а другое - душа - невидимо и неизменно.

Его мысль продолжает В.Розанов: "Всякое умирание, как мы понимаем его, есть расторжение между веществом оформленной вещи и между формой, в которую было заключено это вещество. Так, тело человека умирает, когда частицы вещества в нем, не сдерживаемые прежней формой, распадаются; государство разрушается, когда от него отделяется политическая форма и то, что было под нею; дом уничтожен, когда куча дерева не имеет уже более вида дома. Разрушается, собственно, только одна категория бытия. Что же именно и как может разрушиться в духе, как в чистой форме? Ясно, что разрушения в том смысле, как оно существует для оформленных материальных вещей, для него нет. Нет в нем частиц, которые раздались бы в стороны, отделившись друг от друга, потому что не только самый дух, но и все явления в нем пребывают в одном времени: не может одна часть духа пойти вправо, а другая влево, или та вверх, а эта вниз, как нет правого и левого, верха и низа для мышления, чувства и воли. Не могут части духа (как это бывает во всем умирающем) разместиться иначе, чем были размещены прежде, когда они никак не размещены. Форма форм, которая не имеет какого-либо одного вида, в какую бы форму не переходила, - всегда останется тождественной самой себе и даже не изменится, переходя. Таким образом, смерть, исчезновение входит, как одна из составных сторон, в само существо духа, и умирание - в жизнь его" (16:321-323).

Заключение.

Не скрою, читая и оценивая сказанное, действительно чувствуешь, что появляется некий Высший смысл, ради которого стоит жить. Поэтому вряд ли случайны слова Фрейда, сказанные им в своей последней работе: "Сколь достойными зависти представляются нам, нищим верою, те исследователи, которые убеждены в существовании верховного божественного существа! Для этого великого Духа мир не представляет проблемы, потому что он сам создал все его устройства. Как всеобъемлющи, исчерпывающи и окончательны учения верующих в сравнении с трудными, жалкими и фрагментарными попытками объяснения, ради которых мы доходим до предела своих возможностей! Божественный дух, который сам является идеалом этического совершенства, насадил в человеке знание этого идеала и одновременно стремление возвысить свое существо до этого идеала... Нам остается только пожалеть, если известные жизненные переживания и

наблюдения мира делают для нас невозможным принять гипотезу подобного верховного существа" (29:1024).

Что же, Фрейд всегда был исследователем и борцом. "Еще в школе я всегда был среди самых дерзких оппозиционеров и неизменно выступал в защиту какой-нибудь радикальной идеи. Как правило, готов был сполна платить за это, идти до конца. Мне часто казалось, что я унаследовал дух бунтарства и всю ту страсть, с которой наши древние предки отстаивали свой Храм, свою веру. Я мог бы с радостью пожертвовать своей жизнью ради великой цели", - писал Зигмунд невесте. "...Откровенно говоря, мне кажется, что во мне есть нечто необычное, нечто странное, - продолжал он. Было время, когда во мне говорили только любознательность и честолюбие... Давно знаю, что я - не гений, и сам не понимаю, почему так хочется стать им. Быть может, я даже не очень одарен. Однако, некоторые особенности моей личности, черты характера предопределили способность к работе. Уверен, что такое сочетание свойств весьма плодотворно для медленного восхождения к истине"(30:131).

Психоанализ был, в сущности, его ребенком, "рожденным в муках", и вставшим на ноги не "благодаря", а "вопреки" всему. Такие дети - дороже всех остальных. Не мудрено, что Фрейд ни с кем не хотел делиться своим детищем. Даже с Богом.

Следствием этого оказалось то, что так напоминает легенду о могущественном горном духе Рюбецале:

Поднявшись однажды на поверхность земли, Рюбецаль был поражен зрелищем купавшейся в струях водопада красавицы. Чтобы вполне насладиться созерцанием столь великолепной красоты, дух воплотился в ворона и перелетел на высокое дерево. Однако, устроившись на его ветвях, ворон почему-то стал прислушиваться к карканью и принюхиваться к запаху падали. Дух быстро понял, в чем дело, и немедленно превратился в цветущего юношу.

Фрейд, в отличие от него, слишком увлекся, рассматривая в человеке его "животный мир", в результате чего прекрасная цель, ради которой он поднялся на "дерево науки", так и не была им оценена по достоинству. И в этом, пожалуй, его можно сравнить с Колумбом, проделавшим трудный путь первооткрывателя, но по ошибке назвавшего континент островом. Но её все-таки оценили другие:

"Психоанализ (несмотря на многочисленные заблуждения, которые столь же мало затрагивают его суть, как заблуждения духовенства - суть церкви) не имеет и не может иметь сегодня другой основной цели, как создать внутри нас самих некое пространство, в котором мы смогли бы услышать Бога", - сказал Г.Гессе (цит. по 7). Мне кажется, что в этих словах кроется истинный смысл психоанализа. Так же, как истинное отношение Фрейда к религии кроется все-таки не в том, что она "...заключается в умалении ценности жизни и в химерическом искажении картины реального мира..." (25:329), а в словах: "Может ли быть так, что все наши предшествующие разыскания не обнаружили всей мотивировки, а вскрыли

только относительно поверхностный слой, и за ним ожидает раскрытия еще какой-то другой, очень важный момент? При исключительной сложности причинных зависимостей в жизни и истории следовало бы быть готовым к чему-то подобному" (29:1025).

Не ответом ли ему звучат строки Бердяева?: "Я погружаюсь в глубину и становлюсь перед тайной мира, тайной всего, что существует. И каждый раз с пронизывающей остротой я ощущаю, что существование мира не может быть самодостаточным, не может не иметь за собой в еще большей глубине Тайны, таинственного смысла. Эта тайна есть Бог. Люди не могли придумать более высокого слова. Отрицание Бога возможно лишь на поверхности, оно невозможно в глубине"(2:185). Ведь написаны они были в том же 1939 году. Заканчивая свою работу, я хочу сказать, что, конечно же, не смогла затронуть все вопросы, волновавшие меня. Но для себя я поняла главное: психоанализ и вера в Высшее вовсе не противоречат друг другу. Напротив, они только подтверждают важность и истинность друг друга. "Что Бог есть, мы верим, а что он есть, - испытываем и узнаем" (1:95). Если у Фрейда и были причины не увидеть этого - ценность его учения не уменьшится, даже если у нас есть повод в чем-то с ним не согласиться.

И вспомним вечные слова Фауста:

Кто с полным чувством убежденья
Не побоится утвержденья:
Не верую в него?
Он, Вседержитель
И Всеохранитель
Не обнимает ли весь мир -
Тебя, меня, Себя?
Не высится ль над нами свод небесный?
Не твердая ль под нами здесь земля?
Не всходят ли, приветливо мерцая,
Над нами звезды вечные? А мы
Не смотрим ли друг другу в очи,
И не теснится ль это все
Тебе и в ум и в сердце,
И не царит ли в вечной тайне
И зримо и незримо вокруг тебя?
Наполним же все сердце этим чувством,
И если в нем ты счастье ощутишь,
Зови его как хочешь:
Любовь, Блаженство, Сердце, Бог!
Нет имени ему! Все в чувстве!
И имя только дым и звук,
Туман, который застилает небосвод.
(цит.по 13: 74)

Список литературы

1. Акулинин В.Н. Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому - Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1990. - 158 с.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. - М.; Книга, 1991. - 446 с.
3. Бубер М. Два образа веры: Пер. с нем. - М.; Республика, 1995. - 464 с.
4. Вишев И.В. Бессмертие человека. Реально ли оно? Минск, "Беларусь", 1990. - 150 с.
5. Вингер Ю. Этюды о симметрии/ Пер. с англ., М., 1971, 240 с.
6. Гроф С., Хэлифакс Дж. Человек перед лицом смерти. - Пер. с англ. - М.: Изд - во Трансперсонального Института, 1996. - 246 с.
7. Дадун Р. Фрейд. М.: 1994. - 512 с.
8. Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда.: Пер. с англ. - М.: Гуманитарий, 1996. - 448с.
9. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. - М.: Педагогика - Пресс, 1994. - 608 с.
10. Леви - Строс К. Первобытное мышление. - М.: Республика, 1994. - 384 с.
11. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. - 400 с.
12. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. - К.: "ИСА" 1995. - 352 с.
13. Мень А.В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: В 7 т. Т.1. Истоки религии. - М.: СП "Слово", 1991. - 287 с.
14. Мень А.В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: В 7 т. Т 2. Магизм и единобожие: Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. - М.: СП "Слово", 1991 - 462 с.
15. Платон Собрание сочинений в 4 т. Т 2/ Общ. Ред. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо - Годи; Пер. с древнегреч. - М.: Мысль, 1993. - 528 с.
16. Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. С-Пб.: Наука, 1994. - 540 с.
17. Розанов В.В. О легенде "Великий инквизитор" / В сб. О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. - М.: Мол. Гвардия, 1991. - 270 с.
18. Рязанцев С. Танатология - наука о смерти. - С-Пб.: Изд - во ВЕИП, 1994. - 382 с.
19. Стоун И. Страсти ума, или Жизнь Фрейда. / Пер. с англ.- М.: Мысль, 1998.- 752с.
20. Уайтхед А. Религия и наука / В сб. Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания. - М.: Политиздат, 1990. - 464 с.
21. Успенский П.Д. Новая модель Вселенной: Пер. с англ. - СПб: Изд. Чернышова, 1993. - 560с.
22. Фрейд З. Толкование сновидений / Пер. с нем.; - Мн.: "Попурри", 1997.- 576 с.
23. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. / Сб. Сумерки богов. - М.: Политиздат, 1989. с.94 - 142.

24. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. / Сб. "Я" и "Оно". Труды разных лет. Тбилиси, "Мерани", 1991. - с.139-192.
25. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой./ Сб. "Либи́до", М.: Гуманитарий, 1996. - 476 с.
26. Фрейд З. Тотем и табу. . / Сб. "Я" и "Оно". Труды разных лет. Тбилиси, "Мерани", 1991. - с.193-350.
27. Фрейд З. Лекция 35 "О мировоззрении"./ В кн. Введение в психоанализ: Лекции. - М.: Наука. 1991. - с.399-416.
28. Фрейд З. Мы и смерть. /В кн. Танатология - наука о смерти. - С-Пб.: Изд - во ВЕИП,1994. с.13-26.
29. Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. / В кн. Я и Оно: Сочинения. - М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО - Пресс; Харьков: Изд-во "Фолио", 1998. с. 915 - 1038.
30. Фрейд З. Письма к невесте / Пер. с нем., - М.: Моск. рабочий, 1994. - 142 с.
31. Фрейд З. Лекция 21. Развитие либидо и сексуальная организация. "/ В кн. Введение в психоанализ: Лекции. - М.: Наука. 1991. - с.203 - 215.
32. Фромм Э. Психоанализ и религия. / Сб. Сумерки богов. - М.: Политиздат, 1989. с.143-221.
33. Юнг К.Г. Зигмунд Фрейд как культурно - историческое явление. / В кн. Феномен духа в искусстве и науке. Пер. с нем. - М.: Ренессанс, 1992 - с. 54 - 65.
34. Юнг К.Г. Зигмунд Фрейд. / В кн. Феномен духа в искусстве и науке. Пер. с нем. - М.: Ренессанс, 1992 - с. 66 - 78.
35. Юнг К.Г. Воспоминания, сны, размышления / В кн. Карл Густав Юнг: дух и жизнь. Сборник. Пер. с нем. - М.: Практика, 1996. - 560 с.

С сайта Центр психоанализа

Психоанализ и философия текста. Смысл как травма

В.П.Руднев

*Чего бы ни добивался психоанализ –
среда у него одна: речь пациента.*

Жак Лакан

Идея соотнесения психоанализа и генеративной грамматики на первый взгляд может показаться странной. Тем не менее, именно сопоставление базовых категорий психоанализа и генеративной грамматики наталкивает на достаточно глубокие параллели между техникой анализа сознания, разработанной Фрейдом, и техникой филологического анализа текста в самом широком смысле.

Цель генеративной процедуры - перейти от поверхностной структуры к глубинной путем анализа трансформаций [Хомский 1972]. Цель психоанализа - выйти от сознательного к бессознательному при помощи анализа механизмов защиты.

Глубинная структура, таким образом представляется функционально чем-то схожим с бессознательным. Трансформации в генеративной грамматике и соответствующие им «приемы выразительности» в генеративной поэтике напоминают «механизмы защиты» бессознательного в психоанализе.

В генеративной грамматике это такие трансформации, как пассивная, негативная, вопросительная, номинативная.

Например:

активная конструкция - Мальчик ест мороженое
пассивная конструкция - Мороженое съдается мальчиком
негативная конструкция - Мальчик не ест мороженого
вопросительная конструкция - Ест ли мальчик мороженое?
номинативная конструкция - Мороженое, съдаемое мальчиком

Глубинная структура, выявляемая путем этих трансформаций: актант-субъект (мальчик), актант-объект (мороженое) и нетранзитивное отношение поедания, устанавливаемое между ними, сообщает нечто более общее и в определенном смысле сокровенное, маскируемое поверхностными структурами: не вопрос, не утверждение, не отрицание, не констатация, не инверсия актантов, даже не язык вовсе - некое абстрактное надязыковое бессознательное. Мысль в чистом виде. Мысль о мальчике и съедании им мороженого. Мысль, не замаскированная, не перелицованная речью, если воспользоваться афоризмом из «Трактата» Витгенштейна.

В генеративной поэтике лингвистическим трансформациям соответствуют приемы выразительности - контраст, совмещение, сгущение, затемнение, конкретизация, варьирование, увеличение, обобщение. В статье

«Инварианты Пушкина» А. К. Жолковский так формулирует основной потаенный смысл, «тему» (соответствующую языковой глубинной структуре) всего творчества Пушкина: «объективный интерес к действительности, осмысляемый как поле взаимодействия амбивалентно оцениваемых начал «изменчивость, неупорядоченность» и «неизменность, упорядоченность» (сокращенно 'амбивалентное противопоставление изменчивость/неизменность', или просто 'изменчивость/неизменность')».

В дальнейшем эта абстрактная тема подвергается в творчестве Пушкина конкретизации и варьированию. Например, «в физической зоне 'изменчивость/неизменность' предстает в виде противопоставлений 'движение/покой'; 'хаотичность/упорядоченность'; 'прочность/разрушение'; 'газообразность, жидкость, мягкость/твердость'; 'легкость/тяжесть'; 'жар/холод'; 'свет/тьма' и нек. др.; в биологической - 'жизнь/смерть'; 'здоровье/болезнь'; в психологической - 'страсть/бесстрастие'; 'неумеренность/мера'; 'вдохновение/отсутствие вдохновения'; 'авторское желание славы и отклика/равнодушие к чужому мнению'; в социальной - 'свобода/неволя'».

«Далее, мотивы, разделяемые в теории, в реальных текстах выступают в многообразных СОВМЕЩЕНИЯХ.

Например в отрывке

Кто, волны, вас остановил, Кто оковал [ваш] бег могучий, Кто в пруд безмолвный и дремучий Поток мятежный обратил? Чей жезл волшебный поразил во мне надежду, скорбь и радость [И душу] [бурную...] [Дремотой] [лени] усыпил? Взыграйте, ветры, взройте воды, Разружьте гибельный оплот - Где ты, гроза - символ [свободы? Промчись поверх невольных вод] мотивы 'неподвижность', 'движение', 'разрушение' (физическая зона) служат в то же время и воплощением мотивов 'бесстрастие', 'неволя', 'свобода', 'страсть' (психологическая и социальная зона)» [Жолковский 1979: 7-8].

В психоанализе бессознательное защищает себя от «агрессии» аналитика при помощи механизмов защиты: сопротивление (Widerstand), вытеснение (Verdrangung), замещение (Ersatzbildung), повторение (Wiederholung), Сгущение (Verdichtung) отрицание (Verneinung), перенос (Ubertragung).

Лакан в работе «Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда» подчеркивал сходство механизмов защиты с поэтическими тропами, понимаемыми им в широком якобсоновском смысле как макрориторические элементы: «...механизмы, описанные Фрейдом как механизмы «первичного процесса», т. е. механизмы, определяющие режим деятельности бессознательного, в точности соответствуют функциям, которые эта научная школа считает определяющими для двух наиболее ярких аспектов деятельности языка - метафоры и метонимии, т. е. эффектам замещения и комбинации означающих...» [Лакан 1997: 154].

Пример из статьи Фрейда «Из истории одного детского невроза» (Человек-Волк). Герою снятся волки на дереве. После этого он начинает бояться волков. Волк олицетворяет отца, как показывает Фрейд (то есть произошло замещение). Боязнь волка-отца связана с вытеснением увиденной,

возможно, героем в младенчестве сцены коитуса родителей в положении сзади. По предположению Фрейда, на самом деле мальчик видел сцену совокупления животных, а потом произвел перенос ее на совокупление родителей, которого он, возможно, в действительности и не видел, но лишь хотел увидеть.

Упреки в произвольности интерпретации психоанализом своего клинического материала, что такого «не может быть!», чтобы мальчик в полтора года мог увидеть и осмыслить, сцену, в которой его родители три раза подряд совершили совокупление в соответствующей позе, так же как и упреки в произвольности анализа филологом, особенно постструктуралистом художественного текста, имеют один и тот же позитивистский источник - веру в то, что так называемое объективное существование является чем-то безусловным, неким последним аргументом, *condicio sine qua non*. Однако с точки зрения постструктуралистской и более ранней лакановской философской идеологии «существование» чего-либо в прошлом скорее задается из будущего сознанием наблюдателя, исследователя. В определенном смысле травма формируется в сознании пациента самим психоаналитиком, как говорил Фрейд - *nachtraglich*, задним числом, - так же как смысл произведения формируется самим филологом, они в каком-то фундаментальном смысле создают существование травматического (художественного) события в прошлом.

Описывая позицию позднего Лакана в этом вопросе, С. Жижек пишет, что «совершенно неважно, имела ли она [травма. - В. Р.] место, «случилась ли она на самом деле» в так называемой реальности. Главное, что она влечет за собой серию структурных эффектов (смещение, повторение и т. д.) [механизмы защиты. - В. Р.]. Реальное - это некая сущность, которая должна быть сконструирована «задним числом» так, чтобы позволить нам объяснить деформации символической структуры» [Zizek 1989].

Может показаться, что основное различие между трансформациями и приемами выразительности, с одной стороны, и механизмами защиты, с другой, заключается в том, что первые являются элементами метаязыка исследователя, исходят из его активной инициативы по отношению к тексту, а вторые исходят из сознания пациента (то есть как бы из самого текста). Но это именно кажущееся различие. С одной стороны, можно сказать, что трансформации и приемы выразительности в той же степени содержатся в языке и тексте, как механизмы защиты в сознании. С другой же стороны, с тем же успехом можно сказать, что механизмы защиты являются в той же мере метаязыковыми образованиями, что они накладываются аналитиком на сознание пациента, структурируют его (в духе гипотезы лингвистической относительности).

В дальнейшем мы будем соотносить психоанализ и поэтику, так как в обоих случаях текст как объект анализа и в психоанализе и в поэтике прячет свой глубинный смысл (тему) при помощи механизмов защиты в психоанализе и приемов выразительности в поэтике.

Тексту присущи те же комплексы, которые психоанализ выделил в сфере сознания. Комплекс Эдипа выражается текстом в том, что он стремится перечеркнуть, «убить» своего предшественника, который сильно повлиял на его формирование. «Нет, я не Байрон, я другой» (в терминах статьи Фрейда «Verneinung», когда кто-то нечто отрицает, это служит наиболее явственным свидетельством того, что он это самое нечто утверждает; то есть в своем высказывании Лермонтов, отрицая, тем самым утверждает Байрона в качестве своего литературного отца).

Наиболее яркий пример Эдипова комплекса в художественном тексте был выявлен Ю. Н. Тыняновым в повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», в которой автор уничтожающе-пародийно «вывел» в лице Фомы Фомича Опискина своего литературного отца Н. В. Гоголя [Тынянов 1977].

Мы сознательно приводим примеры не изображения Эдипова комплекса внутри художественного текста или мифа; существование этих примеров само собой разумеется. Их описывал Фрейд уже в «Толковании сновидения» дав достаточно исчерпывающее описание соответствующей проблематики в «Царе Эдипе» Софокла и «Гамлете» Шекспира (этот фрагмент «Толкования сновидений» перепечатан отдельно в томе работ Фрейда, посвященных психоанализу искусства [Фрейд 1994а]). Через несколько лет после этого Ранк каталогизировал обширные примеры из мифологии, связанные с проблемой Эдипова комплекса [Ранк 1998].

Примеры, которые привели мы, в частности, пример с «Селом Степанчиковым» интересен тем, что в нем внутренняя прагматика текста накладывается на внешнюю прагматику автора текста. То есть, если, говоря словами Маяковского, «в книжке можно намолоть» что угодно, то случай пересечения границ текста и реальности (Достоевский, амбивалентно относясь к Гоголю, бессознательно «упрятывает его» в фигуру Фомы Фомича Опискина) для наших целей куда более интересен. Он говорит не просто о том, что в литературе изображается Эдипов комплекс, но что и сама литература как деятельность, как «языковая игра» замешана на Эдиповом комплексе, что он входит в правила этой языковой игры.

Комплекс кастрации также характерен для любого литературного текста, который в чрезвычайной степени сопротивляется всяческому урезанию, усекновению любой части своего «тела», манифестируя, что каждое слово, каждая буква неотъемлемо важна для его понимания. Особенно этот тезис ярко выступает в структуралистской поэтике и стиховедении, где каждый элемент текста объявляется неприкосновенным в силу «системного принципа»: удалив один элемент, мы, якобы, разрушим все системное единство текста. Можно возразить, что это требование предъявляет не сам текст, а его исследователь, но мы уже приводили тезис Лакана, в соответствии с которым смысл текста формируется задним числом (nachtraglich), что не только исследователь не существует без текста, но и текст не существует без исследователя.

Сознание сопротивляется психоанализу, и текст сопротивляется филологическому анализу вплоть до отрицания его принципиальной возможности (идея о невозможности поверять алгеброй гармонию, знаменитая фраза Толстого о принципиальной несводимости смысла «Анны Карениной» к некоей единой формуле, слова о механизме сцеплений).

Текст можно уподобить сознанию, а его смысл - бессознательному. Автор сам не знает, что он хотел этим сказать, написав текст, он зашифровывает в нем некое послание.

Спрашивается, зачем зашифровывать, почему бы не сказать прямо? *Прямо сказать нельзя, потому что в основе художественного творчества лежит травматическая ситуация, которую текст хочет скрыть* (подобно тому как сознание пациента всячески старается скрыть хранящееся в бессознательном воспоминание о травматической ситуации). Если исходить из этого допущения, то аналогия между психоанализом и филологическим анализом перестает быть метафорой.

Мы можем сказать без риска, что скрытый смысл художественного произведения аналогичен скрытой в бессознательном травматической ситуации. Это в целом соответствует учению Фрейда о сублимации.

Здесь мы хотим проанализировать возможный упрек в том, что, говоря об уподоблении психоанализа анализу филологического текста, мы апеллируем лишь к одному методологическому типу последнего, так называемой генеративной поэтике, поскольку только в ней последовательно проводится принцип сведения текста посредством «вычитания» из него приемов выразительности к абстрактной теме, которую мы уподобляем бессознательной травме, выявляемой психоанализом.

Но ведь есть много методик филологического анализа, которые не только не осуществляют этой последовательной генеративистской процедуры, но прямо заявляют, что подобная процедура невозможна, и противопоставляют ей противоположную стратегию анализа. В первую очередь, речь идет о постструктуралистской методике анализа текста, например, о так называемом «мотивном анализе» Б. М. Гаспарова, который рассматривает семантику текста как свободную игру несводимых друг к другу лейтмотивов, так что при таком понимании как будто бы в принципе не может идти речи ни о каком едином инварианте. Но это лишь кажущееся противоречие. Как человеческая психика в бесконечном разнообразии своих проявлений не сводится к единственной бессознательной травме, так и художественный текст не сводим к единой инвариантной теме. Здесь все зависит (см. также ниже о своеобразии феномена переноса применительно к поэтике) от характера исследователя и его установок. При анализе психики пациента не всегда важно отыскание самой глубокой «инвариантной травмы», не менее важны опосредующие травмы более поверхностного характера - достаточно прочесть любой из классических анализов Фрейда, чтобы в этом убедиться. Кроме того, техника лейтмотивов, которая применяется в «мотивном анализе» в очень сильно степени напоминает ту технику «свободных

ассоциаций», о которой Фрейд наиболее ярко писал в книге «Психопатология обывденной жизни» [Фрейд 1990].

Таким образом, мотивный анализ передает просто другой лик психоанализа. Если бы исследователи поменялись местами и Гаспаров занялся бы мотивной техникой Пушкина, а Жолковский - инвариантной темой «Мастера и Маргариты» (ср. [Гаспаров 1995]), то, скажем, в последнем случае роман Булгакова вместо пестрой чехарды мотивов предстал бы как иерархическая структура с единой темой-инвариантом. Можно даже предположить, что этой абстрактной инвариантной темой была бы оппозиция 'бездомность, дифензивность, нравственность и неприкаянность истинного таланта/ «одомашенность», авторитарность безнравственность власти бездарных людей', где на одном полюсе были бы Иван Бездомный, Иешуа, Мастер, на противоположном - Берлиоз, Стравинский, Арчибальд Арчибальдович, писатели, администрация варьете и безликие в романе «органы», а и медиативную функцию занимали бы Пилат и Воланд со свитой. Кажется, что подобная оппозиция была безусловно инвариантной и для самого биографического Булгакова.

Чрезвычайно характерно и то, что Б. М. Гаспаров пришел к мотивному анализу после периода достаточно жесткого осмысления проблем языкового синтаксиса и музыкальной семантики, авторы же генеративной поэтики А. К. Жолковский и Ю. К. Щеглов в зрелые годы перешли к гораздо более мягким моделям филологического анализа, скорее напоминающим мотивный анализ Гаспарова.

Смысл текста это потаенная травма, пережитая автором. Тем сложнее текст, чем глубже травма, чем она серьезнее. Что же это за травма, которую скрывает бессознательное и потаенный смысл текста? Можно было бы сказать, что в каждом случае это разные травмы и разные неврозы. Можно, однако, предположить, что травма всегда одна - наиболее универсальная травма рождения, присущая каждому человеческому существу, травма, значение которой вскрыто и подробно проанализировано Ранком в книге [Rank 1929] и в дальнейшем развито в учении С. Грофа [Гроф 1992]. (Повидимому, любая травма, носящая сексуальный характер, особенно, детская, может быть «переописана» (термин Р. Рорти [Рорти 1996]) как травма рождения; например, подглядывание маленьким Сережей Панкеевым (Человеком-Волком) коитуса родителей можно интерпретировать как вторичное переживание травмы рождения или даже зачатия - динамика здесь примерно одна и та же (ср. [Кейпер 1986]).

Заметим, что выявленное А. К. Жолковским инвариантное противопоставление творчества Пушкина 'изменчивость/неизменность' имеет универсальное значение для любого творчества и любого сознания. Действительно, плод, находящийся в утробе матери испытывает амбивалентное желание, с одной стороны, вырваться из нее (инстинкт жизни), а, с другой стороны остаться в ней (вторично - в виде невроза - вернуться в нее) (влечение к смерти).

В сущности, травма рождения может быть обнаружена в любом классическом анализе типа фрейдовского. Так, например, «первичной сцене» гипотетического созерцания полового акта родителей полуторагодовалым Человеком-Волком, в этом смысле предшествует «нулевая сцена» перинатальной динамики плода во внутриутробном развитии с ее диалектикой изменчивости/неизменности. На эту «нулевую» диалектику и накладывается динамика «первичной сцены» и ее травматических последствий попеременного отождествления сознания невротика то с отцом - изменчивостью, агрессивным динамическим началом, инстинктом жизни, то с матерью - неизменностью, статическим началом, влечением к смерти.

Эдипальная динамика в целом может быть редуцирована к перинатальной динамике. Вспомним, как Леви-Строс толкует архаический миф об Эдипе. Он говорит, что для архаического сознания понятия инцеста не существовало и такая трактовка мифа об Эдипе - результат поздних, постмифологических осмыслений. Первоначально же, согласно Леви-Стросу, смысл мифа об Эдипе был в загадке происхождения человека. Обращая внимание на то, что имена самого Эдипа («толстоногий», его отца Лая («левша») и отца Лая Лабдака («хромой») связаны с идеей недостатка в конечности, Леви-Строс указывает на то, что это могло означать «стигматы» автохтонного рождения героя, рождения из земли. То есть речь идет ни о чем ином, как о травме рождения в самом прямом смысле слова «травма» - рождаясь из земли, герой повреждал конечность. Миф об Эдипе, таким образом, это этиологическая загадка - человек рождается от одного или от двух? Далее Леви-Строс пишет: «Конечно, проблема, для которой Фрейд избрал «Эдипову» терминологию, не есть проблема альтернативы между автохтонностью и двуполым воспроизводством. Но и его проблема приводит к вопросу: как двое могут породить одного? Почему у нас не один родитель, а мать и еще отец?» [Леви-Строс 1985 : 194] (ср. также [Пропп 1975; Руднев 1990]).

Размышляя о своем рождении, ребенок сравнительно легко приходит к идее рождения в утробе матери. Вопрос об отце решается значительно позже. Ранние подсмотренные сексуальные сцены, как правило, воспринимаются ребенком как факт нанесения отцом матери какого-то вреда, некой агрессии, насилия по отношению к ней. Затем это может путем неведомых бессознательных механизмов проецироваться на то механическое насилие при зачатии, которое отцовский пенис мог оказать уже оплодотворенному в этот момент сперматозоиду; как пишет Кейпер, «сперматозоид бомбардируется пенисом» [Кейпер 1986]. Таким образом, тесная связь Эдипова комплекса с травмой рождения и зачатия представляется неизбежной.

Вероятнее всего, такой перинатальный «нулевой» конфликт может быть найден в любом художественном произведении. В травестийном виде (что не отменяет серьезности проблемы) нечто подобное было нами выявлено при анализе милновского «Винни Пуха» [Руднев 1994], где ситуация травмы рождения реализуется в ряде эпизодов - застревание Пуха в

норе у Кролика, пребывание Поросенка с «кармане» у Кенги, пребывание Пуха и Поросенка в поваленном бурей доме Совы. В более общем смысле (инстинкт созидания - стремление к разрушению) то же самое реализуется в таких амбивалентных эпизодах, как неудачная попытка дарения Поросенком воздушного шарика Ослу с бессознательным «разрушением» подарка (совершая дорогой подарок, отдавая самую дорогую вещь Другому в качестве скрытого сексуального предложения (инстинкт жизни), Поросенок, обуреваемый бессознательным желанием сохранить дорогую вещь, действует по принципу «так не доставайся же ты никому» (влечение к смерти). Созидание часто одновременно оказывается разрушением (ср. основополагающую статью [Шпильрейн 1994]). Так, когда Поросенок и Пух стоят новый дом Ослу, сознательно стремясь к «жизнестроительству», они тем самым одновременно бессознательно разрушают его старый дом.

Мы уже замечали применительно к «Винни Пуху», что литература, связанная с травмой рождения, начинает концентрироваться в 1920-е годы, время изобретения и разработки этого понятия Ранком. Еще более интересный факт - концентрация в этот период произведений о «нерожденности», о бесплодности - это произведения писателей потерянного поколения, что тоже важно. В этих произведениях либо вообще нет детей «Смерть героя» Р. Олдингтона, «Прощай, оружие» Хемингуэя, «Великий Гетсби» Фитцджеральда, «Степной волк» Гессе, «Мы» Замятина, «Волшебная гора» Томаса Манна, либо дети (нечто рожденное) показаны как деградирующие («Шум и ярость» Фолкнера), либо они рождаются «в пробирке» («О дивный новый мир» Хаксли). Наиболее интересный, можно даже сказать, поразительный пример - «Собачье сердце» Булгакова, где изображается травма рождения в самом прямом смысле. Своеобразие здесь в том, что герой знает о своей травме рождения. Этот текст - как бы издевательство над психоанализом. Эдипальные отношения, в которые вступает Шариков, с одной стороны, вроде как бы очевидны. Отцом является профессор Преображенский, именно его Шариков именуется «папашей». Но, с другой стороны в эдипальной динамике Шарикова не хватает матери, поэтому на самом деле данный комплекс для Шарикова выглядит по-другому. Он скорее отождествляет профессора с матерью. Во всяком случае, по отношению к нему он проявляет хотя бы какое-то подобие родственных чувств. Отцом для него, соперником в «любви» к Преображенскому выступает ассистент создателя (то есть как бы действительно отец - тот, кто лишь помогает матери зачать) доктор Борменталь - именно на него направлена наибольшая агрессия Шарикова. Здесь опять-таки внутренняя прагматика срачивается с внешней.

В «Мастере и Маргарите» есть сцена, когда героиня, уже ставши ведьмой, сидит у постели маленького мальчика - единственный ребенок, появляющийся в романе. Эта сцена дана для того, чтобы оттенить идею отсутствия детей в романе, «бесплодия» ведьмы Маргариты и отсутствия будущего у сатанинского «большевистского» мира. Но ведь и у Булгакова не

было детей. Творчество становится зашифрованным описанием собственной «травмы нерождения».

В русской литературе амбивалентная динамика инстинкта продолжения рода реализуется в тургеневской парадигме русского человека на randevу. Наиболее полно эта коллизия реализуется в «Отцах и детях» (не случайно, что само название связано с темой рождения и Эдиповым комплексом). Базаров парадоксальным образом строит свою «позитивную» идеологию на том, что отрицает все подряд. Однако, встретившись с женщиной, олицетворяющей инстинкт продолжения рода, он попадает в заколдованный круг. Вначале он привычным образом пытается отрицать Одинцову в духе идеологии «влечения к смерти»: «Экое богатое тело, хоть сейчас в анатомический театр». Однако это не проходит. В какой-то момент Базаров осознает, что инстинкт жизни побеждает в его сознании влечение к смерти, что он влюбляется в Одинцову. Это противоречие с его танатологической идеологией окончательно фрустрирует его, и он разрешает проблему, бессознательно заразив себя смертельной болезнью от трупа. На смертном одре, признаваясь Одинцовой в любви, он тем самым признает ценность инстинкта жизни, но делает это в тот момент, когда влечению к смерти уже ничто не может помешать.

При этом нельзя не заметить, что тотальное отрицание Базаровым всего на свете является по сути тем самым фрейдовским *Verneinung*, механизмом защиты бессознательного, в основе которого лежит утверждение отрицаемого. Согласно Фрейду, если человек говорит, что он видел во сне женщину, и это точно была не его мать, последнее и означает, что это безусловно была его мать. Нигилизм Базарова - это «отречение» от романтических ценностей Павла Петровича Кирсанова, который тем не менее является его двойником: Базаров - романтик почище Павла Петровича. Тот только скуксился от неудавшейся любви, забился в деревню, а этот умер, не сумев побороть свою фрустрацию. По сути весь российский нигилизм - это цинический романтизм наоборот, родившийся, от неудач с женщинами (наиболее яркий пример - Д. И. Писарев, который так и утонул девственником).

Другой пример - «Что делать?» Чернышевского. Подвал, откуда так мучительно освобождает Лопухов Веру Павловну - это бессознательное-символическая утроба. Сам же Лопухов - замещение матери, ложной «физиологической матери» Марии Алексеевны. Поэтому, когда Борис Парамонов утверждает, что любовь Веры Павловны во время замужества за Лопуховым к сливкам есть не что иное, как воспоминание Чернышевским о том, «как Ольга Сократовна побаловала его оральным сексом» [Парамонов 1997 : 67], то он совершенно не прав. Просто это Лопухов – «символическая мать» - кормит Веру Павловну своим молоком, не будучи ангажирован «накормить» ее ничем иным. Последняя роль отводится Кирсанову - с момента, когда Вера Павловна переходит к «генитальной стадии» любви с ним после «оральной стадии» с Лопуховым и «анально-садистической» с Рахметовым.

Интересно, что перинатальные комплексы характерны для поэзии. В общем смысле можно сказать, что стиховорный ритм «напоминает» поэтическому субъекту о плавном покачивании плода в утробе (см. [Топоров 1995, 1995a]).

Ср. также странное, если воспринимать его в контексте рассматриваемой проблематики, четверостишие Блока:

Рожденные в года глухие
Пути *не помнят* своего.
Мы, дети страшных лет России
Забить не в силах ничего.
(курсив, конечно, мой. - В. Р.)

Но здесь можно возразить, что мы говорили об изображении в литературе травмы рождения, а не о самой травме рождения литературного текста. Сохраняет ли текст невроз травмы рождения? Метафора, в соответствии с которой художественный шедевр «рождается в муках», здесь по-видимому возникает не случайно. Если говорить о таких произведениях, как «Слово о полку Игореве», то безусловно можно сказать, что этот текст всю историю своего изучения носил на себе отпечатки травмы и тайны своего рождения.

«Последом» рождения художественного текста служат многочисленные рукописи, черновики подготовительные материалы, ранние редакции.

Но гораздо более интересно, что та же модель амбивалентного противопоставления изменчивости/неизменности реализуется и в генеративном анализе языка. Глубинная структура типа «мальчик - мороженое - съесть» обладает все той же амбивалентностью, так как она содержит возможные поверхностные трансформы, реализующие как позитивный («Мальчик ест мороженое»), так и негативный («Мальчик не ест мороженого») результаты. То есть глубинная структура также содержит в себе травматический амбивалентный конфликт реализации или нереализации (вариант: активной/пассивной реализации) того, что в ней заложено.

Поскольку в самой терминологии, в самом самоназвании генеративизма содержится идея того, что поверхностная структура **рождается** из глубинной структуры (глубинная структура - это то место, где рождается язык), то аналогия между глубинной структурой и бессознательным, амбивалентного конфликта, заложенного в глубинной структуре, - с травмой рождения, не только предстает не произвольной аналогией (и даже не схоластически типологическим уподоблением), но неожиданно органичной и последовательной. Последний эффект не так странен, если вспомнить, что психоанализ - это и есть говорение, речевая деятельность (ср. эпиграф к этой статье, взятый из работы [Лакан 1995], - «психоанализ имеет одну среду: речь пациента»), которая, учитывая действия механизмов защиты: сопротивления, вытеснения, замещения, отрицания (или запираательства в интерпретации этого термина Лаканом [Лакан 1998]), - балансирует на стыке все того же противопоставления изменчивости/

неизменности, стремления выздороветь, инстинкта жизни, с одной стороны, и стремления к уходу в болезнь, влечению к смерти, с другой. И естественно, что язык в своих самых глубинных сферах оказывается хорошо приспособленным к этой сложной амбивалентной динамике.

Филолог-аналитик очищает сознание-текст от напластований «механизмов защиты» бессознательного (приемов выразительности). Но кому нужна эта травма, ведь текст не взывает о своем недуге, не требует лечения? Вспомним вновь Лакана, одно из самых знаменитых его высказываний: «Бессознательное субъекта есть дискурс другого» [Лакан 1995: 35]. Бессознательное пациента в этом смысле формируется аналитиком, во всяком случае, в работе, в диалоге с аналитиком. Анализируя бессознательное текста в диалоге с ним, когда текст пациента, его речь выступает как другой, аналитик-филолог выявляет тем самым свое бессознательное. То есть лечение прежде всего нужно самому аналитику.

Отсюда своеобразие процесса переноса в поэтике в «лечении» филологом текста (ср. расширенное понимание переноса с привлечением анализа платоновского «Пира» в книге [Lacan 1991]). Каждый филолог знает о том, что для успешного проведения анализа, необходимо на определенное время забыть, что ты имеешь дело с художественным, эстетическим объектом, который может напускать на тебя свои эстетические чары; необходимо устранить возможность собственной эстетической реакции: никакой экзальтации, никакого «вчувствования», никаких «Татьян, русских душою». Есть только голая конструкция, которую необходимо разобрать «по винтикам»; только тогда ты можешь надеяться понять, из чего или как это сделано («ср. эпатирующие и в то же время типовые названия формалистских статей вроде «Как сделана «Шинель» Гоголя?» (Б. М. Эйхенбаум) или «Как сделан «Дон Кихот»?» (В. Б. Шкловский).

В определенном смысле то же самое происходит и перед началом психоаналитического лечения. Пациент предстает перед аналитиком как голый пучок функций. И весь анализ - это преодоление лабиринта, тех ловушек, которые расставило сопротивление. Но вот в какой-то момент, когда анализ уже довольно сильно приблизился к патогенному ядру, к травме (когда филолог уже почти готов понять, «про что» это написано), в этот момент сопротивление идет на смелый и временно успешный шаг: сознание пациента полностью переключается на аналитика, тем самым заблокировав ему всякий подступ к патогенному материалу. Пациент отождествляет аналитика, например, со своим отцом и объявляет тем самым, что анализ закончен. Действительно, а он-то мучился, когда счастье, оказывается, тут рядом! Но это не счастье, это просто демон переноса. Художественный текст поступает точно так же. Когда разгадка близка, он вдруг заставляет аналитика вспомнить, что является эстетическим явлением. Он как будто говорит ему: «Зачем ты копаешься, ищешь чего-то? Вот я весь перед тобой, посмотри, как я прекрасен!» И если аналитик-филолог не поймет что это лишь трансферентный трюк, если он поверит тексту и влюбится в него как в эстетическое явление, тогда конец анализу.

Из сказанного можно сделать вывод, что позиции аналитика и пациента в психоанализе и позиции филолога и текста в поэтике меняются местами. В сущности, именно художественный текст является аналитиком (а не пациентом), а пациентом является филолог, в содержании текста, отыскивающим собственную травму. (О том, что это в определенном смысле характерно и для психоанализа, см. ниже.) В этом смысле перенос, конечно, исходит не из текста (разве можно всерьез говорить, что нечто, присущее сознанию, исходит из «несознания»? это все лишь метафора!), а напротив исходит от филолога в тот момент, когда он чувствует свое бессилие перел текстом, когда анализ застопоривается. Тогда у него вдруг и «открываются глаза», и он вдруг видит, что перед ним нечто прекрасное, что вовсе не нужно «поверять алгеброй гармонию», что Татьяна - русская душой и т. д., и это чистое эстетическое наслаждение останавливает анализ - на время или навсегда, это уж зависит от сознания филолога. Так или иначе, но всегда вместо лечения первоначального текста филолог просто создает другой текст (текст своего исследования), лишь мифологически излечивающий первоначальный текст. На самом-то деле филолог прячет в этом вторичном тексте свою собственную психотравму.

Культура - перманентный психоанализ самой себя (субъект культуры все время старается представить свою собственную субъективность как «дискурс другого»), не дающий никакого результата, поскольку результат равносильен уничтожению культуры. Что мы имеем в виду, высказывая подобное суждение? Предположим, что все пациенты всех аналитиков вылечены и что все художественные тексты проанализированы и их смыслы выявлены, все культурные загадки разгаданы. Это означает, например, что судьба такого сочинения, как «Слово о полку Игореве» была бы решена сразу, через год после его нахождения. Тем самым был бы изъят из культуры огромный пласт текстов, анализирующих этот памятник. Это означает даже большее: что без этих анализов этот памятник был бы гораздо беднее, так как художественный текст развивается во времени в соответствии с законами, скорее, противоположными второму началу термодинамики, то есть он накапливает информацию, а не теряет ее [Руднев 1986].

На самом деле феномен культуры состоит, говоря метафизически, в том, чтобы до конца не знать ни того, кто был автором «Слова о полку Игореве», ни даже подлинное ли это произведение XII века или гениальная подделка конца XVIII-го. Отсюда можно сделать вывод о позитивном, ретардирующем, характере переноса в культуре. По сути, то же самое происходит и в психоанализе. Анализ Фрейдом Человека-Волка не был особенно удачным (через несколько лет после ремиссии тот вновь серьезно заболел - на сей раз это уже был обсессивный психоз [Брюнsvик 1996]), зато благодаря ему Фрейд написал один из лучших своих разборов конкретного материала, где сформулировал важнейшие теоретические положения психоанализа [Фрейд 1996]. Это звучит как парадокс, но если бы все пациенты выздоравливали, то психоанализ не смог бы существовать и развиваться.

Хотя, конечно, в самой культуре часто то и дело вспыхивают редуционистские движения, ратующие за «полное окончание анализа» Так, например, Витгенштейн в «Логико-философском трактате» сводит все операции с пропозициями к операции отрицания и соответственно все предложений к одному инварианту всех предложений «Дело обстоит так-то и так-то» [Витгенштейн 1958]. Поразительно, что в соответствии с фрейдовским анализом Verneinung'a отрицание в конечном счете оборачивается утверждением, но таким утверждением, которое ничего не утверждает. Это и есть глубинная структура-бессознательное - утроба языка. Таким образом, по-видимому, и применительно к культуре в каком-то смысле можно говорить о диалектике инстинкта жизни и влечения к смерти. В анализе важен не результат, а процесс. Ясно, что как психоанализ излечивает только самые простые случаи, так и «конечному» филологическому анализу подвластны только простые формы текстов - фольклор и массовое искусство (Шкловский, Пропп, Леви-Строс).

Чем сложнее невротическое (или психотическое) состояние, чем сложнее художественный текст, тем надежда на окончательное «выздоровление» меньше, но тем интересней сам процесс анализа, тем в большей степени он обогащает аналитика и его читателей.

Анализы сложных «случаев» в психоанализе и поэтике, как правило, обогащают теоретическую базу этих дисциплин.

Но это, как правило, неудачные в «клиническом» смысле анализы. Например, анализ Доры или Человека-волка у Фрейда или анализ Достоевского и Рабле у Бахтина. Человек-Волк Сергей Панкеев так до конца своей долгой жизни остался невротиком. То, что писал Бахтин о Достоевском и Рабле, имеет гораздо больше отношения к самому Бахтину, нежели к Рабле и Достоевскому.

Ср. у Фрейда: «Новое можно узнать только из анализов, представляющих особые трудности, для преодоления которых требуется, конечно, много времени. Только в таких случаях удастся добраться до самых глубоких и примитивных слоев душевного развития и там найти разрешение проблем позднейших душевных формирований. Тогда начинаешь думать, что только тот анализ, который проник так далеко, заслуживает этого названия» [Фрейд 1996 : 158].

Вопрос о том, хочет ли сознание быть вылеченным, хочет ли оно, чтобы вытесненный, замещенный, перенесенный, отрицаемый и т. д. материал был вытасчен наружу психоаналитиком, и соответственно хочет ли текст, чтобы его сокровенный смысл был выявлен, эксплицирован филологом, есть вопрос понимания амбивалентности направленности сознания, его колебания между созиданием и разрушением, между инстинктом жизни и влечением к смерти и соответственно вопрос понимания того, хочет ли автор текста быть понятым сразу за счет утраты глубины текста или он предпочитает первоначальное непонимание (соответствующее влечению к смерти) так, как это обычно и соответствует противопоставлению прижизненного непонимания посмертному признанию

по принципу «Меня не понимают, очень хорошо, когда я умру, все поймут, с каким великим человеком имели дело»; примерно так же обстоит дело при самоубийстве - «Я умру, но вам же будет хуже» (Фрейд «Скорбь и меланхолия» [Фрейд 1994]) посмертной славе.

Последнее рассуждение соответствует противопоставлению массового и «фундаментального» искусства. Массовое искусство жертвует глубиной, но получает мгновенное признание. Его «лечение» протекает легко и быстро. «Фундаментальное» искусство жертвует прижизненным признанием, но получает (может получить) громкое признание после смерти автора. Его анализ протекает медленно, сложно и обычно не дает окончательного результата.

Следует подчеркнуть, однако, что ни глубинная структура, ни бессознательное, ни смысл текста не являются, строго говоря, семиотическими объектами. Они суть чистые означающие без означаемых, план содержания без плана выражения. Проще всего это показать на примере сновидения, которое обычно считалось очень близким к бессознательному (царским путем к нему, по выражению самого Фрейда [Фрейд 1991]). Сновидение само по себе не является семиотическим объектом. Это чистое означающее, у него нет плана выражения. Из чего сделаны сновидения, сказать нельзя (см. также [Руднев 1996]). Здесь, как и во всем другом, аналитик имеет дело лишь с речью пациента, не с самими сновидениями, а с рассказами о сновидениях (ср. [Малкольм 1993]).

В этом наше расхождение с Лаканом, который считал, что бессознательное структурируется как язык. Уточняя это положение, можно сказать, что бессознательное структурируется как «индивидуальный язык» (private language) [Wittgenstein 1967]. Но, по Витгенштейну, индивидуальный язык невозможен, он не является семиотическим объектом, не является языком, потому что на нем нельзя передавать информацию. Поэтому тезис Лакана о том, что «бессознательное субъекта есть дискурс другого» следует переформулировать как «бессознательное есть отраженный дискурс другого как индивидуальный язык, внутренняя речь Я». Бессознательное это индивидуальный язык Я, переместивший чужую семиотическую речь (дискурс другого) в свой индивидуальный язык - язык, который невозможно понять, не превратившись в этого другого, язык, который, строго говоря, и не является языком. Как мы это понимаем? Допустим, пациент в младенческом возрасте наблюдал коитус родителей, как фрейдовский Человек-Волк. Эта сцена и была дискурсом другого, который субъект не мог перевести в свой осознанный дискурс, так как он не мог еще адекватно понять, осознать, «прочитать» дискурс другого, перевести его в свою семиотическую (или, как говорит Лакан, символическую) систему. Поэтому сцена остается в его бессознательном как непрочитанная, непроявленная, неистолкованная и поэтому как нечто страшное (ср. фрейдовскую концепцию «жуткого» (Unheimliche) [Фрейд 1994b]). Она остается как его индивидуальный язык, внутренняя речь, непонятная ему самому и поэтому забытая, вытесненная его сознанием. Анализ переводит этот интериоризованный дискурс другого в

сознание субъекта, расшифровывает его, пользуясь тем, что символическая система субъекта теперь уже в состоянии понять, что произошло и, что самое главное, понять, что не произошло ничего страшного. Здесь и совершается терапевтический эффект.

Сверхценность травмы снимается за счет ее семиотизации, за счет перевода ее в символический язык субъекта. Поясним это на примере из «Евгения Онегина». Когда Онегин уехал из деревни, вся ситуация, связанная с ним, воспринималась Татьяной как травматическая. Онегин существовал в сознании Татьяны как непонятный «дискурс другого». И вот поразительно, что Татьяна начинает заниматься само-психоанализом. Она идет в дом, где жил Онегин, и читает те книги, которые он читал. Постепенно она экстерииоризует то травматическое, завораживающее начало, которое так сильно подействовало на нее в Онегине, и дезавуирует это начало. Оказывается, в Онегине не было «ничего страшного», ничего значительного - он просто пародия на тех персонажей - Чайлда Гарольда, Мельмота - по моделям поведения которых он строил свое поведение. И вот когда слово «пародия» приходит на ум Татьяне (у Пушкина так и сказано: «Ужели слово найдено?» - курсив Пушкина. - В. Р.) , происходит перевод ее травмы в понятную ей (которая сама по себе тоже прочитала довольно много книг) символическую систему европейского романтизма (в этом рассуждении мы в определенном смысле опирались на «кросскультурную» концепцию «Евгения Онегина», разработанную Г. А. Гуковским и развитую и переработанную в духе структурной поэтики 1970-х годов Ю. М. Лотманом [Гуковский 1963, Лотман 1976]).

Переходя на язык филологического анализа, можно сказать, что бессознательное текста, его смысл - это черновик, нечто, что в принципе не подлежит чтению, то есть нечто, что читается без всякого на то права, когда хозяина текста уже нет. Черновик, как и дневник, это индивидуальный язык, внутренняя речь литератора, элементы его бессознательного. Ср. известные ахматовские строки:

А так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает.

«Чужое слово», элемент интертекста - это и есть дискурс другого, или индивидуальный язык Я. Когда филологи спорят о том, является ли какой-либо фрагмент текста реминисценцией к тому или другому тексту, то они говорят о том, о чем «следует молчать», о сугубо семантических , континуальных сущностях, о чистых означаемых, которые не переводимы в дискретный семиотический язык.

К чему же мы приходим? К тому ли, что все то, что ищет психоаналитик и филолог - психическую травму и смысл художественного текста - найти невозможно, вернее, что все то, что они находят, оказывается не тем, что они искали? В определенном смысле, по-видимому, этот так и есть. Но означает ли это в таком случае, что поиски бесполезны - что травма

не может быть выявлена и невротик так и останется невротиком, что смысл текста не может быть познан и текст будет хранить его вечно? В определенном смысле такая пессимистическая постановка вопроса созвучна финалу витгенштейновского «Трактата»: «6.521 Решение проблемы жизни заключается в исчезновении этой проблемы. (Не это ли причина того, что люди, которым после долгих сомнений стал ясен Смысл жизни, все-таки не могли сказать, в чем этот Смысл состоит)». В этом случае наша статья могла бы называться - «Бессмысленность культуры».

Но здесь кончается аналогия между задачей психоанализа и сущностью анализа художественного произведения. Травматичность художественного смысла и осмысленность психологической травмы направлены в противоположные стороны. Психоаналитик путем обнаружения травмы обесмысливает ее, то есть лишает ее того сверхценного смысла, который она имела в бессознательном пациента. Переводя ее в семиотический дискурс, аналитик лишает травму ее статуса «бессознательного дискурса другого», превращая ее в осознанный дискурс субъекта о самом себе. Филолог же, если он отыскал некий единый уникальный смысл художественного произведения, тем самым не излечивает художественный текст от его травмы, ибо сверхценность художественного «бессознательного дискурса другого» не является патологической в том смысле, в котором это имеет место в психоанализе. Бессознательный художественный дискурс другого филолог превращает в осознанный художественный дискурс для всех и прежде всего для себя самого. Как мы уже говорили, занятый поиском художественной травмы текста, филолог на самом деле занят поиском собственной травмы, хотя чаще всего он этого не понимает. (Впрочем, и психоаналитик в процессе лечения пациента лечит самого себя, что не раз подчеркивалось самыми крупными авторитетами. Так, Юнг в статье «Соображения о психотерапии» пишет, что «невротичный психотерапевт неизбежно будет лечить у пациента свой собственный невроз» [Юнг 1997 : 43].

Лакан, говоря о психоаналитической технике Фрейда, подчеркивал: «... Фрейд с самого начала осознает, что продвинется в анализе невротиков лишь в том случае, если будет анализировать себя самого» [Лакан 1998 : 9].) Результат анализа художественного текста - не выздоровление текста (в определенном смысле тексту уже ничем не поможешь), а выздоровление самого аналитика. В этом и состоит позитивность культуры - не просто заявить о том, что смысл непостижим, но прийти к этому путем сложнейших логических (а на самом деле психоаналитических по своей сути) процедур - не секрет, что «Логико-философский трактат» спас Витгенштейна от самоубийства. Деневротизация сознания при художественно-филологической-философской-научной терапии достигается путем позитивного переноса своей травмы на анализируемый текст. Разумеется, лечение это не может быть радикальным, так как перенос, каким бы позитивным он не был, есть по сути своей нечто промежуточное, это не изживание травмы, но лишь передача ее «другому». Но поскольку речь в

данном случае идет о культуре, то можно предположить, что именно эта транзитивная цепочка переносов обеспечивает ее непрерывность.

Культура семиотична и с этой точки зрения она действительно «бессмысленна», но кроме нее никаких иных путей к смыслу мы не имеем.

Литература

- Брюнстик Р. М. Дополнение к статье Фрейда «Из истории одного детского невроза» // Человек-Волк и Зигмунд Фрейд. К., 1996.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
- Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. М., 1995.
- Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1992.
- Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. Л., 1963.
- Жолковский А. К. Инварианты Пушкина // Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 467, 1979.
- Кёйпер Ф. Б. Я. Космогония и зачатие // Кёйпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
- Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
- Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда. М., 1997.
- Лакан Ж. Семинары. Кн. 1. Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М., 1998.
- Леви-Строс К. Структурная антропология. 1985.
- Лотман Ю. М. Роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1976.
- Малкольм Н. Состояние сна. М., 1972.
- Парамонов Б. Конец стиля. М., 1997.
- Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Л., 1975.
- Ранк О. Миф о рождении героя // Между Эдипом и Озирисом: Становление психоаналитической концепции мифа. Львов; М., 1998.
- Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М., 1996.
- Руднев В. Текст и реальность: Направление времени в культуре // Wiener slawistischer Almanach, 17, 1986.
- Руднев В. П. Исторические корни сюжета // Памятники языка - язык памятников. М., 1990.
- Руднев В. Введение в прагмасемантику «Винни Пуха» // Винни Пух и философия обыденного языка. М., 1994.
- Руднев В. Морфология реальности: Исследование по «философии текста». М., 1996.
- Топоров В. Н. О «психофизиологическом» компоненте поэзии Мандельштама // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М. 1995.
- Топоров В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Там же, 1995а.
- Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.
- Фрейд З. Толкование сновидений. Ереван, 1991.
- Фрейд З. Скорбь и меланхолия // Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1994.
- Фрейд З. Царь Эдип и Гамлет // Там же, 1994а.
- Фрейд З. Жуткое // Там же, 1994б.
- Фрейд З. Случай Человека-Волка (Из истории одного детского невроза) // Человек-Волк и Зигмунд Фрейд. К., 1996.
- Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
- Шпильрейн С. Деструкция как причина становления // Логос, 5, 1994.
- Юнг. К. Г. Психология переноса. М., 1997.

Lacan J. Le seminaire de Jaques Lacan. Livre VIII. Le Transfert. 1960-1961. Paris, 1991.
Rank O. Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung fur Psychoanalyse. Leipzig, 1929.
Zizek S. The Sublime object of ideology. L.; N.Y., 1989.
Wittgenstein L. Philosophical investigations. Cambr., 1967.

**Психоанализ по Фрейду после Фрейда
или
превратности метода**

Ф.Р.Филатов

Посвящается моей матери

Блаженны имитаторы – им достанутся наши изъяны.
Сальвадор Дали

Слава Богу, я – Юнг, а не юнгианец.
Слова, приписываемые Карлу Густаву Юнгу

В заглавии статьи и в двух приведенных эпиграфах отражена ее общая критическая направленность. Однако критика в данном случае предполагает не развенчание и низвержение, но скорее необходимое расслоение, помогающее отделить от научной теории искажающие ее мифологические, идеологические и утопические элементы мировоззрения и вскрыть ее неразрешенные внутренние противоречия.

Я не берусь категорично утверждать, что описанное в этой статье отражает современное положение дел в психоаналитическом сообществе; неправомерно отрицать наблюдаемое среди аналитиков стремление к переосмыслению базовых постулатов теории, к научной дискуссии и открытому диалогу. Скорее здесь предпринята попытка, используя прием усиления, более четко обозначить отдельные тенденции, затрудняющие продуктивное развитие и усовершенствование психоанализа, а также те ловушки, в которые попадают «пользователи» при одностороннем понимании фрейдской теории. Отдельные указания на эти проблемные моменты и «превратности метода» уже встречались в литературе, посвященной психоаналитическому движению, – они рассеяны по множеству критических статей¹¹. Данная работа имеет целью собрать их вместе и обобщить, резюмировать; она представляет собой своеобразный набросок «антиутопии психоанализа».

Вывод о том, что психоаналитическому способу мышления присущи утопические черты, напрашивается сам собой, когда задумываешься о научной судьбе психоанализа после Фрейда и о его статусе в культуре постмодерна, обнажающей утопичность любого метанарратива, любой метатеории. Я попытаюсь показать, как ключевые положения психоаналитического учения, не утрачивая научной и исторической ценности, приобретают форму иррациональных убеждений и утопических

¹¹ Критика фрейдского учения осуществлялась с самых различных позиций, и накопленный критический материал весьма неоднороден. Наиболее показательны в этом отношении работы К.Г. Юнга [32], Н.А. Бердяева [2], Б.П. Вышеславцева [7], М.М. Бахтина / В.Н. Волошинова [6], Л. Бинсвангера [3], Л. Витгенштейна [5], Ж. Деррида [10] и др.

конструкций при отсутствии критической установки по отношению к ним и при игнорировании того социокультурного контекста, в котором они используются.

Попытаемся в духе постмодернистской критики ответить на вопрос: в чем состоит утопизм классического (или ортодоксального) психоанализа?

1. Психоаналитический проект «тотальной интерпретации». В науке утопична любая попытка тотальной интерпретации, любая претензия на метадискурс, центрирующий вокруг нескольких ключевых – «великих» – идей все знание человека о самом себе. Две черты утопического мышления обнаруживаются в сфере продуцирования и использования научных знаний: 1) универсализм, при котором определенной объяснительной схеме или рецепту приписывается всеобщее значение; 2) убежденность в возможности и даже необходимости буквального и повсеместного воплощения интеллектуального проекта в социальной действительности. Психоаналитическая идеология «познания бессознательного и овладения им» содержит обе указанные черты, претендуя не только на раскрытие универсальных законов душевной организации, но и на внедрение своих методов и принципов в различные сферы социальной и частной жизни.

Интерпретация или герменевтическая традиция научна лишь в том случае, если она сама четко обозначает собственные границы, т.е. область своего корректного применения, не посягая на сопредельные исследовательские территории. В границах клинической практики психоанализ, безусловно, научен, его постулаты эвристичны и, одновременно, фальсифицируемы; в попытках же «разоблачить» Природу Человека и Культуру в их тотальности – мифичен и утопичен.

Претензия на универсализм обнаружилась в психоанализе не сразу, а лишь на этапе формирования его метатеоретического базиса и выдвижения тех основоположений, которые со временем были возведены в ранг незыблемой догмы. Ознакомление с ранними текстами Фрейда позволяет увидеть за ними кропотливого и дотошного исследователя, взвешивающего каждое слово и избегающего свехобобщений. Видимо, в 1890-е гг., когда Фрейд еще оставался в границах клинического опыта, в сфере точных и скрупулезных наблюдений, где были востребованы, и наблюдательность врача, и унаследованная от Майнерта естественнонаучная установка, он не задумывался о необходимости введения собственного метадискурса.

Но, имея дело со столь тонким и «темным» предметом изучения, как неосознанные психические процессы, патриарх психоанализа вскоре стал отдавать себе отчет в том, сколь велика опасность отождествления его детища со всевозможными модификациями оккультного знания и спиритизма, особенно популярными на стыке веков. Стремясь очистить психоаналитическое учение от налета таинственности и обскурантизма, Фрейд начал всячески укреплять его научный общетеоретический фундамент; однако ресурсов и возможностей рационалистической

(картезианской) науки, переживавшей в тот период глубочайший кризис, для его целей оказалось явно недостаточно.

Интроспективная психология сознания ограничивала круг психологических исследований исключительно феноменами, доступными для непосредственного самонаблюдения, и ее нужно было преодолеть. Вместе с тем, любая естественнонаучная концепция уводила ученого от «глубин» и «загадок» бессознательной психики к эффектам и закономерностям функционирования «телесной машины», от феноменологии противоречивой душевной жизни невротика к ее анатомическому субстрату. Задача Фрейда заключалась в том, чтобы, балансируя между методологическими крайностями интроспекционизма и натурализма, создать собственную версию психологической методологии, которая позволила бы сделать предметом анализа то, что скрыто от самонаблюдения и недоступно для измерения или лабораторного эксперимента.

Как известно, в основание психоанализа был заложен очевидный гносеологический парадокс. Он заключается в необходимости постижения средствами разума того, что принципиально, по самой своей природе, противится познанию, ускользает от него. З. Фрейдом было предложено остроумное методологическое решение: исследовать бессознательные процессы не в их непосредственной данности (что невозможно, ибо они разворачиваются за пределами сознания), но косвенно, по характеру их влияния на поведение и развитие человеческих индивидов, т.е. через «побочные эффекты». Безусловно, это решение следует признать одним из крупнейших достижений психологической мысли XX века.

Далее, осознав величие своего открытия, Фрейд решился на настоящую интеллектуальную экспансию. Границы его клинических исследований были резко раздвинуты (или размыты?) и поле феноменов, подлежащих психоаналитической интерпретации, начало стремительно расширяться – едва ли не до бесконечности. Так «незримое присутствие» бессознательного, его комплексов и драйвов, стало обнаруживаться повсюду; подобно тому, как в учении Платона все вещи суть тени идей, в психоанализе Фрейда все феномены сознания, духа и культуры ничто иное, как продукты бессознательного. Вследствие этого психоаналитическая интерпретация приобрела тотальный, всеобъемлющий характер. Г. Доре однажды бросил ироничную фразу: «Я проиллюстрирую все». З. Фрейд мог бы, перефразируя его, сказать: «Я проинтерпретирую все».

Сделав объектом своего изучения язык бессознательного и провозгласив его вездесущность, всепроникающий характер – бессознательное обнаруживает и манифестирует себя везде и во всем – психоанализ начал утверждаться в качестве метаязыка и метатеории.

Психоаналитический проект «глобального истолкования», охватывающего самые разнообразные сферы человеческого опыта, от инфантильных переживаний индивида до сложных общественных макропроцессов, религии, политики и т.д., – один из ярких примеров того, как гуманитарный дискурс неизбежно принимает форму «власти-знания». Как он

трансформируется в систему явных и скрытых властных отношений, а, точнее, все более энергично проявляет свои властные притязания. Таких притязаний на обладание, если не истиной, то, уж, по крайней мере, сакральной территорией знания, в научном мире, видимо, не избежать. И утопичность любого подобного (глобального) проекта возрастает обратно пропорционально снижению критики адептов по отношению к его теоретическим основаниям.

2. Анализ как миф или «похищенный язык». Предпосылки указанного утопизма и факторы, способствующие его упрочению, проясняются, когда вникаешь в культурно-исторический контекст институционализации психоанализа.

Первое обстоятельство, предопределившее утопический характер психоаналитического проекта, – это миф и харизма самого Фрейда.⁽¹²⁾

Согласно Юнгу [24, с. 167 – 168], в психической жизни действует гераклитовский принцип энантиодромии: любая крайность стремится к своей противоположности, т.е. к тому, что ею же и отрицается. В свете данного принципа неудивительно, что великий разоблачитель мифологического мышления Зигмунд Фрейд подарил Западу еще один миф – собственный. Это миф о культурном герое Нового времени, изгое в своей социальной и научной среде, ставшем патриархом наиболее мощного интеллектуального течения XX века; миф о мученике познания, сумевшем преодолеть исконный страх темноты и заглянуть во мрак бессознательного. Или о наследнике Просвещения, которого, по словам С. Цвейга, «интересуют не приличия, но истина» [30, с. 232], и которому оказалось по силам сокрушить «китайскую стену» лицемерия и морального запрета, возводившуюся веками.

Едва ли найдется еще одно течение мысли в культурной истории XX века, судьба которого в такой же степени зависела бы от авторитета, «демонического» обаяния и противоречивого характера его основателя. В мемуарной литературе и работах «верных» фрейдистов Фрейд предстает как Моисей психоанализа, оставивший своим ученикам драгоценные скрижали закона, как пророк, откровения которого следует защищать от последующей профанации и искажений. Привыкая апеллировать к мощной интеллектуальной харизме Фрейда, эпигоны-фрейдисты невольно уподобляются схоластам Средневековья, бесконечно ссылавшимся на непререкаемый авторитет Аристотеля и отцов церкви. (13)

Второе обстоятельство, наряду с канонизацией отца-основателя психоанализа – это мифологизация некоторых теоретических конструктов и постулатов глубинной психологии или, пользуясь терминологией Дж. Хилмана, «миф анализа». В первую очередь, сказанное касается

¹² Утопия понимается рядом авторов как «модификация мифа» на основе определенных социальных идей или как «проекция мифа в будущее». Таким образом, в любом утопическом проекте можно обнаружить некое *мифологическое ядро*.

¹³ Вспоминаются рассуждения Ф. Бэкона об *«идолах театра»* – заблуждениях разума, ослепленного верой в непререкаемый авторитет.

всемогущих «инстинктов», которым в теории Фрейда отводится центральное место (впрочем, в той же мере это справедливо и для «архетипов» Юнга, этих таинственных субъектов коллективного бессознательного, «богов», определяющих индивидуальную судьбу). Людвиг Бинсвангер так формулирует присущую фрейдовскому учению идею «естественного человека»: «человек является продуктом и пассивной игрушкой могущественных невидимых мифических существ, называемых инстинктами, которые выделяются на фоне непостижимого потока космической жизни» [3, с. 31].

Далее автор утверждает, что «миф о всеобщей жизни (силе)» принимает у Фрейда «форму очень сложной научной и эмпирически обоснованной теории индивидуальной жизни, индивидуальных человеческих существ, их онто- и филогенеза» [там же]. В свою очередь Жак Деррида («О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только») со свойственной ему иронией обмолвился, что рассказанные Фрейдом «истории» о судьбе человеческих влечений оставили большое «сказочное или мифологическое потомство» [10, с. 407]. Да и сам Фрейд признавался с неожиданной откровенностью: «Теория инстинктов является нашей мифологией; инстинкты – это удивительно туманные мифические сущности. В своей работе мы ни на мгновение не можем отвести от них взгляда, и в то же самое время никогда не видим их отчетливо» [3]. Наконец, в итоговой работе «Конечный и бесконечный анализ» умирающий патриарх глубинной психологии фактически отождествляет свою теорию влечений с учением Эмпедокла, которое может служить образцом рациональной обработки древнего космологического мифа; Фрейд не скрывает, что истоки его теории обнаруживаются в античном мифологическом мышлении [27].

Впрочем, дело не в проговорах, не в тех показательных случаях, когда Зигмунд Фрейд сам разоблачает себя, неожиданно отказываясь от «преимуществ» научного дискурса ради мифопоэтических эффектов письма и метафор; важно то, что язык психоанализа на каком-то этапе начинает конструироваться как мифический. Речь идет здесь не о Мифе, как о чем-то изначальном, воплощающем базовую метафору определенной культуры. И не об особой «логике Мифа», как священной / образцовой / истинной истории, в фундаментальном символизме которой аккумулировано знание об истоках сущего и основных моделях социального поведения человека (согласно пониманию мифического, скажем, у А.Ф. Лосева, Э. Кассирера или М. Элиаде). Корректнее говорить в нашем контексте о множественности мифов, прежде всего, политических, возникающих из повседневности социальной жизни и попадающих в сферу детального анализа в эпоху структурализма и «лингвистического переворота».

Р. Барт («Мифологии») определял миф как вторичную семиологическую систему, которая создается (надстраивается) на основе некой первичной, изначально существующей системы знаков с использованием уже имеющихся знаковых средств [1]. При этом то, что в пределах первичного языка выступает как смысл или функция связи означающего и означаемого, в мифе превращается в очищенную и

опустошенную форму, в способ репрезентации или передачи определенного концепта. Вот почему любой миф есть «похищенный язык» [1, с. 98]. Психоанализ Фрейда, населивший космос человеческой души загадочными мифическими сущностями – инстинктами, являет нам пример такой семиологической игры, при которой наделенные скрытым (тайным, латентным) смыслом субъективные переживания, сновидения, грезы, страдания и симптомы служат лишь формой выражения вечной диалектики антагонистических природных сил – Эроса и Танатоса. Для аналитика скрытый смысл симптоматического действия, параксиса или творческого акта – не более чем конструкция, репрезентирующая некий базовый концепт, например, Эдипов комплекс. (Так, в частности, постижение той психологической тайны, что скрыта в женских образах великого Леонардо, неизбежно приводит нас к эдипальным переживаниям раннего детства художника – даже искусство становится «лишь формой» воплощения или наглядной иллюстрацией фрейдовского концепта).

Исследуя бессознательное как систему неявных семантических связей, психоанализ «похищает» его язык¹⁴ и использует эту тайнопись для построения собственного мифа. Понимаемые как способы манифестации бессознательного, в качестве его пустых форм или означающих, элементы субъективного опыта в результате анализа утрачивают самостоятельное значение (личностный смысл) и обесцениваются; сквозь них просвечивается и проступает нечто иррациональное и вместе с тем объективное. Эта тема «окончательно проигранного дела» и «низвержения субъективности» получила наиболее полное освещение позднее, в работах Ж. Лакана: если бессознательное организовано как язык, то все проявления моей личности и мое Я как таковое есть поверхностный узор означающих, всегда отсылающих к Другому по ту сторону моего сознания [14]. Вот так же судьба Эдипа, все его поступки и страдания становятся знаками и символами неумолимого Рока, противоборства неведомых и неподконтрольных Субъекту потусторонних сил...

Сакральная «правда», которую обнажает анализ, оказывается больше и глубже любых индивидуальных представлений и решений анализанта. Аналитик «возвращает» ему забытую историю его прошлого, подобно тому, как оракул предвозвещает Эдипу будущее – Судьбу; прозрение (инсайт) в первом случае играет ту же роль, что и прорицание во втором, а все движения индивидуальной души в обеих системах вторичны (производны) и потому – второстепенны. Таким образом, миф анализа вновь и вновь воссоздает себя на материале сновидений, грез, воспоминаний невротика или творческих озарений гения, возрождается из пепла человеческих страданий.

Итак, одна из основных исторических предпосылок утопического мышления в психоанализе состоит в мифологизации фигуры Фрейда и превращении его учения в великое предание, которое пересказывается на разные лады, но всегда с неизменным трепетом и почитанием, детям и внукам пси-

¹⁴ Язык искусства и психопатологии.

хоанализа. Вторая же предпосылка – введение мифического языка, его уловок и приемов в сам психоаналитический дискурс.

3. Диктат «само собой разумеющегося».

Следует также отметить, что миф, положенный в основу анализа, проявляется и утверждается как диктат «само собой разумеющегося», естественного и самоочевидного, как апелляция к неизменному миропорядку – любовь и вражда всегда правили миром! – или к Природе Человека, которая в сущностных своих чертах не меняется, не смотря на все исторические метаморфозы и смены общественных формаций.¹⁵ Особенность такого мифа – нечувствительность к историческому анализу, нежелание довольствоваться условиями и границами породившей его культурной эпохи и стремление к неограниченному саморасширению, экспансии.

Заложенная в «аналитической мифологии» иррациональная убежденность в том, что именно так устроен человек, помогает обосновать безусловную полезность метода, поверить в его действенность и силу. И действительно, зная подлинные мотивы, скрытые пружины и механизмы, вечные законы психического, мы получаем возможность управлять глубинными процессами и движениями человеческой души или, по крайней мере, учитывать их, приноравливаясь к ним. Больше того, используя это знание, мы оказываемся способны освободить анализируемого Субъекта, если не от исконного страдания, то уж, как минимум, от неведения его причин (т.е. от «слепого страдания»). Ведь любое знание – сила, и несомненно-могущественно знание тех тайн, что глубже всего упрятаны в человеческом естестве... Здесь работает формула: «Учение Фрейда бессмертно, ибо оно верно, а верно – поскольку действенно».

В этом пункте и намечается переход от мифа анализа к его утопическому проекту. Утопия репрезентирует идеальный тип социальной связи, при котором становится возможным разрешение фундаментальных проблем общественного бытия, обременяющих человечество на протяжении столетий. Психоанализ репрезентирует такую связь. Это отношение «аналитик – анализант», при условии установления которого между компетентным и опытным специалистом, с одной стороны, и настроенным на кропотливый процесс самопознания невротиком, с другой, тайное, рано или поздно, становится явным, неосознанное или позабытое предстает в свете разума, душевное страдание исчерпывает себя. К пациенту возвращается память, его жизненная история и одновременно исчезают психосоматические симптомы, навязчивости, страхи. Общество слепцов, поработанных

¹⁵ Как писал Р. Барт, «независимо от своих потребителей, все мифы постулируют существование *неизменной Природы*» [1, с.119].

собственным прошлым, медленно, но верно прозревает и освобождается от многовековых иллюзий. (*16)

4. Анализ как ритуал.

Далее представляется вполне закономерным то обстоятельство, что сакрализация знания, аккумулированного фрейдовской теорией, привела к своеобразной ритуализации основанной на ней психоаналитической процедуры. Действительно, анализ на практике – это сложно организованный, выстроенный ритуал¹⁷, который должен осуществляться с соблюдением строгих правил (рабочий альянс) и с учетом всех тончайших нюансов (сопротивления, переноса / контрпереноса и т.д.). Четко прописанные и научно обоснованные «правила игры» – один из аргументов в пользу основательности метода. Однако на деле существует опасность незаметного превращения анализа в завораживающее и зрелищное священнодействие. Трудно точно определить, когда, в какой момент происходит эта трансформация научного в «сакральное», когда пресловутая «кушетка» превращается из терапевтического инструмента в декорацию магического действия, а вся «сцена» анализа обволакивается туманом таинственного. Но мы можем видеть, как это визуализируется, например, в кинематографе: не важно, загадочный, зловещий или карикатурный образ психоаналитика фигурирует в очередном голливудском кинофильме – суть в том, что массовая культура отражает саму неоднозначность социальной роли психотерапевта-фрейдиста – служителя культа, в облике коего уживаются фантастические и гротескные черты. На это логично возразить, что массовая культура искажает и профанирует все, что только попадает в ее кривое зеркало. Тем не менее, искажения эти (замечу, совершенно специфические) объясняются не только кривизной отражающей поверхности...

Традиционная методика классического анализа, восходящая к работам Фрейда и Юнга, в описании Дж. Хиллмана, имеет вид следующей схемы: «1) регулярные встречи; 2) с отдельными пациентами; 3) с глазу на глаз; 4) в кабинете психотерапевта; 5) за отдельное вознаграждение (Работа с группами, парами и детьми, как правило, не проводится...)» [31, с. 97]. Иными словами, анализ осуществляется в специально / искусственно созданной обстановке, подобной лаборатории алхимика¹⁸, в особом кабинете, где пациент позиционируется вне своего социального и семейного контекста, как анализант или результат собственного прошлого. Здесь, на сакральной территории (а юнгианцы, например, для метафорического обозначения психоаналитического кабинета используют термин «теменос» – дословно «священная территория») происходит нечто таинственное, почти магическое, подобное возрождению и возвращающее к первоистокам, тогда

¹⁶ Вспомним заглавие известной работы Фрейда, написанной в период создания «метапсихологии» – «Будущее одной иллюзии». Анализируя и разоблачая «иллюзорное» мифологическое мышление, Фрейд сам выступал в мифической роли «освободителя» человечества от закоренелых заблуждений.

¹⁷ В работе Ханса Дикманна «Методы в аналитической психологии» глава, посвященная рабочему альянсу и «основным правилам» анализа, так и называется – «Аналитический ритуал» [11].

¹⁸ Алхимическая метафора анализа принадлежит Юнгу.

как история и конкретная социальная жизнь протекают за пределами этого сакрального круга. Неважно, кто ты: глава семейства, директор крупной компании или «профессиональный неудачник» – главное то, что у тебя в раннем детстве имели место полуосознанные и полумифические, окутанные мраком забвения взаимоотношения, определившие всю твою последующую жизнь. И анализ уводит тебя за грань актуального социального опыта, по ту сторону осознаваемого – туда, где только и возможна встреча с твоими «внутренними демонами» и силами Судьбы (в данном случае не важно, как мы их назовем: «первичными влечениями» или «архетипами»).

5. Анализ как «спектакль». Впрочем, аналитический ритуал, по мере тиражирования соответствующего ему мифа, все меньше напоминает «повторение иерофании», все больше уподобляется спектаклю. Как писал Ги Дебор, один из столпов постмодернизма, в современном «обществе спектакля», предпочитающем бытию – видимость, основным товаром становится зрелище [9]. Напомним, что спектакль, по Дебору, – не только тип социальных отношений, опосредованных образами, но и инструмент унификации общества. Это одновременно способ и процесс коллективного построения «псевдо-мира», иллюзорного умозрительного космоса, где стерто различие между «быть» и «казаться». Самые разные профессиональные группы вовлекаются в производство видимостей, кажимостей, симулякров, которые (в силу их разделяемости большим числом людей) приобретают огромную суггестивную силу.

Итак, чем становится психоанализ, возникший как одна из крупнейших научных революций начала прошлого века, в сегодняшнем «обществе зрелищ»? И какова роль психоаналитиков во всеобщем процессе «необъятного нагромождения спектаклей» и симулякров? Это вопрос нравственный, требующий от психоаналитиков постоянного рефлексивного усилия, постоянного осмысления собственной позиции и социальной роли.

Не создают ли современные аналитики «видимость» эффективного метода и сильной гносеологической традиции, воспроизводя сформулированные почти сто лет назад правила и принципы в качественно новых социокультурных условиях, в которых они попросту перестают работать? Быть может, терапевтический эффект достигается теперь уже иными способами, а «верность учению и методологии» есть всего лишь выражение потребности профессионалов в определенной научной идентичности или групповой принадлежности? Ведь моему самолюбию так льстит соучастие в великом деле, имеющем великую историю!

Следовать методу, сохранять его чистоту, работать как Фрейд и по Фрейду – что это как не коллективное производство симулякров, в котором утрачивается, подменяется множеством призраков первоисточник? Современный психоанализ, освоенный «учениками учеников», может оказаться «копией копии», фикцией, подделкой, и нетрудно предположить, что каждый последующий оттиск будет бледнее предыдущего. (Не зря, после

тиражирования определенного количества оттисков, принято разбивать литографский камень).

Не объясняется ли нежеланием участвовать в коллективной «симуляции» тот факт, что от психоанализа отворачиваются многие его одаренные сторонники? Невольно пробуждается тоска по подлинности, и искать ее принимают за пределами психоанализа, вне его жестких схем и ритуалов, в других, более «молодых» школах психотерапии, теоретические конструкции и метафоры которых еще не клишированы и не растиражированы до такой степени, как их психоаналитические «предшественницы». Чем сильнее заостряется вопрос о чистоте метода, тем неизбежнее эта «чистота» утрачивается, подлинность подменяется симуляцией, а первоисточник превращается в реликт, музейный экспонат...

6. «Психоанализ» как социальное представление. Мы уже обмолвились, что психоанализ позиционирует себя в обществе спектакля не только как специфическая система знания, но и как особый тип социального взаимодействия (или социальной связи): «аналитик – анализант». Наряду с теорией, приобретающей статус «научного мифа» (не правда ли, парадоксальное словосочетание?), сакрализация самой обстановки анализа, окутывание туманом эзотерической таинственности сцены взаимодействия «психотерапевт – пациент» – это еще одно послание или сообщение фрейдизма, адресованное «обществу спектакля». И оно может прочитываться адресатом на основе другого культурного кода, принципиально отличного от того, которым пользовался отправитель.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: как представлен психоанализ в обыденном сознании? Что такое «психоанализ» как социальное представление, разделяемое определенной группой людей, его потенциальных клиентов или пользователей?

Нетрудно предположить, что грандиозный научный проект освобождения западного человека от призраков его прошлого, предрассудков, заблуждений и ограничений ложного сознания существенно отличается, и по общему замыслу, и по целевым функциям, от повседневной практики, известной, как психоаналитическая терапия. На это указывают исследования С. Московичи, проведенные еще в начале 1960-х гг. во Франции [34]. Автор стремился прояснить характер представленности психоанализа, как социокультурного явления, в системе разделяемых представлений и мнений различных групп населения послевоенной Франции. Один из выводов, к которому пришел французский ученый, гласил: психоанализ в обыденном сознании позиционирован как «классовая медицина», а психоаналитики воспринимаются в качестве «профессиональных исповедников», обслуживающих весьма состоятельных и «праздных» людей, главным образом, снобов из привилегированных слоев общества [12, 34].

Интересен также тот факт, что психоанализ, исторически возникший как одно из поздних творений западноевропейского рационализма (в эпоху

его кризиса), оценивался большинством опрошенных французов как «американское детище» и «символ американского образа жизни». Увлечение психоанализом определенной категории французских граждан рассматривалось в качестве «грозного симптома растворения национального характера и традиций». Так уже в 1960-е гг. на уровне обыденного сознания была от-refлексирована опасность превращения анализа в «спектакль», т.е. в инструмент глобальной унификации общества, хотя источником этой угрозы виделось не само фрейдовское учение, но скорее практика его заокеанских последователей. Психоанализ, невосприимчивый к кросс-культурным исследованиям, действительно игнорирует или «стирает» национальные различия. Фрейд предпочитал попросту не замечать, выносить «за скобки» все то специфическое и неповторимое, что привносится в душевную жизнь человека конкретной культурной средой с ее ценностями и традициями. В своем учении он создал образ Homo natura – Естественного Человека, заложника собственных инстинктов и первичных влечений, вечно «недовольного культурой». В этом образе можно усмотреть, и переключку с более ранними идеями Ж.-Ж. Руссо, отраженными в трактате «О происхождении неравенства»; и научную абстракцию; и идеологический концепт, поддерживающий в массовом сознании иллюзию существования некой первозданной психической природы, неподдающейся влиянию культурно-исторического контекста и продуцирующей все основное содержание душевной жизни по ту сторону культуры и истории.

Определенное недоверие к анализу, выявившееся в массовом сознании, возможно, объясняется стремлением защитить культурные ценности от их подмены этой иллюзией, или от «растворения» в том первичном недифференцированном бессознательном состоянии, которое, согласно Фрейду, выступает первоосновой психического. Ни одно общество не согласится обрести «научную истину» ценой лишения собственной истории.

7. Психоанализ как элемент идеологии. Требуем осмысления еще одна социокультурная тенденция развития психоанализа, явно не предусмотренная в его первоначальном проекте. Психоаналитическая доктрина, утверждаясь в качестве «знания здравого смысла», незаметно для самой себя становится элементом идеологии.¹⁹ Психоанализ не только

¹⁹ Критический анализ фрейдизма, как «одного из наиболее популярных идеологических течений современной Европы» [6] был осуществлен уже в 1927 г. В.Н. Волошиновым в очерке «Фрейдизм» (ряд историков науки приписывает авторство этой работы Михаилу Бахтину или, по меньшей мере, отмечает безусловное влияние его идей). В этом критическом очерке показано, как психоанализ, «появившись на свет в качестве скромного психиатрического метода со слабо развитой теоретической основой», в качестве только дополнения других практиковавшихся в медицине методов, в течение первого же десятилетия своего существования перерос в самостоятельную общепсихологическую теорию, по-новому освещающую все стороны душевной жизни человека; затем сформировал собственную философию культуры и сделался, наконец, самым авторитетным и модным направлением буржуазной идеологии. Общепсихологические и философские (а, по сути, идеологические) построения психоанализа мало-помалу заслонили собой первоначальное, чисто психиатрическое ядро учения [6, с. 269]. Данная метаморфоза (превращение научной теории в идеологию) была отслежена не только в рамках научной критики, но и на уровне обыденного сознания. Не случайно, принявшие участие в упоминавшемся исследовании Московичи, представители

утверждает собственное право на власть над умами, интеллектуальное влияние и доминирование («право сильного» метода), но и поддерживает уже сложившуюся систему властных отношений. Он превращается в то, что Р. Барт обозначил как «миф справа» [1, с. 118]. Основное предназначение такого мифа – сохранять, поддерживать и увековечивать установившийся социальный порядок, постулируя существование некой неизменной Природы человека и общества. Как уже отмечалось, констатируя, что «так уж устроен» предмет постижения или повествования (человек, мир), миф лишает его всякой историчности.²⁰ Явно или косвенно он провозглашает сложившееся положение вещей, соотношение сил, иерархическое соподчинение необходимым и неизменным. Яркий пример – психологическое обоснование неотвратимости мировой войны в письме З. Фрейда А. Эйнштейну, известном под заглавием «Почему война» [29]. Война неизбежна, поскольку агрессия и стремление к разрушению заложены в самой природе человеческой и неискоренимы, – таков лейтмотив этого послания. С глубоким сожалением цивилизованного человека основатель психоанализа фактически оправдывает сложившуюся к 1930-м гг. историческую ситуацию, находя для нее «научное» (а, по сути, мифическое, в духе Эмпедокла) объяснение.

Если удел человека состоит в том, что он игрушка собственных бессознательных влечений, слепой всадник на необузданном скакуне, с одной стороны, и вечная жертва социальных ограничений, запретов, подавления, с другой, то отсюда можно заключить также, что он в силу объективной необходимости обречен быть пассивным элементом определенной системы экономических / общественных отношений. Признавая, что в человеке так много разрушительного, антисоциального и иррационального, мы косвенно признаем необходимость и оправданность репрессивного аппарата, контролирующих инстанций, культурных запретов и ценностных иерархий, т.е. провозглашаем существующий порядок объективным и закономерным, а все попытки его изменить – наивными и бессмысленными.

Психоанализ поддерживает классовое расслоение общества и разрыв между классами уже тем, что подчеркивает свою элитарность. Как известно, к психоанализу готов отнюдь не каждый человек (в силу уже того обстоятельства, что он есть носитель самосознания), но лишь тот, кто способен платить за терапию. Это весьма элитарное занятие, основанное на специфических отношениях двух людей, которые взаимодействуют в

«среднего класса» высказали убеждение в том, что психоанализ широко используется правящими кругами и элитами общества в качестве средства пропаганды и манипуляции массовым сознанием.

²⁰ В процитированной выше работе Р. Барт определил эту риторическую фигуру как «*лишение истории*» [1, с. 121]. Еще раньше М.М. Бахтин / В.Н. Волошинов писал о «боязни истории» и стремлении подменить историческое его суррогатом: «Не-социальное, не-историческое в человеке абстрактно выделяется и объявляется высшим мерилем и критерием всего социального и исторического» [6, с. 272]. Оценивая психоанализ как буржуазное идеологическое течение эпохи кризиса и упадка, Бахтин / Волошинов усматривал в нем присущее всем подобным кризисным периодам социального развития желание «уйти из ставшей неудобной и холодной атмосферы истории и укрыться в органическую теплоту животной стороны жизни» (там же).

определенном пространстве за определенную плату. У одного из них есть личностная история (собственный Я-нарратив), травма и деньги, у другого – теория, метод, индивидуальный стиль и, в лучшем случае, собственный психоаналитик. Ориентированная на раскрытие и прояснение глубинных содержаний бессознательного, не ведающего ни исторического времени, ни морали, ни логики, система аналитических отношений, вместе с тем, воспроизводит в предельно редуцированном виде сложившийся общественный порядок. Социальное присутствует здесь в своей крайне утрированной форме, оно сведено к двум взаимосвязанным пунктам: оплачиваемости услуг и платежеспособности пациента. Все остальные социокультурные аспекты взаимодействия выносятся за скобки, оставляются за дверью психоаналитического кабинета.

В данном контексте, утверждая, что психоанализ по мере его институциализации *volens nolens* превращается в «миф справа», мы не можем не обратиться к марксистской критике теории Фрейда как буржуазного учения. В уже упоминавшейся работе М.М. Бахтина / В.Н. Волошинова «Фрейдизм» [6] была предпринята попытка выделить основной мотив или идеологическую доминанту психоанализа, определяющую его успех и влияние. Этот идеологический мотив может быть сформулирован следующим образом: судьба человека и все содержание его жизни определяются не его местом и ролью в истории, т.е. не тем классом, той нацией и той исторической эпохой, к которым он принадлежит, но исключительно судьбами его полового влечения. Все прочее – лишь надстройка над этим биологическим фундаментом. Иными словами, человек есть, прежде всего, животное; причем вторая часть знаменитой аристотелевской формулы («человек – животное социальное») совершенно игнорируется [6, с. 271 – 272]. Такие черты психоаналитической доктрины, как боязнь истории, переоценка психологических аспектов частной, личной жизни при игнорировании социальных факторов, постулирование примата биологического и сексуального в индивиде, имеют следствием очевидный отказ от культурно-исторического понимания и осмысления положения человека в современном ему мире. В теории Фрейда человек, понятый как природное существо (носитель инстинктов), абстрагированный от конкретных социальных условий его бытия, перестает быть не только Субъектом, но и участником исторического процесса; его История ограничена историей его семьи, детства, болезни (анамнезом). Эта ключевая идея, а также налет буржуазной элитарности и снобизма, превращающий психоанализ в «классовую медицину», позволяют отнести фрейдовское учение к категории «мифов справа».

Впрочем, поразительный парадокс заключается в том, что психоанализ с тем же успехом становится «мифом слева», служит идеологической основой для тех левых «революционных» сил, которые призывают к долгожданному освобождению «естественного человека» (доброе, честное и творческое по своей природе) от тяжелых оков «репрессивной цивилизации». Идея глубинного «недовольства культурой», заложенного в

каждом индивиде, оказывается здесь весьма востребованной и плодотворной. Примером служат радикальные модификации фрейдизма в теории В. Райха [21, 22], в предлагаемых им рецептах «сексуальной революции»; фрейдомарксизм Э. Фромма и Г. Маркузе (Франкфуртская школа), тяготеющий к утопическим социальным моделям [19]; наконец, актуальность фрейдистской теории инстинктов в бурные 1960-е.

Таким образом, психоанализ востребован на обоих полюсах идеологии, работает на два идеологических фронта. Усиливая свои метатеоретические притязания, он рискует стать (если еще не стал) «службой двух хозяев». И образ «вечной буржуазии», атрибутом и символом которой становится многолетнее посещение дорогостоящего психоаналитика (буржуазность, преподносящаяся как респектабельность и стабильность), и старая как мир идея возврата в «золотой век» свободы, ничем не стесненной любви и раскрепощенности, возникают из единого источника²¹, апеллируют к одному и тому же мифу, по-прежнему позиционирующему себя в качестве науки. В нем, в его метадискурсе, обретают они свое обоснование и легитимность.

Это и не удивительно, ведь любая идеология прибегает к «здравому смыслу» и нуждается в универсальных схемах. Спрос на них способен вполне удовлетворить психоанализ, претендующий на универсальность и абсолютное мировое господство (22).

8. Психоанализ как метатеория и «погоня за горизонтом». Мы рассмотрели в качестве основных предпосылок формирования утопического психоаналитического проекта миф Фрейда и миф созданного им учения, постепенно перерастающего в весьма влиятельную идеологическую систему. Теперь попытаемся понять какова цель этого проекта (провозглашенная / манифестируемая и латентная / скрытая) и каковы средства, используемые для ее достижения.

По мысли Э. Блоха («Принцип надежды»), любая конкретная утопия устанавливает «горизонт действительного» [4]. Подразумевается обозначение чего-то предельного, возможного и, вместе с тем, недостижимого, что манит и, одновременно, ускользает. Иными словами, это утопическая цель, задающая долгосрочную перспективу развития той или иной идеологической системы или социальной практики. В психоанализе она сформулирована так: «Там, где было Оно, должно утвердиться Я». Для конкретного индивида это означает овладение и управление собственными неосознанными переживаниями, аффектами и побуждениями, а для науки в

²¹ Из *Отречения от Истории*.

²² Этот тезис вступает в противоречие с рассуждениями Л. Альтюссера о сущностном родстве психоанализа и марксизма [33]. Альтюссер писал о присущей обоим учениям конфликтности, антагонизме по отношению к традиционным представлениям и ценностям буржуазного общества, о том, что, после появления идей Маркса и Фрейда, там, где монополично господствовала буржуазная идеология, возникает область строгой науки и т.д. Но исторический парадокс как раз в том и состоит, что революционный по своей сути психоанализ с одной стороны сам постепенно перерождается в идеологическое течение, а с другой – ассимилируется уже существующими идеологическими системами.

целом – возведение стройной теории в той области, куда раньше практически не проникал свет научного разума. Поскольку бессознательное неисчерпаемо, многообразно и до конца непознаваемо (как сама Вселенная), индивидуальный анализ может затягиваться на долгие годы, а развитие психоаналитической науки и практики, в свете такого подхода, требует многих столетий.

«Осмелившись» после десятилетий клинических наблюдений на спекулятивные построения и оставив в наследство будущим психоаналитикам свою незавершенную метапсихологию, Фрейд поставил перед ними неосуществимую сверхзадачу: доработать и уточнить его теоретические положения, превратить набросанный им эскиз метатеории в целостную научную картину психической жизни. Очевидно, однако, что такая завершенная метатеория не может стать продуктом научного поиска – это скорее его горизонт, недостижимая цель, обеспечивающая методу долгую судьбу, настоящую «одиссею». Ведь «окончательное знание» о душе (охватывающее все бесконечное многообразие сознательных и неосознанных аспектов психической жизни) равносильно духовной смерти человека, его культуры и истории.

Гете как-то высказался о том, что нужно иметь недостижимую цель; словно следуя своему идеалу, Фрейд на склоне жизни затевает строительство вавилонской башни психологического знания, силою своего авторитета и обаяния вовлекая в это мероприятие своих верных последователей. В то же время, желая избежать библейской аналогии – разделения речений и информационного шума, он предлагает всем будущим строителям своеобразный метаязык – психоаналитический дискурс.

Любой анализ (индивидуальный и групповой, клинический и прикладной, конечный и потенциально бесконечный), подчиняясь заложенной в нем утопической цели, рискует стать погоней за «горизонтом». И действительно, полное, целостное знание собственной бессознательной природы ускользает от нас, подобно горизонту, а значит, процесс самопознания, какими бы совершенными аналитическими методами он не был оснащен, может продолжаться *ad infinitum*. Интроспективная психология сознания, которая ограничила поле психологического исследования феноменами, доступными для непосредственного самонаблюдения, в своей умеренности подобна античной философии, мыслившей космос конечным, уравновешенным и упорядоченным телом. В психоанализе же пробуждается новоевропейская «гордыня», дерзкий «фаустовский дух», устремленный в бесконечность...

Но как избежать «дурной бесконечности»? Когда, в какой момент, аналитик может сделать остановку в этом бесконечном поиске первопричин? Когда неисчерпаемое содержание бессознательного станет, наконец, в полной мере, достоянием сознательного Я (Эго)? Учение Фрейда, разумеется, не дает ответа на этот вопрос, да и не может дать его.

9. Уловки и ловушки метаязыка. Остановимся теперь на тех средствах, которые потребовались психоанализу для утверждения своего утопического проекта, упрочения занятых научных позиций и укрепления статуса наиболее авторитетной метатеории XX века. Эти дискурсивные приемы, ловушки и уловки не всегда очевидны. Но можно предположить, что их хитрая и неявная комбинация обеспечила психоанализу определенную «власть над умами» и право на «бессрочное владение» той территорией знания, которая была с таким трудом отвоевана и освоена в первые десятилетия становления глубинной психологии.

«Одалживание у биологии». Первая стратегическая уловка или маневр, использованный Фрейдом еще в начале его великой научной карьеры, это одалживание у биологии, периодическое и крайне уважительное обращение к естествознанию, как к «старшему брату» психоанализа. В тоне этого обращения нередко слышатся извинения и самооправдания, что и не удивительно, ведь, заимствуя у биологии ключевые понятия и категории (инстинкта, влечения), Фрейд использует их в совершенно ином контексте, вводя новые правила игры и объяснительные принципы, весьма далекие от естественнонаучных исследовательских канонов. Речь идет о толковательном искусстве – о герменевтике, а это исконно гуманитарная практика, и она развивается согласно собственным законам, как бы не наводнялся соответствующий ей дискурс биологическими терминами. Фрейд, правда, периодически оговаривается: все мои теоретические построения – лишь предварительный, «сырой» и крайне не совершенный набросок, все это метафоры и гиперболы, передающие своеобразие нового клинического материала, которые со временем, по мере развития биологической науки, сменятся более точными дефинициями.

Итак, отстаивая свое право на спекулятивные построения и метатеоретизирование, Фрейд поначалу обращается к авторитету господствующего на стыке веков научного дискурса – естествознания, и некоторое время предпочитает работать под его «прикрытием». Здесь главная уловка Фрейда – подкупающая «скромность»: стремясь заручиться поддержкой «сильного», Фрейд намеренно умаляет значение собственных открытий. «Мы должны уяснить себе, что неточность наших рассуждений увеличивается в высокой степени вследствие того, что мы принуждены одалживаться у биологии. Биология есть поистине царство неограниченных возможностей, мы можем ждать от нее самых потрясающих открытий и не можем предугадать, какие ответы она даст нам на наши вопросы несколькими десятилетиями позже. Возможно, как раз такие, что все наше искусственное здание гипотез распадется» [28].

Что же Фрейд по началу «одалживает» у биологии? Авторитетность, которой не хватает его метатеории в силу недоказуемости и непроверяемости ряда ее положений. Фрейд, опережая своих критиков, сам признает, что в его учении обнаруживается ряд слабых сторон; но все не ограничивается здесь достойной уважения самокритичностью. Периодическая апелляция к биологии с ее неограниченными возможностями имеет целью заочное

включение психоанализа в круг естественнонаучных дисциплин. В семье, конечно, не без уroda, и не все дети одинаково успешны, но, по крайней мере, все свои, носят одну фамилию. Риторический прием, сочетающий неприязнительность и лесть, обеспечивает, таким образом, принадлежность к благородному, достойному семейству, пусть и на правах пасынка. А вот предатель и отщепенец Юнг, напротив, неискоренимый мистик и должен быть изгнан не только из психоанализа, но из любого «приличного» научного общества.

Впрочем, во всех этих апелляциях и галантных поклонах вскоре отпала какая-либо необходимость. Уже в эпоху расцвета семиотики, феноменологии, философии языка и др. школ гуманитарной мысли, психоанализ уверенно позиционирует себя в качестве самостоятельной области исследования, больше не нуждаясь ни в донорах, ни в авторитетных покровителях. К середине XX столетия складывается качественно иная, прямо противоположная первоначальной, ситуация: теперь уже представители других философских школ и сопредельных дисциплин (Ж.-П. Сартр, К. Леви-Строс, П. Рикер, Г. Маркузе, М. Фуко и др.) апеллируют к психоанализу как к автономной герменевтической традиции.

Забвение собственных философских корней. «Верность естествознанию» сочетается у основателя психоанализа со «стратегическим пренебрежением философией». «Одалживаясь у биологии», Фрейд, вместе с тем, порывает с многовековой философской традицией²³, в пределах которой только и возможно было вызревание его новаторских идей о природе бессознательного психического.

В уже упоминавшейся работе «О почтовой открытке...» Ж. Деррида [10] писал о присущей Фрейду «структурной неспособности» философствовать, о преднамеренном избегании философствования, непризнании генеалогии или наследия философии, отрицании своего долга перед ней. Это и понятно, ведь Фрейд опасался явных спекуляций, уводящих за пределы научного дискурса, хотя, вместе с тем, неизбежно склонялся к спекулятивным рассуждениям. Находя аналогии собственного учения в трудах Шопенгауэра и Ницше, он тут же оговаривался, что вдумчиво и основательно прочел эти труды достаточно поздно, уже после главных своих открытий. Такое одновременное признание корней и отречение от них – что это, как ни попытка сохранить самодостаточность и даже самовластность на уже оккупированной научной территории? Одна из формул самовластия в политике гласит: «После меня – хоть потоп!» Фрейдовская «формула» звучит иначе: «До меня – тьма! (...если что-то и было открыто, то это либо результат несмелого нащупывания во тьме, либо случайные прозрения одиночек...). После меня – научная система: метапсихология».

В этом отказе от философского наследия прошлого, в отсутствии естественной потребности в «корнях», в преемственности, обнаруживается, и оригинальная научная позиция Фрейда, и важная смысловая деталь его мифа,

²³ Восходящей к Шопенгауэру и Гартману, а еще раньше – к Лейбницу.

подчеркивающего новаторство, дерзость фрейдовской мысли. Очевидно, для Фрейда предпочтительнее было ошибаться, следуя эмпирическим путем познания (ведь «опыт – сын ошибок трудных»), чем возводить очередной воздушный замок философской доктрины, увязая и путаясь в бесконечных ссылках на труды великих предшественников. Роль знатока сокровенных тайн человеческой души была ему милее, нежели репутация еще одного мастера зыбких философских абстракций. Так Фрейд лишил свое учение и школу полнокровной истории, которая неразрывно связана со становлением новоевропейского философского дискурса. (24)

Психоанализ Фрейда «не помнит родства».

Отрицание научных альтернатив. Следующий риторический прием, к которому нередко прибегает Фрейд, – это игнорирование или подавление научных альтернатив. Призывая верных учеников защищать как бастион, как воинское знамя, теорию сексуальности, он, вместе с тем, подвергает жесткой обструкции любую альтернативную точку зрения – не важно, кем она озвучивается: Адлером, Штеккелем и Юнгом, или более преданными Ранком и Ференчи, – усматривая в ней провокацию, диверсию, саботаж. При этом Фрейд выступает с позиций строгого ученого, ревностного хранителя научных традиций, тогда как его оппоненты оказываются мистиками, ламаркистами, сторонниками нацизма или попросту фантазерами и психотиками.

Но на самом деле в этой бескомпромиссности и нетерпимости Фрейда, в его Моисеевой гневливости, невосприимчивости к любым альтернативам и несклонности к полемике, заключена главная угроза тому научному строению, которое он возводил на протяжении всей жизни сам и завещал достроить своим ученикам. Защищая свое учение от любых искажений и превратных толкований, уклоняясь от открытой и плодотворной дискуссии, Фрейд вывел классический психоанализ за пределы того диалогического (полифонического) поля, в котором происходит встреча и столкновение научных альтернатив и где только и возможно продуктивное развитие конкретной науки.

Для прояснения этого момента необходимо обратиться к идеям Карла Поппера, сформулированным в работе 1972 г. «Объективное знание». К. Поппер предложил особый метод сравнительного анализа достоинств и недостатков той или иной теории – так называемый «метод альтернатив». Суть этого способа решения научных проблем состоит в том, чтобы при рассмотрении конкретной теории или концепции не подвергать ее критике (с идеологических и концептуальных позиций другой, «более адекватной» системы объяснений), но отыскать максимальное число альтернативных ей и обоснованных интерпретаций и подходов. Столкновение научных альтер-

²⁴ Скорее другие философы прошедшего века были склонны обращаться к психоаналитическому учению с целью его философского переосмысления и восстановления искусственно разорванных (якобы в угоду биологии) связей со смежными гуманитарными дисциплинами. Так Ж. Лакан, желая поместить психоанализ в более соответствующую ему концептуальную оболочку, связал его с лингвистикой и философией языка [14, 15], а П. Рикер – с герменевтикой [23].

натив позволяет установить границы корректного применения рассматриваемых концепций и выявить их неизбежные «дефекты», превратности метода, необоснованные экстраполяции и т.д. В каком-то смысле это один из рецептов, позволяющих предотвратить перерастание научной теории в миф, догмат веры или в идеологию, средство против мифологизации учения и онтологизации его концептов, противоядие, необходимое любому научному дискурсу, принимающему форму мировоззренческой системы.

Фрейд радикально противился внедрению данного метода, пересекал практически все попытки использовать его в психоанализе. Изгнание и анафема учеников-отступников, знаменитых ересиархов глубинной психологии – подтверждает это.

Когда углубляешься в полную драматизма историю психоанализа, то невольно склоняешься к выводу, что защитные механизмы функционируют не только на уровне индивидуального сознания, но и в сфере профессиональных представлений, убеждений и стереотипов, определяющих идеологию большой социальной группы. Поражают упорство и агрессивность, с какими представители определенного профессионального сообщества защищают священную территорию разделяемой ими теории, отвергая любые альтернативные взгляды и подходы и незаметно превращая еще недавно изящные гипотетические конструкции в незыблемые догматы веры. Вспоминается тезис Т. Куна [13] о том, что при переходе от стадии научной революции к так называемой «нормальной науке» живой и продуктивный научный поиск сменяется консерватизмом и косностью теоретического мышления. Так, многие новаторские идеи Фрейда по мере институциализации психоанализа постепенно превратились в наукообразные шаблоны, ригидность и утрированность которых обыгрывается даже в анекдотических голливудских постановках. Если бы мы задумали подвергнуть психоанализу целое научное сообщество, то указанную тенденцию можно было бы рассмотреть как результат действия двух «механизмов защиты» коллективных убеждений: идеализации автора базовой теории (в случае Фрейда допустимо говорить о настоящей посмертной канонизации) и отрицания любых научных альтернатив. Едва ли есть необходимость доказывать, что теория, основанная на отрицании альтернативных точек зрения, монологичная и замкнутая на себе, оказывается ложным знанием и заводит в тупик. Дружный хор эпигонов вместо полифонии самостоятельных и разнозвучающих голосов – такое положение противоречит самой диалектике развития науки и приводит к нагромождению утопических идей и концептов.

Таким образом, наряду с боязнью истории, в классическом психоанализе присутствует и боязнь гетероглоссии²⁵. А, как известно, любая фобия активизирует систему действий защитного характера – избегание. Основной способ избежать гетероглоссии и уклониться от столкновения

²⁵ Термин М.М. Бахтина: «разноречие» как диалогическая основа любого феномена культуры.

научных альтернатив, который нередко используется в психоанализе, – ассимиляция оппонента.

Претензия научного дискурса на абсолютное господство выражается в стремлении ассимилировать, поглотить оппонента, поймать его словом и на слове, опутать паутиной хитроумных теоретических доводов, заманить в ловушку своего метаязыка, в которой ловко нивелируются любые критические суждения и альтернативные взгляды. Примером может служить заявление Фрейда о том, что все критики психоанализа лишь подтверждают истинность этого учения, демонстрируя сопротивление и отрицание неприемлемых, уязвляющих их самолюбие идей. Посредством такого теоретического ухищрения вполне обоснованная научная критика и попытка фальсификации конкретной концепции приравниваются к защитным реакциям пациента-невротика – к вытеснению и рационализации. На деле же имеют место защитные механизмы социокультурного происхождения, закрепленные в самом научном дискурсе и призванные оберегать основные положения теории от любых попыток критического переосмысления и ревизии. (26)

В современной науке отрицание научных альтернатив и стремление создать всепоглощающую метатеорию, способную упразднить или ассимилировать иные частные концепции и модели, т.е. тяготение какого-либо учения к универсализму, оборачивается его «инфляцией», обесцениванием даже самых плодотворных идей.

Онтологизация ключевых обобщающих понятий. В психоанализе наблюдается также устойчивая тенденция к онтологизации обобщающих понятий, «натурализации» базовых концептов, таких как «бессознательное», «перенос», что приводит к порабощению мышления и языка несколькими ключевыми метафорами. При этом нередко забывается золотое правило «Карта не есть территория», и конкретные феномены с легкостью подменяются теоретическими конструкциями.

В чем выражается тенденция к «онтологизации»? В том, что определенный понятийный конструкт начинает восприниматься как часть предметного (феноменального) мира; научное сознание, попав под суггестивное влияние господствующей теории, ставит “знак равенства” между объектом познания и выработанным представлением о нем. Происходит “превращение” модельного мира, т.е. системы научных представлений, моделей и обобщающих понятий, в предметную действительность, и возникает убежденность в том, “что так было всегда”. Сопротивление и другие защитные механизмы, перенос и Эдипов комплекс существовали везде и всегда. Перенос – он и в Африке перенос. Эдипов комплекс наблюдается у всех без исключения людей: и у архаического

²⁶ В аналогичный «капкан» не трудно поймать и самих аналитиков. Достаточно вспомнить рассуждение Николая Бердяева: «...склонность школы Фрейда объяснять все, вплоть до религиозной жизни, неосознанной сексуальностью принимает формы маниакальной идеи... ведь и этот пансексуализм может быть объяснен неосознанной сексуальностью его создателей, если применить тот метод сыска и вмешательства в интимную жизнь, который допускает школа Фрейда» [2, с. 563].

человека, члена первобытной орды, и у Иисуса Христа, и у Адольфа Гитлера. Потому что перенос и Эдипов комплекс – это уже не модельные представления и научные метафоры, очень точно и удачно использованные Фрейдом, нет; для консервативных психоаналитиков это объективные и неизменные законы человеческого бытия.

Очевидно, что для последующего развития научной теории требуется разграничение модельного и феноменального миров. Этой цели служит исторический подход к анализу научных теорий и культурный релятивизм, вскрывающий относительность обобщающих понятий науки и их неразрывную связь с конкретным социокультурным контекстом. Исторический анализ помогает реконструировать исходные социокультурные условия внедрения и разработки обобщающего понятия, определить ту область научных фактов, для которой указанное понятие послужило наиболее продуктивным и наукоемким объяснительным конструктом, а также ту научную проблематику, прояснению которой оно поспособствовало в конкретный исторический момент развития науки. Во избежание подмены конкретной феноменологии модельными представлениями и теоретическими конструкциями, необходимо систематически подвергать фальсификации²⁷ любые научные постулаты и рассматривать их как потенциально опровергаемые.

Ярким примером фальсификации психоаналитической теории, приведшей к заметному сужению ареала ее доминирования, может служить опровержение базового тезиса об универсальности «Эдипова комплекса» посредством привлечения данных антропологических исследований архаических культур. (28)

10. Еще раз о превратностях метода. Мы можем заключить, что уже к середине XX столетия психоанализ накопил значительное количество теоретических и методологических проблем, без разрешения которых едва ли возможно его дальнейшее продуктивное развитие в качестве научной

²⁷ Метод фальсификации сводится к установлению границ применимости теории через выявление таких условий опыта, при которых она начинает противоречить некоторым фактам и опровергаться. Фальсификация препятствует расширительному толкованию теории, необоснованному распространению ее положений на обширную область наблюдаемых явлений [26].

²⁸ Речь идет о кросс-культурном анализе «Эдипова комплекса», осуществленном антропологами М. Мид и Б. Малиновским. Последний пришел к выводу, что наблюдения З. Фрейда основывались лишь на ограниченном наборе фактов и культурных условий, сложившихся в Вене в конце XIX в. На острове Тробриан Малиновский исследовал специфические системы родства и характер внутрисемейных отношений. Он установил, что в этой культурной среде отец далеко не всегда становится объектом иррациональной сыновней ненависти. Неприязнь чаще направляется на брата матери, который в данной системе призван поддерживать дисциплину. Таким образом, сложные, напряженные отношения складываются у мальчика указанной культурной группы с его дядей по материнской линии. Из этого было сделано заключение, что отмеченная Фрейдом враждебность и неприязнь европейского мальчика к отцу возникает в силу репрессивной роли последнего в западной культуре (где он выполняет дисциплинарные функции), а не вследствие его взаимоотношений с матерью, якобы провоцирующих детскую ревность. Не бессознательная инцестуозность ребенка, но тип культуры с присущей ей структурой родства оказывается здесь доминирующим фактором.

Как в свете указанного примера следует рассматривать стремление психоанализа к универсальности? Что это: «тяга к глубине», прозревание скрытых первопричин и первооснов душевной / духовной жизни или игнорирование культурно-исторического контекста?

дисциплины. Фрейдовское учение сегодня попросту нуждается в спасительной ревизии – это вопрос его последующей жизнеспособности.

Сама культурная ситуация возникновения и развития психоаналитического движения во многом парадоксальна. Учение Фрейда волею исторической судьбы оказалось одновременно новаторским, предельно революционным по отношению к своему прошлому, к тем культурным предпосылкам, из которых оно выросло (к очевидным новациям следует отнести разоблачение механизмов «ложного сознания» и низвержение викторианской морали, преодоление узости и методологической ограниченности интроспективной психологии сознания, легализацию / легитимацию бессознательной, инстинктивной сферы человека и т.д.), и весьма консервативным по сравнению с тенденциями и требованиями последующих этапов развития психологической науки и гуманитарного знания в целом. Объяснение этому – интенсивная культурная динамика XX века. Сделанные на стыке столетий великие психологические открытия, заложившие основу фрейдизма, образовали своеобразную границу перехода от человекознания Нового времени к современной парадигме или, точнее, к современному многообразию и разноречию парадигм. В силу неоднозначности своей научной и культурной позиции, основатель психоанализа оказывается то по одну, то по другую сторону этой границы.

Достаточно вспомнить, что, при всей революционности своих взглядов, Фрейд был наследником естественнонаучной традиции XIX столетия и одной из наиболее значительных фигур, завершающих систему новоевропейского знания о человеке. Поэтому неудивительно, что многие фрейдовские принципы и «заветы» со временем вступили в противоречие с устойчивыми общенаучными и культурными тенденциями XX века, особенно, последней его трети.

Во-первых, внедрение в психотерапевтическую практику аналитического подхода, первоначально основанного на ценностях Просвещения и преследующего цель овладения бессознательным средствами разума, совпадает по времени с кризисом западного рационализма. Господство новоевропейского «законодательного» разума в XX веке перестает быть определяющей целью культурного развития, а выдвинутый Фрейдом тезис «Там, где было Оно, должно утвердиться Я» теряет свою убедительность, особенно, после провозглашенной постструктуралистами (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида) «смерти субъекта» (29). Фрейд в своем знаменитом тезисе-императиве все же подразумевает единство Я как потенциально возможное, достижимое в результате анализа и представляющее несомненную ценность. Постулируя, что подлинная жизнь души обнаруживается, главным образом, в разрывах и сбоях, пробелах и утаиваниях, оговорках и ошибочных действиях, составляющих автономную, альтернативную сознанию и неподконтрольную

²⁹ Примечательно, что «ниспровержение» или «смерть Субъекта», как важнейшее культурное «событие», определившее всю постструктуралистскую картину мира, было, согласно Ж. Лакану [14], в значительной мере подготовлено трудами Фрейда, тем «коперниканским переворотом», который он произвел в гуманитарных науках Запада.

разумному Субъекту, систему, он, тем не менее, не отрицает субъектность как таковую, не подменяет ее тотальной расщепленностью и множественностью. В его учении присутствует субъектность – не изначальная и безусловная, но выстраданная и выстроенная анализом. Невротик, приходящий к психоаналитику, – «потерянный» субъект; он наделен «сырой», сомнительной и ускользающей субъектностью, которая задается не Логосом или *cogito*, как это мыслилось в классической рационалистической философии, но Фаллосом как центрирующим иррациональным первопринципом: его наличием и страхом потерять – у мальчиков, его отсутствием, мифическим «лишением» и завистью к нему – у девочек. Анализ возвращает пациенту его собственную историю, т.е. разумно выстроенную, выплаканную и осмысленную «Судьбу», и вместе с этой историей – субъектность. В свете постмодернистской критики, идея «потерянного и обретенного Субъекта», Я, утвердившегося на месте Оно, – еще один утопический аспект психоаналитического проекта.

Субъект, который конструируется психоанализом, согласно исчерпавшим себя рационалистическим (просвещенческим) принципам и моделям субъектности, лишается культурно-исторического основания, становится недействительным, развенчивается, низвергается, деструктурируется, рассеивается и «умирает» в постмодернистском контексте.

Далее, психоанализ продолжает отстаивать свой статус метатеории и в разгар постмодернизма, т.е. в эпоху всеобщего разочарования в метанарративах (делегиитимации метанарративов), недоверия к классическим новоевропейским «историям», легитимирующим знание (Лиотар, «Состояние постмодерна», 17). К таким «историям» (метанарративам) относятся миф о неразрывной связи знания / разума и власти / господства («знание – сила») и миф о человечестве как Субъекте Свободы, в свете которого духовная эволюция есть поступательный и поэтапный процесс освобождения человека [17]. Классический психоанализ можно рассматривать не только как позднее наследие эпохи Просвещения, пронизанное ее духом, но и как часть «либерального проекта». Ведь первоначально Фрейд всячески подчеркивал идею «освобождения» страдающей души от подавленных эмоций и нереализованных влечений, а разума – от амнезий, эффектов вытеснения и прочих механизмов ложного сознания.

Психоанализ с присущей ему захваченностью методом, с его монологизмом и логоцентризмом, утрачивает свою былую авторитетность в постмодернистском контексте, где господствуют принципы децентрации, размыкания любых границ и бесконечной смысловой игры. Идеи гетероглоссии, полисемии, интертекстуальности и множественности интерпретаций (Р. Барт, Ю. Кристева и др.), представления о сосуществовании в едином социокультурном пространстве относительно автономных интерпретационных сообществ [24], теории, подчеркивающие ценность семиотической сопротивляемости и «не-до-конца-переводимости» любого сообщения (У. Эко, Ю.М. Лотман, 18), – все это находится в

очевидном противоречии с психоаналитической нацеленностью на «единственно верную интерпретацию», с поисками психологической «правды», пусть горькой, но истины.

Наконец, еще одно существенное противоречие связано с нарочитой «патриархатностью» психоанализа, которая особенно ярко обозначается по контрасту с общим духом современных гендерных теорий [8, 16, 20]. В связи с этим следует упомянуть критику фрейдистского «фалло-логоцентрического» учения в трудах современных феминистки ориентированных исследователей гендерной проблематики. Фрейд критикуется как создатель фаллической теории психики и человеческой природы [20], теории, в которой мужчина (субъект, наделенный Фаллосом и Логосом и расколотый их диалектическим противоречием) принят в качестве нормы, а женщина есть отклонение от этой нормы, ущербность, дефицитарность (вспомним пресловутую «зависть к пенису»), негативная фалличность. Она – тот же мужчина, только со знаком «минус», лишенный наиболее значимого, существенного своего атрибута. Фрейд фактически упраздняет фундаментальные гендерные различия в психологии людей; в его аналогизирующем дискурсе женское трактуется по аналогии с мужским, как нехватка, дефицит фаллического. (30). В свете такого основополагающего концепта, как Эдипов комплекс, женское предстает зеркальным отражением мужского; гендерная специфика нивелируется. Мужское и женское равнозначны и симметричны в фундаментальном отношении инцестуозной любви к родителю противоположного пола и в яростной конкуренции за объект этой любви с родителем своего пола.

Таким образом, фрейдовской теории не достает различительной (дифференцирующей) силы, а ведь именно из различения, из воли к выявлению различий рождается современное понимание человека и его положения в мире.

Заключение.

Все вышеприведенные рассуждения призваны обозначить те скрытые и явные уловки и «ловушки» метаязыка, противоречия и превратности метода, в силу которых психоанализ Фрейда – одно из наиболее влиятельных течений научной мысли нашего времени – нередко принимает вид глобального «утопического проекта».

Существует весьма интересная точка зрения, согласно которой масштаб какого-либо мыслителя может оцениваться не только по его вкладу в соответствующую область знания, по тому, насколько ему удалось продвинуть вперед конкретную научную дисциплину, но и по тормозящему, блокирующему влиянию его учения на научную мысль, т.е. по тому,

³⁰ Такой аналогизирующий принцип может распространяться и на другие бинарные оппозиции культуры: зло можно трактовать как недостаток или теневую сторону добра, а болезнь – как недостаток здоровья (или наоборот, следуя тому же Фрейду и Э. Кречмеру, здоровье – как минимальную степень выраженности патологии).

насколько его идеи и его авторитет затормозили дальнейшее развитие науки. С одной стороны, великий ум освещает светом своего гения неизвестные до него территории познания; с другой стороны, последующие поколения ученых вынуждены работать в тени его авторитета.

Фрейдовский психоанализ, будучи научной теорией, давно стал феноменом массовой культуры, прочно укоренился в обыденном сознании; в его составе научные идеи и ценнейшие клинические наблюдения переплелись с мифологическими и идеологическими элементами. Современному психоаналитику следует учитывать данное обстоятельство и последовательно распутывать все эти хитросплетения, подвергая ревизии, переосмыслению, кропотливому анализу сам психоанализ. Причем такая ревизия должна осуществляться с учетом меняющегося социокультурного контекста, на основе новых открытий и данных сопредельных научных дисциплин. В противном случае психоанализ рискует превратиться в эхо эха, в блуждающее сновидение.

3. Фрейд – удивительный образец научной судьбы XX столетия. Для того, чтобы понять его революционное детище, нужно прорваться сквозь более поздние наслоения мифического, подвергнуть деконструкции миф Фрейда и миф анализа; нужно вернуться назад – к Фрейду, еще не ставшему патриархом, доканоническому, ищущему и сомневающемуся. Назад к Фрейду в период смелого и продуктивного научного поиска.

Это вовсе не означает, что современный психоаналитик должен схватиться за классическое фрейдовское учение, как Антей за спасительную землю, отвергая все его последующие модификации. Скорее, это означает регрессию ради прогресса: возврат с целью более глубокого понимания к тем культурно-историческим условиям, в которых психоанализ возник и в которых он оказался наиболее результативным, плодотворным способом решения важнейших задач гуманитарного познания.

Психоанализ Фрейда должен рассматриваться современными аналитиками не как универсальный рецепт, но как вдохновляющий пример смелости научной мысли на определенном этапе ее исторического становления.

Литература

- Барт Р. Мифологии: Миф сегодня / Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 72 – 130.
- Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – С. 563.
- Бинсвангер Л. Фрейд и его концепция человека в свете антропологии / Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. Избранные статьи. – М.: «Рефл-бук»; К.: «Ваклер», 1999. – С 19 – 52.
- Блох Э. Принцип надежды / Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. – М.: «Прогресс», 1991. – С.49 – 78.
- Витгенштейн Л. Культура и ценность / Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: «Гнозис», 1994. – С. 407 – 492.
- Волошинов В.Н. Фрейдизм. Критический очерк / Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / Сост. и авт. вступ. ст. В.М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – С. 269 – 346.

- Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. – М.: «Республика», 1994. – 368 с.
- Гэллоп Дж. Ключи к Доре / Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия. – Харьков: ХЦГИ, 2001, СПб.: Алетейя, 2001. – С. 561 – 581.
- Дебор Г. Общество спектакля. – М.: Издательство «Логос», 1999. – 224с. (Debord G. La société du spectacles. Gallimard. Paris. 1969)
- Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда. Гл. «Страсти по «Фрейду». – Мн.: Современный литератор, 1999. – 832 с.
- Дикманн Х. Методы в аналитической психологии. – М.: ООО «ЦГЛ «РОН», Библиотека аналитической психологии, 2001.
- Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений о феноменах обыденного сознания / Идеологические и психологические аспекты исследования массового сознания. – М., 1989, с. 11 – 44.
- Кун Т. Структура научных революций. – М.: «Прогресс», 1975.
- Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или Судьба разума после Фрейда. – М.: «Логос», 1997. – 184 с.
- Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: «Гнозис», 1995. – 102 с.
- Лаурентис де Т. Американский Фрейд / Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия. – Харьков: ХЦГИ, 2001, СПб.: Алетейя, 2001. – С. 23 – 47.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб, Изд. «Алетейя», 1998. – 160 с.
- Лотман Ю.М. Культура и текст как генераторы смысла. // Кибернетическая лингвистика. – М., 1987.
- Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – Киев: «Post-Royal», 1995. – 352 с.
- Митчелл Дж. Женская сексуальность. Жак Лакан и école freudienne. Введение / Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия. – Харьков: ХЦГИ, 2001, СПб.: Алетейя, 2001. – С. 534 – 560.
- Райх В. Психология масс и фашизм. – СПб.: «Университетская книга», 1997. – С. 10 – 30.
- Райх В. Функция оргазма. – СПб.: «Университетская книга», 1998.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике – М.: «Медиум», 1995. – 416 с.
- Самуэлс Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К.Г. Юнга. – М.: МНПП «ЭСИ», 1994. – С. 167 – 168.
- Семиотика: пособие для студентов / Автор-составитель Скрипник К.Д. – Ростов-на-Дону, 2000. – 127 с.
- Современный философский словарь / Под общей ред. профессора В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: «ПАНПРИНТ», 1998.
- Фрейд З. Конечный и бесконечный анализ / «Конечный и бесконечный анализ» Зигмунда Фрейда. – М.: МГ Менеджмент, 1998. – С. 15 – 60.
- Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1990. – С. 422.
- Фрейд З. Почему война / Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М.: Ренессанс, 1991. – С. 257 – 269.
- Цвейг С. Врачевание и психика. Месмер. Бекер-Эдди. Фрейд. – М.: Издательство политической литературы, 1992. – С. 223 – 310.
- Хиллман Дж. Архетипическая психология. – СПб., 1996 – С. 97.
- Юнг К.Г. Противоречия Фрейда и Юнга / Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М.: «Прогресс», 1993. – С.61 – 69.
- Althusser L. La découverte du docteur Freud dans ses rapports avec la théorie Marxiste / Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. – Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1978. – С. 239 – 253.
- Moscovici S. La Psychanalyse, son image et son public, P.U.F., Paris, 2e éd., 1976.

Гормоны и бессознательное (Информационная роль гормонов, установка личности и ситуации)

А.И. Белкин

Согласно психоаналитическому учению, бессознательная сфера человека имеет непосредственное отношение, как к возникновению многих психопатологических феноменов, так и к их устранению. Однако, несмотря на столетнюю историю открытия Фрейда, остается неизвестным, какова биологическая база бессознательного, где оно зарождается, стареет ли, умирает?

Справедливости ради заметим, что Фрейд пытался предостеречь психоанализ от судьбы герменевтического учения [1]. Проблема биологии бессознательного не могла не волновать его. В работе «Три статьи по теории сексуальности» Фрейд выделяет раздел «Химическая теория» [2]. В ней подробно излагаются представления о таких явлениях, как либидо, сублимация, вытеснение и некоторых других психологических комплексов. Можно допустить, что Фрейд видел связь бессознательной деятельности с эндокринной системой. В то же время вспомним, на каком уровне были достижения эндокринологии в начале XX века: не было даже термина «гормон» [3] и тем более не было ничего известно о перевернувших представление об эндокринной системе нейропептидах. За столетие наука далеко ушла вперед. Исследования в области нейроэндокринологии позволяют сегодня рассматривать мозг как самую большую эндокринную железу. Кроме того, установлено, что во многих органах и тканях располагаются нервные клетки «АПУД-системы», вырабатывающие большое количество пептидных гормонов и биогенных аминов, участвующих в процессах обучения человека, формировании его установок и т.д.

Многолетние исследования сотрудников отделения психиатрической эндокринологии МНИИ психиатрии МЗ РФ в области изучения психотропных свойств гормонов показали, насколько тесно с гормонами связаны побуждения, влечения, импульсы и эмоциональные реакции [4]. Ряд психопатологических феноменов, не осознаваемых субъектом и возникающих как бы без видимой причины, такие, как вытеснение, регресс психики, извращение сексуального поведения, инстинкта материнства, дезактуализации переживаний и другие, в эксперименте обнаруживают связь с гормонами.

Опыт сочетания психоаналитически ориентированной терапии с гормонами подтвердил правильность выдвинутой мною в конце 80-х годов гипотезы об участии гормонов в деятельности бессознательной сферы человека. Другими словами, не остается сомнений, что гормоны в своем влиянии на духовную деятельность человека носят бессознательный характер. Особенно интересным является то обстоятельство, что данная гипотеза требует изменения некоторых представлений о человеке как информационной системе.

Рассмотрим роль гормонов в бессознательных процессах на клинических примерах. Условно выделим четыре типа ситуаций, в которых осуществляется поведение человека. Для обозначения ситуаций воспользуемся ранее использованными греческими буквами: альфа, бета, гамма и дельта [5].

Альфа-ситуации представляют собой широкий набор внешних фонов и соответствующих им генетически predetermined способов реагирования. Речь, можно сказать, идет об участии гормонов в генетически запрограммированных формах поведения. Это значит, что поведение в условиях данной ситуации характерно для человека независимо от его расовых, этнических, религиозных, политических и других обстоятельств. Таким образом, основной информационной структурой, регулирующей поведение человека в альфа-ситуации, является хромосомно-генная система.

I Однако в реализации соответствующей программы участвует гормональная информация, выступающая в роли активатора, тормоза или модулятора определенной поведенческой реакции, а порой и ее энергетической базы. Подобное действие гормона как посредника между раздражителями окружающей среды (ситуацией) и характером реагирования (время наступления реакции, ее сила, направленность) уменьшает «жесткость» генетически запрограммированных форм поведения личности и увеличивает степень ее свободы.

Представляются важным *альфа-ситуации*, в которых гормоны действуют более интенсивно, чем это требуется, или не в те сроки, которые предусмотрены ходом онтогенетического развития человека. Отклонения в пусковом и корректирующем действии гормонального фактора на поведение можно определить как «информационную дисфункцию». Лишь в случаях, где имеется «поломка», можно увидеть всю значимость гормональных воздействий. Сюда относятся разной степени задержки речи, обусловленные недостатком тиреоидных гормонов; незрелость эмоциональной сферы, связанная с соматотропным гормоном, приступы булимии, аноректический синдром и другие нарушения, вызванные аномалией в гормональных воздействиях.

Итак, в широком смысле *альфа-ситуация* отражает участие гормонов в генетически запрограммированных программах, в том числе и программах, включающих в себя социальный фактор. Как правило, альфа-ситуация не осознается и действие гормонов на человека проявляется на бессознательном уровне.

* * *

Стержневым феноменом *бета-ситуации* является неопределенность ее исхода. Тревожное ожидание грядущих событий. Обстановка, когда личность не может самостоятельно повлиять на ситуацию, поскольку исход последней ей не подвластен. *Бета-ситуация* характеризуется высоким уровнем тревоги. Например, ожидание наказания, меру которого должны определить другие; возможность гибели близкого человека и т. п. Личность может сформулировать причину тревоги, может привести доводы в пользу того или

иною исхода ситуации, попытаться успокоить себя, переключить свое внимание на другие события, но исход ситуации все равно остается неясным, тревога не исчезает.

С точки зрения воздействия на человека, ситуация тревожного ожидания оказывается одной из наиболее патогенных. Заметим, что к феномену тревожного ожидания эволюционно человек не подготовлен. В животном мире аналогичных ситуаций нет, ибо для этого необходимо не только наличие развитого самосознания, но и способности прогнозировать, предвидеть варианты развивающихся событий. Внутреннее же напряжение, сопровождающее *бета-ситуацию*, может приобрести гипертрофированный характер, что ведет к декомпенсации основных регулирующих систем организма: потери чувства реальности, срыву психической деятельности, нарушению в работе процессов памяти, с излишней актуальностью эмоционально окрашенных событий и невозможностью вытеснить их. В более тяжелых случаях развиваются соматические заболевания. Данный тип ситуации позволяет поставить вопрос о пределе человеческих возможностей, границах нормального сознания и его деструкции. Ведь ожидание грядущей опасности может представлять психопатологический феномен от психогенного (невротического) до эндогенного (психотического) уровня. Гие случайно Э. Крепелин [6] связывал тревогу с самой сущностью сознания, его витальными основами. О.В. Кербинов [7] определил тревогу как своеобразное самоощущение диффузного характера, которое входит в основу настроения человека.

Изучение гормонов как детерминанты бессознательного, участвующих в реализации программы психической деятельности, показало всю тяжесть для организма человека ситуаций тревожного ряда.

Таким образом, гормоны представляют собой источник невербализованной информации. Кроме того, информация, заложенная в гормоне, дает личную окраску ситуации, внося эмоциональные и смысловые обертоны, усиливая перевод невербализованной информации в «вербализованные знания».

Рассмотрим пример бета-ситуации на клиническом наблюдении.

В отделение психиатрической эндокринологии обратился за помощью мужчина 56 лет. Назовём его А. Он входил в финансовую группу, занимающуюся сложными и крайне рискованными биржевыми операциями. Исключительное доверие, которое оказывали ему компаньоны и которое в результате привело его к нам, заключалось в следующем. Все проводимые финансовые операции, номера банковских реквизитов и даже наименования банков были доподлинно известны только А. Профессиональную тайну наш пациент обязан был хранить исключительно в памяти.

В 1993 году компании грозило разорение. Исход борьбы на финансовом рынке напрямую зависел от того, узнают ли конкуренты о зарубежных вкладах. Но когда опасность миновала, наш пациент к ужасу обнаружил, что все стерлось в его памяти. Он не помнил ничего: ни номеров счетов, ни наименования банка, ни города и страны, в котором мог находиться банк.

Очевидно, под влиянием сильнейшего стресса мозг заблокировал, «вытеснил» опасную для жизни информацию. Обращало внимание, что вытеснению подверглась выборочная информация. В норме оставалось и общее состояние пациента. Но это не облегчало, а наоборот, усугубляло его положение. Не замечая признаков душевного расстройства, партнеры А. наверняка заподозрили бы его в предательстве. Страх перед неминуемым разоблачением, как можно предположить, сыграл роль дополнительного стресса, служащего как бы двойным блоком на психические структуры памяти.

На момент осмотра состояние пациента характеризовалось как диссоциативная амнезия, при которой после тяжелых потрясений в памяти наблюдаются разного рода «провалы». Бывает, что эта «черная дыра» поглощает всю предшествующую жизнь человека, все его сведения о себе самом, включая имя, фамилию и возраст. Своеобразие рассматриваемого феномена заключалось в том, что травма была не только чисто психологической, но и не связанной с реальным наступлением каких-то тяжелых событий. Источником разрушительного страха были лишь предчувствия, предвосхищения и воображение. Предположим, что по своей травмирующей силе эти прогностические переживания уравнились с физическими страданиями.

Вытеснение - одна из самых распространенных защитных реакций психики. Она спасает личность от опасного перенапряжения, переводя в область бессознательного то, с чем сознанию слишком тяжело справиться. Работа психоаналитика, как указывал Фрейд [8], почти на три четверти заключается в преодолении этой защитной реакции, обнаружении и сознательной проработке вытесненных впечатлений и переживаний. Редко можно встретить глубокий внутренний конфликт, отражающий мир пациента, в котором не присутствовало бы вытеснение.

То, что произошло с А., с позиций психоанализа выглядит непривычно. Чаще столь глубокому вытеснению подвергаются эпизоды и взаимоотношения, относящиеся к периоду раннего детства, поэтому сам возраст нашего пациента придает случившемуся оттенок исключительности. Примечательна и другая особенность: обычно люди даже не догадываются, что в их воспоминаниях есть эти существенные пробелы. А здесь пациент без труда восстанавливал в мельчайших подробностях все свои действия, но лишь до определенных границ. Он точно, без подсказок знал, что именно должно находиться внутри этой черты, но тщетно старался нащупать хоть какую-то зацепку, чтобы восстановить в сознании забытое.

Этот диагностический штрих позволял надеяться, что помочь пациенту будет совсем нетрудно. Но после нескольких сеансов психоаналитически ориентированной терапии иллюзии рассеялись. Не дали результата и попытки применения гипноза. В иных условиях это никого бы не обескуражило: психоаналитически ориентированная терапия длится долго. Но у А. не было такого большого запаса времени. Его паника с каждым днем

нарастала, поэтому было решено изменить тактику лечения, совместив психоаналитически ориентированную терапию с гормонотерапией.

Пациенту был назначен курс лизин-вазопрессина²⁰.

Основная функция этого низкомолекулярного полипептида, как известно, поддерживать в организме постоянство объема и осмотической концентрации жидкостей. Он и вошел во врачебную практику главным образом как препарат, обладающий антидиуретическими свойствами. Но постепенно стали все больше и больше привлекать внимание его психотропные возможности. Было обнаружено, что вазопрессин принимает участие в процессах обучения и консолидации следов памяти и в некоторых случаях предупреждает амнезию. В литературе встречаются сообщения об успехах, достигнутых с помощью вазопрессина даже при крайних формах беспомысленности, когда наступает полный распад личности. Это болезнь Альцгеймера или сенильная деменция. Но и после приема лизин-вазопрессина никаких изменений в состоянии А. не произошло.

Продолжая интраназальное введение препарата, мы возобновили психоаналитически ориентированную терапию. И только после этого невидимый барьер, заблокировавший память пациента дал первую маленькую трещину. Произошло это во сне. А. увидел себя в столице европейской страны, хорошо ему знакомой, после чего проснулся в полной уверенности, что банковские операции производились именно там. Все остальные подробности по-прежнему тонули во мраке, но у пациента появилась надежда. По нашей рекомендации выехал в приснившийся ему город: живые впечатления, знакомые пейзажи, облик горожан, звуки местной речи, специфические запахи - все это должно было, по нашему мнению, завершить разблокировку памяти. Так и случилось. На третий день приема препарата в просоночном состоянии вытесненная из сознания картина восстановилась полностью и безошибочно. Что и подтвердил визит пациента в искомый банк.

Эффективность комплексного подхода, построенного на сочетании психоаналитически ориентированной и гормональной терапии, доказывают и другие клинические примеры.

С необычной жалобой обратился один из высокопоставленных чиновников. Острые конфликтные ситуации в его работе возникали постоянно, но не в этом заключалась проблема. В самые острые моменты, помимо его воли, на лице появлялась улыбка. Сколько ни пытался пациент взять под контроль свои лицевые мышцы, справиться с этим не мог. Вся его карьера оказалась под угрозой.

По логике психоанализа, необходимо было выявить первопричину этой нелепости, но никакие экскурсии в прошлое ничего не принесли. И только в сочетании с приемом вазопрессина удалось приподнять завесу тайны. Пациент вспомнил, что в раннем детстве он сильно страдал от жестокости матери. За малейшую провинность она больно била его по щекам. И однажды, вместо того, чтобы расплакаться, мальчик ответил на побои улыбкой. От такой дерзости мать еще больше разъярилась, но бить

перестала. Это повторилось несколько раз, после чего мать навсегда забыла о пощечинах. В те периоды взросления, от которых в памяти человека обычно сохраняются отчетливые следы, ничего подобного в отношениях с матерью не происходило. Поэтому так прочно и забылся этот эпизод из детства, а вот бессознательный механизм, вызывающий улыбку в ответ на угрозу агрессии, на психическое перенапряжение сохранился. И только добравшись до его корней, удалось постепенно разрушить привычку.

* * *

Совсем иные клинические примеры встают перед нами в *гамма-ситуации*. Ее отличительная черта - в огромной индивидуальности субъективных психологических установок и внешних обстоятельств.

Гамма-ситуации, как правило, осознаются человеком. Субъект может сформулировать свое желание, цель, характер действий, сознательно повторять их неограниченное число раз и т. д. Можно сказать, что *гамма-ситуации* - это в значительной мере ритуализованные формы поведения человека в обществе, основанные на знании им многочисленных рекомендаций, правил, запретов, условностей, норм и предписаний, используемых для достижения готовых целей.

Природа только в человека вложила удивительную способность к целенаправленной регуляции многих систем и органов, способность к воображению и целенаправленному мышлению, способность сознательно воздействовать на свою сенсорную и телесную организацию, перестраивать их не только функционально, но и морфологически, расширяя диапазон адаптационных возможностей.

К этому типу ситуаций близок известный феномен функциональной карликовости. Ребенок, которого в семье постоянно третируют (бьют, оскорбляют, осыпают угрозами) перестает расти. Лабораторные исследования обнаружили, что у таких детей снижены показатели гормона роста. Порой сама жизнь доказывает, что этот дефект имеет психогенную природу: стоит ребенку на длительный период сменить домашнюю обстановку, например, попасть в хороший детский лагерь, и он начинает расти, как говорят на «дрожжах».

Казалось бы, сама собой напрашивается идея искусственно восполнять недостаток гормонов. Но, как показывает опыт, психотропный эффект привнесенного извне гормона пропадает в «холостую». Процессы роста не активизируются. Предпринимались и другие логичные, на первый взгляд, попытки воздействовать на организм, нормализуя психическое состояние маленьких пациентов. Ведь мы уверены, что первоисточником зла являются именно тяжелые психические травмы. Однако психотерапия улучшает общее состояние ребенка, но никак не ускоряет его рост. Изменения, зачастую значительные, происходят только тогда, когда мы подвергаем пациента двойному воздействию: и психоаналитически ориентированной терапии, и гормональному воздействию одновременно.

Таким образом, участие гормона в реализации направленных изменений в соматической и психической сферах тесно переплетается с бинарностью гормонального эффекта. Сущность последнего заключается в том, что молекула гормона, которая несет информацию в мозг, не только формирует соответствующую поведенческую реакцию, но и обеспечивает на уровне целого организма ее реализацию. О бинарности действия гормона можно говорить лишь в случаях, когда психические сдвиги и соматические изменения синхронизированы во времени и направлены на достижение одной и той же конечной цели - адаптации организма.

Можно сказать, что гормон как информационный агент обладает двумя основными характеристиками: содержательной, которая достигается за счет ситуации, в которой действует личность, и ценностной, основанной на ее прошлом опыте. Без этих двух характеристик гормон «слеп», поскольку его влияние на психику проявляется лишь в конкретной индивидуально значимой для личности ситуации.

Особенно ярко это проявляется при сексуальных извращениях, гомосексуализме и транссексуализме.

Если говорить о технике хирургической трансформации пола, то она действительно ушла далеко вперед от первоначальных шагов, предпринятых еще в середине 50-х годов прошлого столетия. В эндокринологическом обеспечении этой группы больных также достигнут ощутимый прогресс. Но крайне болезненно нередко протекает процесс социальной адаптации, особенно когда формирование личности в целом уже завершилось. Опыт сочетанной терапии, который мы предлагаем, позволяет надеяться на перспективное направление дальнейших поисков.

Среди транссексуалов, проходивших обследование в связи с желанием сменить паспортный и анатомический пол, был 19-летний юноша по имени Т., приехавший в Москву из Сибири. Если считать главным диагностическим критерием транссексуализма длительность желания перехода в другой пол, то диагноз Т. не вызывал сомнений.

С самого раннего детства Т. не испытывал ни какого влечения к мальчишеским играм и развлечениям. Рано появилась привычка переодеваться в женскую одежду. Пробираясь тайком в родительскую спальню, он с удовольствием примерял наряды матери, ее туфли на высоких каблуках. Любил, когда от него пахло пряными дамскими духами, ему нравилось наносить на лицо косметику, а потом долго любоваться собой перед зеркалом. С наступлением пубертатного периода женская идентификация окончательно закрепилась. Подобно всем транссексуалам, Т. твердил, что у него женская душа, по недосмотру природы оказалась в мужском теле. Он был полон решимости любой ценой исправить эту ошибку. Единственное, чего удалось достичь ценой долгих уговоров, - это согласия повременить с операцией, чтобы как следует испытать себя.

Прежде всего надо было дезактуализировать эротическую составляющую эмоциональных переживаний. Цель была достигнута с помощью антиандрогенов. Эмоциональное состояние молодого человека

стало более спокойным. Изменился и характер сновидений. Из них стали исчезать сексуально возбуждающие сцены, в которых Т. рисовался самому себе в виде очаровательной девушки, вызывающей всеобщее восхищение. Появилась способность к рациональному анализу жизненной ситуации, к спокойному обсуждению разных вариантов ее развития. Свойственная транссексуалам одержимость если не исчезла, то значительно смягчилась. Это создало предпосылки для начала углубленной психоаналитической терапии, подкрепленной приемом вазопрессина.

Интенсивная проработка воспоминаний раннего детства позволила в мельчайших деталях восстановить весь путь формирования «женской души». В силу сложного комплекса внутрисемейных отношений привязанность к матери привела к полной идентификации с ней вплоть до утраты чувства собственного пола. Проходя вторично этот путь во время сеансов, пациент постепенно проникался новым отношением к самому себе и своим проблемам. Если прежде они были для него чем-то фатальным, неотвратимым, то теперь он начинал видеть в них всего лишь некую свою особенность, появившуюся в определенный момент под действием конкретных обстоятельств. А от этого уже не так было далеко и до мысли, что существовал, и другой период, пусть давний и мимолетный, когда эта особенность вовсе и не была ему присуща и при другом повороте событий могла и не появиться. Психоанализ постепенно подводил Т. к трезвому самоанализу, к желанию разобраться: какой же я настоящий?

Чтобы помочь этой серьезной внутренней работе, мы применили еще один психотерапевтический метод - игру. Ситуации, в которые предлагалось поставить себя молодому человеку, были самыми простыми: пойти в магазин мужской одежды и сделать себе покупку; отправиться в бар и найти способ присоединиться к компании сверстников; провести вечер в дискотеке, познакомиться с девушкой, добиться свидания.

Сначала Т. относился к этим заданиям исключительно как к игре, проявлял к ней недюжинные актерские способности. Он сразу обнаружил, что, даже переодеваясь в мужской костюм, становится мало похож на мужчину - слишком долго культивировал в себе женскую походку, пластику, мимику, манеры. Чтобы хорошо сыграть свою роль, ему пришлось, прежде всего, присмотреться к окружающим, подметить и хорошенько отрепетировать характерные для мужчин движения и жесты, другими словами, переналадить всю свою мышечную систему. Особой коррекции требовала речь: дело было не только в произносимых словах, но и в голосе, регистр которого Т. с помощью многолетних упражнений научился менять до неузнаваемости.

Игра оказалась очень увлекательной для Т. Магическое «как будто» имеет власть не только над детьми: описывая свои ощущения в момент «выходов в свет», Т. признавался, что временами его как бы вымышленное «Я» целиком сливались если не с реальным, то уж, по крайней мере, привычным. Окружающие не могли оценить блеск его игры, что очень важно было для самочувствия, но уже одно то, что его поведение казалось всем

нормальным и естественным, поднимало Т. в собственных глазах. На опыте Т. убедился, что быть мужчиной в сущности приятно!

Самое сильное эмоциональное впечатление вызвала у Т. реакция со стороны женщин. Пациент определенно пользовался у них успехом. Он быстро понял, что его появление в магазине или в баре не остается незамеченным: девушки всячески старались привлечь его внимание, многие начинали кокетничать. Знакомства завязывались легко, и Т. чувствовал, что только от него зависит, какой характер примут отношения. Когда Т. рассказывал об этом, глаза у него начинали блестеть, в голосе появлялись непривычные нотки. Уловив эти изменения, мы дали гормональное подкрепление в виде тестостерона. И это, как можно предположить, ускорило наступление перелома в лечении, ознаменовавшегося первым в жизни эротическим сношением, в котором он выступал в качестве сексуального партнера.

Вывод об окончательном преодолении транссексуальных тенденций можно будет сделать лишь много времени спустя. Но на сегодняшний день у Т. отмечается установка о том, что ему не нужна хирургическая смена пола. Как и подавляющее большинство транссексуалов-мужчин, Т. инфантилен и в пору зрелости вступит еще нескоро. Но уже несколько лет в его состоянии не наблюдается опасных рецидивов.

Та же методика сочетанной терапии оправдывает себя и при оказании врачебной помощи гомосексуалам, стремящимся победить свою природу. Под этим наши пациенты не всегда подразумевают полное освобождение от однополых влечений. Многие считают вполне нормальным гетеро- и гомосексуальное сосуществование - они просто расширяют круг своих сексуальных контактов. Медики помогают пациенту освободиться от бессознательного страха перед женщиной, лежащего в основе однополый любви, делают его существование насыщенным и более полноценным.

Открывается путь к женитьбе, переживанию радости отцовства, к созданию теплого семейного очага. С этим он и покидает клинику. Но какой он сделает выбор - зависит от него самого.

Ресурсы сочетанной терапии, как убеждает опыт, практически безграничны. Когда было установлено, что многие пептидные гормоны (TRH, вазопрессин, окситоцин, МИФ, лицин-энкефалин, АКТГ и др.) оказывают антидепрессивное воздействие [9], психиатры не замедлили воспользоваться этими препаратами для облегчения состояния больных с различными формами депрессии. Но результаты часто ставили в тупик. Депрессивная симптоматика могла смягчиться благодаря лечению, но могла и усилиться.

Достаточно быстро удалось установить количественные закономерности: при приеме высоких доз гормональных средств эффект оказывается противоположным тому, какое оказывают малые их дозы. Но и точно выверенная дозировка не дает, как выяснилось, никаких гарантий: лекарство может подействовать, а может (в таких же по сравнению условиях) не дать никакого эффекта или вызвать лишь кратковременное улучшение.

Вместе с тем, сочетание гормонального и психоаналитического лечения позволяет добиться стойкого улучшения состояния больного даже в тех случаях, когда депрессия входит в структуру психических заболеваний: шизофрения, невроз навязчивости, маниакально-депрессивный психоз.

По нашим наблюдениям, большинство антидепрессантов, в отличие от пептидов способны всего лишь устранять негативную эмоциональную симптоматику. Последние же, например окситоцин, дезактуализируют саму причину тяжелого душевного состояния и тем самым смягчают следы, которые перенесенная психическая травма надолго оставляет в душе и в самой жизни личности.

Упомяну о положительных результатах применения гормональных препаратов (прежде всего опиоидного пептида лейцин-энкефалин) в лечении больных, страдающих наркоманией. Тяжелое психическое состояние таких пациентов - чувство тревоги и беспокойства, расстройства мышления, вспышки агрессии - порой не позволяют не только успешно проводить психотерапию, но даже и просто приступить к ней. Лейцин-энкефалин снимает это препятствие: пациент успокаивается, исчезают мучительные симптомы, он становится более контактным и рассудительным [10].

Исследования показывают исключительную высокую эффективность сочетания гормонального лечения с психоаналитически ориентированной терапией. Но что порождает эту удивительную связь психологических и биологических механизмов? Вполне допустимо, что именно пептиды выполняют роль связывающего звена в цепи перехода психического в соматическое, участвуют в осознании ситуации и выработке адекватных решений.

Ряд пептидов (например, TRH [11]) оказываются эффективными лишь при вербальном сопровождении, то есть слово содействует или же образует необходимые условия для передачи информационного кода, содержащегося в речи, в информационный код гормона. Таким образом, *гамма-ситуации* отличаются тем, что они могут быть адекватно разрешены лишь при осознании ситуации. Более того, поскольку *гамма-ситуации* чрезвычайно динамичны, изменчивы, относительно быстро возникают и разрушаются, то связанные с ними нейропептиды должны постоянно возникать и разрушаться, или же находиться в организме в достаточном количестве для того, чтобы обеспечить процессы передачи, получения, хранения и использования организмом вербальной информации. Нехватка или отсутствие требуемых пептидов делает работу соответствующей информационной подсистемы весьма затруднительной или полностью ее разрушает. Этим, по-видимому, и объясняются некоторые случаи неадекватного поведения и его нормализация после введения пептидных гормонов.

* * *

Существует серьезное основание выделения еще одного типа ситуаций - *дельта-ситуаций* - и специфичных гормонов, участвующих в их реализации. Речь идет о ситуациях, включающих элементы интуитивного

мировосприятия, предчувствий и некоторых форм измененного сознания (например, экстаз). Сюда же относятся ситуации, связанные в той или иной степени с чувством предвосхищения, неосознанным восприятием, озарением, подсознательным этапом творчества и т. д. Здесь нет сколько-нибудь мощных стрессовых раздражителей. Скорее, напротив, ситуация носит антистрессовый характер. В качестве гормонов участвующих в реализации данной ситуации, как можно предположить, выступают гормоны, продуцируемые «АПУД-системой».

В настоящее время описано около 40 типов АПУД-клеток. Располагаясь практически во всех жизненно важных органах и вырабатывая высокоактивные химические вещества (пептидные гормоны и биогенные амины), клетки АПУД-системы играют важную роль в поддержании гомеостаза (12). Есть основания предполагать, что у человека эта система обеспечивает долговременные состояния организма нестрессового характера и обуславливает возможность поведения, мало зависящего от внешней среды и состояния организма (на данный момент), деформируя в ту или иную сторону характер остальных мотиваций (ослабляя, усиливая или даже полностью их блокируя). Сама же «АПУД-система», по-видимому, тесно спаяна со многими подсознательными механизмами.

* * *

Рассмотрим гормоны в структуре ситуационного поведения. Поведение человека может считаться нормальным, если между субъектом и предметной средой существует такого рода соответствие, которое позволяет наиболее адекватно достичь биологических или социальных целей. Отсутствие такого соответствия является показателем аномальности в поведении (бихевиоральная дисфункция) личности, ее функционального несоответствия ситуации. Бихевиоральная дисфункция может обнаруживаться в одних ситуациях и не обнаруживаться в других. Это означает, что само понятие нормальности или аномальности поведения является ситуационным. Об общей аномальности можно говорить в случаях, когда в большинстве возможных типовых ситуаций имеет место бихевиоральная дисфункция. Каким образом создается и гарантируется бихевиоральное соответствие субъекта и предметной среды в различных ситуациях?

Для ответа нам придется выдвинуть гипотезу, имеющую прямое отношение к традиционной проблематике психоанализа, восходящей к работам З. Фрейда и отчасти К. Юнга. Бесспорным остается факт, что психоанализ нащупал некоторые действительные механизмы, позволяющие хотя бы отчасти объяснить целый ряд невротических аномалий и бихевиоральных дисфункций.

Новейшие достижения нейрофизиологии и нейроэндокринологии мозга позволяют существенно переформулировать и трансформировать всю проблематику и основные концепции психоанализа. Прежде всего мы имеем в виду открытие функциональной асимметрии полушарий мозга. Так как сама по себе проблема пространственной локализации функций сознательной и подсознательной деятельности лежит за пределами данной статьи, можно

ограничиться простым напоминанием: одно полушарие преимущественно специализируется на выполнении логических функций, то есть функций, протекающих в вербальной, языковой форме, а другое в основном специализируется на выполнении эмоциональных функций, реализующихся в различных чувственных (зрительных, акустических, тактильных, вкусовых и т.п.) образах.

Обозначим символом R (заглавная буква латинского слова ratio-разум) полушарие, выполняющее преимущественно рациональные логические функции, а заодно и соответствующую этим функциям информацию (то есть набор сформулированных в вербальной форме правил, стандартов поведения, запретов, социальных, религиозных, производственных, семейно-бытовых норм, предписаний и пр.); соответственно буквой E (заглавная буква латинского слова emotio - чувство) - полушарие, выполняющие эмоциональные функции, а вместе с тем и совокупность эмоциональной информации (то есть набор разнообразных образов или их комбинаций), конкретную или воображаемую предметную среду.

В альфа-ситуациях поведение человека может быть в ряде случаев функционально нормальным даже при отсутствии рациональной или эмоциональной информации. Например, пищеварение, дыхание и целый ряд других физиологических процессов осуществляются при полном или почти полном отсутствии рациональной логической и эмоциональной информации о реальном протекании этого процесса. У ребенка такие процессы вообще протекают бессознательно. Однако для *бета-* и *гамма-ситуаций* поведение личности может быть нормальным лишь при соответствии субъекта* и предметной среды. Такое соответствие достигается лишь при определенных условиях. Чтобы сформулировать эти условия, необходимо принять несколько гипотез.

Гипотеза 1. Существует двусторонняя асимметричная связь R и E подсистем мозга. Эта связь должна реализовываться в каждой конкретной галша-ситуации и осуществляться при помощи конкретных материальных носителей информации, способных передавать ее в обоих направлениях, то есть от R к E и обратно. Конкретным носителем или, точнее, средством передачи информации, как показывают клинические примеры, являются нейро-пептиды.

Гипотеза 2. На основании лабораторных и клинических данных можно предположить также, что нейропептиды должны быть специализированны по видам ситуаций, в которых необходимо устанавливать связь типа от R к E и от E к R. Поскольку может существовать, как уже говорилось, огромное число различных нейропептидных молекул, то разумно допустить, что они представляют собой своего рода информационное транспортное приспособление, которое можно сравнить с "конвертами", в которых передается соответствующая информация. Подобно тому, как молекулы транспортных РНК являются "конвертами" для передачи информации, считываемой со спиралей ДНК и передаваемой на рибосомы. Можно также

допустить, что нейропептиды представляют собой направленные носители информации, как между, так и внутри полушарий головного мозга.

Гипотеза 3. Бихевиоральные дисфункции могут возникнуть из-за отсутствия необходимого количества нейропептидов, способных осуществлять передачу информации и устанавливать связь между подсистемами R и E. При этом возможны три вида дисфункций в зависимости от того, какой из типов связи нарушен:

А) Имеется связь от R к E, но отсутствует от E к R. Б) Имеется связь от E к R, но отсутствует от R к E.

В) R и E не связаны, имеется полное или почти полное отсутствие связи.

Принятые здесь гипотезы, основанные на идее "право-левой" асимметрии, позволяют интерпретировать всю проблему соотношения сознательного и бессознательного как проблему установления связи R и E информационных систем и главным образом как проблему контроля R-системы над E-системой. Одновременно становится ясно, что форма вербальной терапии, то есть форма внушения пациенту мысли о необходимости изменения своего поведения, по существу преследует цель передачи дополнительной R-информации, необходимой для построения правильных E-моделей, адекватных той или иной конкретной ситуации. Очевидно также, что передача необходимой R-информации в E-подсистему может осуществляться лишь при наличии некоторого минимального (порогового) количества нейропептидов, выступающих в качестве материального кода носителей R-информации.

Таким образом, реконструкция функционально адекватного поведения в соответствующих ситуациях предполагает двоякого рода воздействие: введение необходимого количества недостающих нейропептидов и одновременное вербальное побуждение или, точнее, задание вербальной модели поведения, которая без наличия нейропептидов не может быть передана в E-подсистему.

Гипотеза 4. Связь от R к E осуществляется через нейропептиды и представляет собой информационную связь, задающую эмоциональную, чувственно-образную модель поведения человека через рациональную, вербальную модель. Поскольку бинарных моделей, как и самих *гамма-ситуаций*, в жизни каждой личности может быть огромное множество, то и соответствующих видов нейропептидов должно быть чрезвычайно много. Отсюда гипотетически следует, что существуют определенные коды или шифры, позволяющие распознать типы нейропептидов в соответствии с более или менее четко очерченными типами ситуаций. Расшифровка нейропептидных кодов при условии, что каждый вид нейропептидов будет рассматриваться как "слово" или "марка" определенного достоинства на "конверте", в котором передается или, точнее, пересылается рациональная модель в E-подсистему, может считаться одной из наиболее важных задач. Ее успешное решение позволило бы поставить терапию различных видов бихевиоральных дисфункций на строгую научную почву.

Реализация бинарных моделей поведения в конкретных *гамма*-ситуациях должна давать человеку чувство определенного удовлетворения (удовольствия). Это чувство представляет собой в информационной структуре человека состояние, сигнализирующее о разрешении ситуации. Очевидно, что оно осуществляется по схеме обратной связи, противоположной той, по которой реализуется бинарная модель, а именно, по схеме от Е к R. Отсюда следует новая гипотеза.

Гипотеза 5. Информационная связь от Е к R также должна осуществляться через определенный материальный носитель, и таким носителем, по-видимому, являются соединения с эндорфино-подобными свойствами. Поскольку для реализации обратной информационной связи не требуется большого разнообразия сигналов, то вполне понятно, что такие соединения по своей структуре могут не отличаться большим разнообразием. Здесь, кстати,

таится ответ и на вопрос, почему введение искусственных суррогатов эндорфинов, например морфия, в организм без особой на то необходимости приводит к разрушению рациональной сферы человека. Дело в том, что естественное "впрыскивание" эндорфинов строго нормировано и является средством закрепления соответствующих рациональных, а в целом и бинарных моделей, которые снова могут быть "задействованы" в аналогичных *гамма*-ситуациях. Введение же суррогатов при отсутствии реальных ситуаций, об устранении которых эти "впрыскивания" свидетельствовали бы, приводит к уничтожению, "стиранию" соответствующих рациональных моделей, следовательно, и к разрушению всей информационной R-подсистемы.

Одним из подходов к решению вопроса об участии гормонов в усвоении и реализации социально зависимых стереотипов эмоциональных и поведенческих реакций является тщательный анализ нестандартных, редчайших случаев, встречающихся в клинической практике. Такие случаи помогают увидеть проблему, скрытую в обычных условиях от глаз наблюдателя, заглянуть в непознанный мир гормональных влияний на психику. Можно считать, что в ближайшие годы, особенно в связи с современными исследованиями в области биохимии и свойств пептидных гормонов, внедрением их в терапию психических расстройств и соматических, а не только эндокринных нарушений, все активнее будет развиваться новое направление исследований - информационная роль гормонов, установка личности и ситуации.

Список использованной литературы

1. Kandel. Eric R. Биология и будущее психоанализа: новый взгляд на концептуальную базу для психиатрии // Обзор современной психиатрии, 2000. Вып. 6. С. 6.
2. Фрейд З. Три статьи по теории сексуальности // Основной инстинкт. М.: Олимп, АСТ, 1997. С. 96.
3. Кветной И. Вездесущие гормоны. М.: Молодая гвардия, 1988.

4. Мозг и гормоны / Под ред. А.И. Белкина // Труды МНИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1979. Т. 86.
5. Белкин А.И., Ракитов А.И. Гормоны в информационной структуре человека: концепция и гипотезы // Сборник научных трудов МНИИ психиатрии РСФСР, 1989. С. 5-21.
6. Крепелин С. Учебник психиатрии, М., 1910. С. 237-240.
7. Кербиков О. В. Острая шизофрения. М., 1949. С. 58-62.
8. Латанш Ж., Понталис Ж-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. С. 123.
9. Биохимия мозга / Под ред. И.П. Ашмарина, П.В. Стукалова, Н.Д. Ещенко. СПб.: Изд. С- Петербургского университета, 1999. С. 232-266.
10. Белкин А.И., Матевосян СИ. Средство для лечения компульсивного влечения к наркотику-опиату. Патент на изобретение № 2152799, июль 2000 год.
11. Беляева В.В. Влияние пептидных гормонов (лей-энкефалин и ти-ролиберин) на познавательную деятельность и эмоциональное состояние больных алкоголизмом. Дисс. к.м.н. М, 1988.
12. Райхлин #., Кветной И. АПУД система: норма и патология. М.: Изд. Мед. радиологического научного центра РАМН, 1993.

Психоаналитический вестник, 2001, № 9

Клиническая и психологическая психотерапия

М.Е.Бурно

1. Две области психотерапии, дополняя друг друга в духе принципа дополнительности Бора, проникнуты каждая своим философским мироощущением-мировоззрением. Клиническая психотерапия (неотъемлемая часть клинической психиатрии) проникнута материалистическим, естественно-научным мировоззрением, а психологическая психотерапия (в широком понимании включающая в себя динамическое, экзистенциально-гуманистическое, религиозное направления) проникнута мировоззрением идеалистическим. Есть еще и психотерапия преимущественно техническая, полагающая излишним основываться на каком-либо философском мироощущении. Это, например, нейролингвистическое программирование.

2. Клинический психотерапевт в своих воздействиях (в том числе одухотворенно-поэтических) отправляется от клинической картины, в основе которой гиппократовски видит-чувствует самозащитную (от внешних и внутренних вредностей) работу природы. Психологический психотерапевт в своих воздействиях исходит, отправляется от той или иной психологической ориентации («сотканной» прежде всего из чистой теоретической мысли). Мышление творческих психотерапевтов-психологов не есть истинно клиническое, а есть теоретически-аутистическое¹⁸ (экзистенциально-гуманистическое, психоаналитическое, религиозное и т.д.). Посему психологический психотерапевт не озабочен дифференциальной диагностикой. Чаще он и по образованию психолог.

3. Самые сложные движения души, духа клиническая психотерапия рассматривает сквозь чувство изначальности-первичности материи, тела, сквозь убежденность в этой первичности. Для клинициста и самые одухотворенные болезненные душевные движения-симптомы, например, сложно-депрессивные, деперсонализационные, будучи нематериальными, чувствуются как бы светом своего материального (телесного) источника и потому подчиняются общеизвестным клиническим закономерностям, обнаруживая тем самым общую основу с соматическими симптомами: складываются в синдром, синдром усложняется, симптомы и синдромы нозологически «прорисовываются» определенной почвой, на которой выросли, и все это обнаруживает так или иначе защитно-приспособительную работу природы (картина этой защиты и есть клиническая картина). Клиницисту (в том числе клиническому психотерапевту) остается гиппократовски изучать природную самозащиту-самолечение и помогать Природе, в меру своих врачебных сил, защищаться совершеннее (поскольку для клинициста Природа - это стихия, не Бог). Например, клиницист помогает дефензивному шизотипическому пациенту своими хроническими душевными расстройствами, изучая их, общественно полезно «встроиться» в жизнь, утвердиться силой своей слабости.

4. Психологический психотерапевт, чувствуя природой своей первичность не тела, а духа (или же отвергающий все разговоры о первичности-вторичности), идет не от природной самозащиты (клинической картины, почвы), а от той или иной психологической ориентации, кристаллизовавшейся из чистой теоретической мысли. И с точки зрения этой ориентации рассматривает болезненное расстройство «мимо» дифференциальной диагностики, клинического учения о характерах и т.д. У психоаналитика, например, свои, психоаналитические, характеры, изначально психологические, без телесной почвы (анальный, оральный характеры, экстраверт, интроверт и т.д.). Здесь свое, психодинамическое, понимание истерии, навязчивостей, шизофрении и т.д.

5. Фрейдовский «комплекс Эдипа», как и все у Фрейда, есть фигура, выведенная из анализа собственного аутистически-идеалистического переживания и перенесенная на все человечество, но не отвечающая, с точки зрения клинициста, закономерностям душевной жизни многих других людей, не похожих особенностями своего склада-мироощущения на Фрейда. Так же и «самоактуализация» Маслоу есть, по существу, радостно-осмысленная, вдохновенно-творческая встреча с изначально духовным, экзистенциальным в себе самом - для одухотворенно-аутистического человека, но психастеник свое творческое вдохновение обычно не способен переживать как изначально, экзистенциальное, чувствуя себя самого источником этого духовного света, источником, а не приемником.

6. Когда говорим о клинических и психологических психотерапевтических методах, то говорим, в сущности, о том, как именно - клинически или психологически - оживляются психотерапевтом присущие людям от природы определенные психотерапевтические «механизмы»: суггестивный, гипнотический, рациональный (когнитивный), тренировочный, поведенческий, групповой, игровой, активирующий, аналитический, телесно-ориентированный, креативный и т.д. Например, гипнотерапия может быть клинической, как у Консторума, Сумбаева, психоаналитической, как у Шертока, эклектически-психологической, как у Кратохвила.

7. Понять-прочувствовать по-настоящему (не в элементах) целебную, защитно-приспособительную работу природы вообще и природы данной больной души в частности, научиться квалифицированно клинически помогать природе заболевшего человека защищаться совершеннее, возможно только достаточно основательно изучив клиническую медицину в разных клиниках медицинского института, факультета. Клиническая медицина (и в том числе клиническая психотерапия) с ее клиническим мышлением-мироощущением, чутьем-опытом - не теория, а научное искусство, которое невозможно постичь кабинетнотеоретически, «мимо» клиник и сдать экстерном, как, например, математику или психологию. Психологическое образование (особенно без природной предрасположенности к клиницизму) не поможет усмотреть-почувствовать, например, что вот эта конкретная болезненная злость не агрессивно-эпилептоидной, психопатической

природы, а беспомощно-расщепленная, шизотипическая. От этой дифференцировки, однако, прямо зависит характер клинического психотерапевтического вмешательства.

8. Сила психолога в другом - в постижении универсально-типичных отношений между людьми независимо от физиономии

индивидуальной природы каждого. Так, системный семейный психотерапевт-психолог убежден в том, что любым невротическим расстройством или даже плохой успеваемостью в школе ребенок, чаще неосознанно, пытается сплотить вокруг себя родителей, дабы сохранить семью. Поэтому следует искать и лечить в таких случаях какое-то неблагополучие в отношениях между родителями. Клиницист скажет на это: конечно, такое случается, но в других случаях невротическое расстройство или школьные двойки причинены совсем другим. Кроме того, невротическое может быть и неврозоподобным шизотипическим, эндогенным, а как в этом разобраться психологу...

9. Клиническая психотерапия предназначена прежде всего для больных, а психологическая - для здоровых, потому что душевно нездоровый обычно не так легко личностно перестраивается в своем патологически стойком, углубленном тягостном страдании (психопатия, бордерлиновое состояние, шизофрения), не так легко, как здоровый клиент психолога или легкий невротик. Последние более внушаемы, им хорошо помогают техники, они увлекаются психоанализом и т.д. Человек вообще тем легче, выразительнее личностно перестраивается, реконструируется, чем меньше в нем страдающей, глубокой индивидуальности.

10. Клиническая психотерапия в отличие от психологической едина в том смысле, что открытия в ней поправляют, углубляют прежние открытия и друг друга, как происходит это в любом естественнонаучном исследовании. Сегодняшнее поле клинической психотерапии возделано многими клиницистами, им всем принадлежит нынешний арсенал клинико-психотерапевтических методов-подходов. Если назвать самые известные здесь нашим клиницистам имена, то многие из них ровно ничего не скажут психологам. Это Джеймс Брэд, Август Форель, Поль Дюбуа, Жюль Дежерин, Эуген Гоклер, Эрнст Кречмер, Фридрих Мауц, Поль Солье, Иоганн Шульц, Якоб Клези, Макс Мюллер, Джозеф Прэтт, Отто Веттерстранд, Ардальон Токарский, Сергей Суханов, Владимир Бехтерев, Юрий Каннабих, Александр Яроцкий, Семен Консто-рум, Петр Зиновьев, Игорь Сумбаев, Константин Платонов, Николай Иванов, Илья Вольперт, Александр Крыжановский, Николай Канторович, Виктор Деглин, Манфред Блейлер, Гаэтано Бенедет-ти, Пауль Кильхольц, Джон Розэн, Эуген Броди, Владимир Рожнов, Павел Буль, Андрей Гнездилов, Моисей Вольф, Абрам Свя-дош, Нина Асатиани, Владимир Смирнов, Владимир Колосов, Юрий Полищук, Валерий Гурвич. Это иной, клинический, мир в психотерапии. Психологи редко ссылаются на этих исследователей, у них свои классики. Так и должно быть.

11. В поле мировой клинической психотерапии сформировались следующие развивающиеся-усложняющиеся, связанные между собою подходы: клиническая суггестивная и гипносуггестивная терапия; клиническая рациональная психотерапия; клиническая тренировочная психотерапия; клиническая когнитивно-поведенческая психотерапия; клиническая групповая терапия; клиническая активизирующая психотерапия; клинико-аналитическая психотерапия; клиническая терапия духовной культурой (творческим вдохновением, поиском смысла жизни). Сложились также такие области клинической психотерапии, как клиническая психотерапия шизофрении и шизотипического расстройства; клиническая психотерапия эпилепсии; клиническая психотерапия депрессий; клиническая психотерапия психопатий; клиническая психотерапия неврозов; клиническая психотерапия зависимостей; клиническая психотерапия сексуальных расстройств; клиническая психотерапия соматических расстройств; клиническая детская психотерапия.

Сегодня, однако, ясно видится, что клиническая психотерапия в последние полвека развивается прежде всего в России. Способствовало этому то, что наша клиническая (материалистическая) психотерапия, в отличие от психологической, будучи частью клинической медицины, все-таки умудрялась в советское время как-то развиваться при запрещенном психоанализе и других идеалистических подходах.

12. Психологические психотерапевтические методы слишком аутистически личностны, чтобы составить подобное клинико-психотерапевтическое единое вспаханное поле работы. Юнг и Адлер, каждый по-своему, развили психоанализ Фрейда, и Фрейд выгнал их из своего психоанализа. Подходы Юнга и Адлера также никто серьезно не поправляет. Психоаналитики в основном толкуют-объясняют авторский метод, применяют его в лечебной практике, в психоаналитическом искусствознании, как происходит это и в религии. И так должно и быть.

13. Каждая психотерапевтическая ветвь в психологической психотерапии вообще обычно способна самостоятельно существовать без взаимодействия с другими ветвями - будь то лакановский психоанализ, гуманистическая психология Маслоу или гештальттерапия Перлза. Не случайно западные психотерапевты работают строго каждый в своей ветви-модальности, пожизненно совершенствуясь в ней. Так, кстати, советуют обустроить и нашу российскую психотерапию когнитивно-поведенческий психотерапевт Алла Холмогорова и психоаналитик Михаил Решетников. Это так, видимо, и должно быть, но не в клинической психотерапии, а в психологической психотерапии клиентов. Наши российские психотерапевтические пациенты (их-то я знаю хорошо) в большинстве своем менее аутистичны, нежели западные, и просят иной -реалистически-сердечной, разнообразно-клинической психотерапии. Конечно же, и у нас есть пациенты, которым глубоко и целебно созвучны психодинамические, экзистенциально-гуманистические и сугубо технические подходы, но их не так много. Опытный российский клинический психотерапевт и сегодня

применяет разнообразные психотерапевтические методы, отталкиваясь именно от разнообразия клиники. Так было и в давнюю пору свободного применения у нас психоанализа: психоанализ смешивался с другими психотерапевтическими воздействиями (например, с гипнотерапией), преломлялся клинически (работы Бориса Егорова) подобно тому, как клинически применяли психоанализ Эрнст Кречмер и Эуген Блейлер. Виктор Макаров полагает, что в основе «новой российской психотерапии» «лежит отечественная клиническая психотерапия»¹⁹.

14. Об отечественных психотерапевтических школах. На Западе принято историю научной психотерапии начинать от Фрейда. Это, конечно, так, но лишь для углубленной психологической психотерапии. История клинической общемедицинской научной психотерапии идет от хирурга Джеймса Брэда, который в середине XIX века установил, что погружение в гипноз зависит не столько от гипнотизирующей, сколько от способности гипнотизируемого гипнотизироваться. История клинической психиатрической психотерапии идет от Эрнста Кречмера, опубликовавшего свой психотерапевтический подход еще в первом издании «Медицинской психологии» (1922). Основоположник отечественной клинической психиатрической психотерапии Семен Консторум (1890-1950), думается, превзошел немецкоязычную клиническую психиатрическую психотерапию детализированной практической проникновенностью. В 1959 г. Московский институт психиатрии (на Потешной) выпускает его книгу «Опыт практической психотерапии» (с очерком жизни и творчества автора, составленным Николаем Ивановым и Дмитрием Мелеховым); книга становится основой, руководством московской психиатрически-психотерапевтической школы, классикой в конце концов. Почти в то же время, в 1958 г., в Ленинграде Бехтеревский психоневрологический институт выпускает книгу Елены Яковлевой «Патогенез и терапия невроза навязчивых состояний и психастении» с предисловием Владимира Мясищева. В книге выразительно звучит концепция мясищевской патогенетической психотерапии неврозов. В современном учебнике «Психотерапия» под редакцией Бориса Карвасарского (СПб., 2000) патогенетическая психотерапия Мясищева описывается в разделе «Динамическое направление в психотерапии». Там же дается и сегодняшняя личностно-ориентированная (реконструктивная) психотерапия Карвасарского, Исуриной, Ташлыкова как «дальнейшее развитие учения Мясищева о неврозах и их психотерапии» (с. 177) и как «одна из наиболее разработанных в России психотерапевтических систем» (с. 71). Ленинградская школа психологической психотерапии в течение многих лет плодотворно сотрудничала с психологической групповой психотерапией западных социалистических стран (Ледер, Александрович, Кратохвил, Хауснер). В трудах Бехтеревского института вышло немало серьезных психологических и психотерапевтических работ. Психологически-психотерапевтическая направленность ясно видится практически во всех книгах Карвасарского. Основные работы московской клинко-психотерапевтической школы советского времени опубликованы в трех

изданиях «Руководства по психотерапии» под редакцией В. Рожнова (1974, 1979, 1985). В сущности, это трехтомник: из издания в издание переходят лишь некоторые главы.

15. Таким образом, в России существуют сегодня две основные, давно сложившиеся психотерапевтические школы – московская школа клинической психотерапии и петербургская школа, в основном, психологической психотерапии. Карвасарский в упомянутом учебнике психотерапии подчеркивает разницу между психологическим и клиническим подходами в психотерапии: «если личностно-ориентированная (реконструктивная) психотерапия больше предназначена для лечения невротических расстройств и опирается на психологические основы в понимании механизмов неврозов», то клиническая психотерапия психопатических, шизотипических, хронически-шизофренических расстройств «соответственно опирается на тщательный учет клинических особенностей пациента» (с. 48).

16. Конкретная цель доклада - обратить внимание Президиума Российского общества психиатров на существующую сегодня отечественную традиционную клиническую психотерапию, которая теряется уже в широких, привезенных с Запада, потоках психологической психотерапии. А между тем клиническому психологу, работающему с больными, думается, необходимо знать, чувствовать хотя бы элементы клинической психотерапии - для того, чтобы серьезно помогать пациентам и понимать других клиницистов.

Психоаналитический вестник, 2001, № 9

О терапевтическом аспекте сеттинга

В.А.Осипов

Под понятием «терапевтическое» я буду понимать то, что продвигает пациента в сторону осознания и решения его психологических проблем, то есть в сторону излечения.

Когда говорят о терапевтических факторах или аспектах психоанализа и психоаналитической психотерапии, обычно имеют в виду работу с сопротивлением, инсайт, использование трансфера и контрансфера для понимания бессознательных процессов, толкование сновидений, интервенцию и многое другое, что можно найти в учебниках по психоанализу. Упоминается важность создания рабочего или терапевтического альянса. Не случайно З. Фрейд говорил о правилах психоаналитического лечения и сравнивал их с правилами игры в шахматы: и те и другие дают возможность для бесконечного разнообразия шагов.

Так или иначе, полезно рассматривать сеттинг как *необходимую среду*, в рамках которой и происходит психоанализ. В психоаналитической работе, как некоторой единообразной, повторяющейся ситуации, продукция пациента не может быть отброшена как артефакт и должна быть объяснена как результат психической деятельности пациента. (То же самое касается и продукции психоаналитика.)

Если же сеттинг нарушается самим аналитиком в силу каких-то неосознаваемых психологических процессов, то бессознательное пациента становится еще более недоступным. В этом смысле важность сохранения установленного сеттинга трудно переоценить, так как любая попытка изменить его должна рассматриваться как сигнал, который может указывать на наличие возникших проблем в психоаналитической работе. Без разрешения этих проблем психотерапевт легко может потерять контроль над бессознательным сопротивлением пациента, что может привести к неверному пониманию происходящего между пациентом и аналитиком. На мой взгляд, это, пожалуй, самая главная причина того, почему такое внимание уделяется сеттингу в психоанализе.

Основными характеристиками сеттинга являются *время, место и оплата*. Все параметры сеттинга рекомендуется устанавливать в самом начале работы, и любое их изменение, по чьей бы инициативе оно ни происходило, не должно быть изменено в одностороннем порядке.

Но на практике даже уже установленный сеттинг подвергается «атакам» со стороны пациента и «уступкам» со стороны аналитика. Установление сеттинга является продолжением или частью психодинамического процесса. Внешне это выглядит как борьба за правила работы или условности, "придуманные" аналитиками, но, по сути, в характере этой борьбы проявляются бессознательные конфликты пациента и способность (или готовность) его к сотрудничеству.

Предлагаемый аналитический сеттинг для многих пациентов является проблемой не только личностной, но носит социокультурный характер. Он также является проблемой и для начинающих терапевтов. При отсутствии сеттинга терапевт оказывается в ситуации, когда ему трудно выполнять свою работу, а иногда даже и невозможно. Если мы заинтересованы в *психоаналитическом* лечении пациента, то установление сеттинга становится важной психотерапевтической задачей.

Теперь мне бы хотелось проиллюстрировать на примере клинического случая вышесказанное, и какое психологическое содержание стоит за попытками пациента изменить сеттинг.

Случай пациентки С.

Пациентка С. 25 лет. Не замужем. Образование - второй курс института. На момент работы находилась в академическом отпуске. Без определенного места жительства (снимает комнату на условиях помощи сдатчику квартиры). Ребенку четыре года, рожден вне брака.

Жалобы. Плохое самочувствие, ничего в жизни не получается. Не может сосредоточиться, в голову лезут разные мысли, на работе устает. Испытывает страх, что сойдет с ума.

Сеттинг. Одна встреча в неделю. Оплата сразу после сессии. Работа лицом к лицу. В терапии была полтора года.

Анамнез. Сколько помнит себя, отец относился к ней плохо. Он мог войти в комнату, где она спала, разбудить ее и "дать затрещину только за то, например, что во время сна у нее была некрасивая поза".

Отец мог дать "ни за что по шее", не помнит, чтобы он когда-нибудь нормально разговаривал с ней. Она чувствовала себя человеком, который должен только удовлетворять желания родителей: чтобы вела себя тише воды, ниже травы. Малейшее сопротивление тотчас же пресекалось физическим наказанием. Основное кредо родителей - "не выносить сор из избы".

Ребенка пациентка родила вне брака, и почему не сложилась семейная жизнь, мне в точности не известно. Известно только, что отец с ребенком не встречается, и пациентка не желала этих встреч. Рождение ребенка вызвало негативное отношение родителей, и она была вынуждена уйти из дома, и оказалась в положении человека без определенного места жительства.

...В институте после "картошки" она решила не возвращаться домой. Завезла вещи к подруге и поселилась у девчонок в общежитии. Ночевала на полу. Потом мать подруги позвонила ее родителям, и они "вычислили", что все студенты с картошки уже вернулись. Родители поехали в общежитие и хотели ее забрать домой, но она смогла противостоять отцу, который уже начал было скандалить и драться - «но ей помогли стены». В результате С. осталась в общежитии и продолжала спать на полу. Через несколько месяцев мать появилась в общежитии и привезла гостинцев. Девчонки растрогались и сказали: "Езжай домой, нечего наговаривать на родителей", и стали ее выгонять. Она вынуждена была уйти от них, но чтобы иметь место в общежитии, устроилась на работу «мыть мужские унитазы». Через месяц ее

уволители за недобросовестную работу. На самом деле, как она предполагала, на это место устраивали другую женщину.

Пациентка С. снова оказалась без места жительства. Несколько месяцев жила на вокзале, в аэропорту, потом поселилась у подруги. Чувствовала себя гостьей, поэтому особенно себя не утруждала, как и в общежитии, уборкой квартиры. В ее обязанность входило выгонять парня подруги, когда та просила. Сама подруга не могла даже незначительный период времени обходиться без мужчины. В таких случаях она приглашала любого. Однажды подруга с этим парнем напилась. Парень решил остаться на ночь, но подруга попросила С. выгнать его. Началась драка, «я впервые ударила». Она ударила парня тазиком и разбила ему нос. Через некоторое время подруга забеременела, но не знала от кого. И она решила, что парень, которого ранее выгоняла, подходит для жизни лучше, чем другие ее любовники, так как он был тише других. Так они и поженились. С. же не могла общаться с мужем подруги, и они долгое время избегали друг друга.

В период психотерапии она часто теряла работу, искана очередное место жительства.

Отношения между родителями. Когда ничего не происходило, они особенно не обращали друг на друга внимания, но как только надо было наказывать или воспитывать детей или отстаивать семейные дела, они спланивались и выступали единым фронтом. В обычное время они мало общались с ней. С братом та же история, но он мягче, и если она «временами взбухала, то брат-нет».

Предварительный диагноз. Уровень развития: пограничная пациентка, с проблемой сепарации индивидуации. Типологическое измерение: мазохистический тип личности, с асоциальными тенденциями.

В силу того, что жизнь С. была крайне не регламентирована: не было постоянной работы, постоянного места жительства, поведение было социально не адаптивным, то следовало ожидать нарушения сеттинга. Но она превзошла все мои опасения. Обычно пациенты владеют только частью приемов, которые затрудняют работу по установлению сеттинга. Данная пациентка использовала практически весь арсенал возможных бессознательных манипуляций для того, чтобы разрушить нашу работу.

Предлагаемый случай, на мой взгляд, призван проиллюстрировать, как процесс установления сеттинга приводит к социализации пациента, и помогает выработать навыки межличностного сотрудничества, то есть имеет явно психотерапевтический аспект.

В начале работы было чрезвычайно трудно удержать сеттинг, но по мере того, как я чувствовал, что эта позиция дает позитивные результаты, стал действовать увереннее. Таким образом, терапия с этой пациенткой во многом осуществлялась через установление сеттинга.

Вот несколько примеров того, какие пункты сеттинга оказывались наиболее уязвимыми, подвергаясь атакам пациента.

Пример 1. Игнорирование терапевта. Деструктивные импульсы пациентки проявились сразу же на первых сессиях. Они выражались в

специфической манере говорить с закрытыми глазами, откинув голову на спинку кресла, полностью отключаясь от всей окружающей обстановки и от меня, и долго «возвращалась» в реальность. Временами она бормотала что-то невнятное или говорила почти неслышно, или совсем замолкала, откинув голову с полузакрытыми глазами, шевелила губами, как бы разговаривая сама с собой. Большую часть сессии я прислушивался к тому, что пациентка говорила, старался понять. Иногда вспоминала обо мне, краснела, извинялась и ...продолжала в той же манере. После окончания сессии С. долго сидела в коридоре, запрокинув голову на диван.

На следующей сессии пациентка вела себя также, и у меня возникло непреодолимое желание уйти из кабинета, чтобы не слушать ее бормотания. Она как бы не нуждалась во мне, в моей работе и в то же время, безусловно, требовала к себе внимания.

На одной из сессий я бросил реплику: «Вам, вероятно, хочется, чтобы я был поглощен только вами и ни на что другое не отвлекался?». Это замечание, видимо, столь сильно задело ее, что она даже очнулась. Так был сделан первый шаг на пути установления контакта.

Пример 2. Продолжение. Она не скоро избавилась от такого разрушающего коммуникацию стиля общения. На одной из сессий, когда стала говорить о проблемах с ребенком в обычной своей манере, я спросил ее: «Что же чувствует ваш ребенок, когда вы с ним разговариваете, как сейчас со мной?» Усмехнувшись на мой вопрос, она сказала: «Он шарахается от меня, и у него глаза становятся безумными». И через какое-то время: «Что же я делаю?»

Пример 3. Время и деньги.

Время. После высказанного мной замечания в течение всей следующей сессии я продолжал фиксировать ее попытку привлечь к себе мое внимание. После моих интервенций характер ее разговора менялся, речь становилась более четкой и осмысленной. По завершении сессии она попросила еще один дополнительный сеанс сразу же в продолжение этого. Сеттинг снова был под ударом.

Как поступить? Возникла угроза нарушения сразу двух его пунктов. Прежде всего, нарушение времени проведения сессии. Но это было бы полбеда. Важнее было удержать аналитический взгляд на происходящее, то есть увидеть в этом, казалось бы, безобидном предложении бессознательное стремление снова привлечь к себе внимание.

Деньги. Я объяснил ей, что это очередная уловка привлечь к себе мое внимание, но уже другим способом. В ответ она показала, что у нее есть деньги на второй сеанс.

Теперь она *соблазняла деньгами*. И если ей пойти навстречу, то это означало играть по ее правилам. Просьбу можно было удовлетворить, но при этом сама потребность во внимании осталась бы не проанализированной. При условии же сохранения сеттинга оставалась возможность проанализировать саму эту потребность, которая носила разрушающий характер при общении с окружающими.

Я предложил обсудить ее желание увеличить число сеансов в следующую встречу, на что С. стала настаивать на своей просьбе. При этом показала свою осведомленность, сказав, что она наслышана о такого рода профессиональных приемах психологов. Они специально оставляют человека с вопросом, чтобы он сам думал.

Я подтвердил: «Да, иногда очень полезно так поступать». Она ушла сразу, не оставаясь в коридоре, как делала это прежде.

Как следствие - на следующей сессии она смогла достаточно связно рассказать о своих родителях и вообще о своей жизни. И в конце сессии все же спросила, к чему все это рассказала. Я ответил, что на самом деле она не хотела уходить из дома, она боролась за место в семье. А то, что она не хочет уходить сразу после сеанса - это тоже желание иметь свое место. Более того, даже согласилась с моим предположением о том, что она, видимо, не хочет делить это место с другими людьми, которые меня посещают. После этого она выразила некое желание следовать правилам работы. Хотя, как она призналась, очень трудно пересилить себя и уйти.

Я дал ей понять, что это временные трудности, с которыми она справится без проблем, а суть дела - в том, что она видит во мне хорошего родителя. Согласившись, что она действительно ведет себя со мной как с родителями, долго переживала.

Пример 4. Время и деньги. Разрушающие импульсы моей пациентки были очень сильными. Если коротко: что имела, все теряла или уже потеряла. Она не имела дома, постоянной работы. В моих действиях по установлению сеттинга я видел путь к социализации пациентки, она же рассматривала это как давление родителей на ее свободу и право на личную жизнь, видела в этих действиях нелюбовь родителей к ней. Поэтому наши отношения могли развиваться по прокрученному не единожды сценарию ее ухода от родителей, из дома, с работы, если не дать ей понять, что я понимаю причины таких ее поступков.

Однако следующая атака на сеттинг была предпринята пациенткой попеременно то через *пропуски занятий, то попытками проводить занятия в долг или бесплатно*. Ее атаки на сеттинг были продолжением обычного поведения: необязательность, саморазрушение, стремление управлять мной, моим вниманием.

Состояние амбивалентности наблюдалось во всем - и в желании «то ли уйти, то ли остаться», и в непоследовательности и хаотичности поведении. В этом, наверно и заключалось и ее сумасшествие, и страх сойти с ума, когда она только ко мне пришла.

Это происходило следующим образом. Сначала она пропустила две сессии и спросила, можно ли занятие провести в долг? Почему бы нет, сказал я, если она принесет деньги в следующий раз. Я знал про ее материальное положение, но также понимал, что дело не только в этом. Не было сомнений, что после неудачной попытки нарушить сеттинг она обязательно предпримет очередную попытку воспроизвести отношение «родители - дети», но уже иным способом. Что и подтвердилось. Сразу после этой, в кредит

состоявшейся сессии, пропустила еще две последующие. Таким образом, не оплатив, исчезла еще на две сессии.

Происходило это так: перед сессией звонила и говорила, что к следующей встрече она заработает и принесет деньги за пропущенное занятие. Но денег, видимо, не заработала снова. Следующий звонок: «Деньги будут». Предыдущая сессия была оплачена, а текущая вновь была проведена в долг.

В результате у меня возникло сильное искушение не прерывать начатую работу, которая и без того давалась с трудом, но я удержался от контрпереносных родительских чувств «взять ее в дочери».

Понимая, что процедура установления сеттинга является частью протекающего психодинамического процесса, я все-таки предложил ей пропустить одну оплату, входя в ее тяжелое финансовое положение. Хотелось быть более реалистичным и не все интерпретировать в понятиях трансферно-контрансферных отношений, сделав «тем самым ей посильной оплату, чтобы не прерывать терапии». (Нетрудно усмотреть здесь мою рационализацию.) Но пациентка сама предложила, что придет на занятия после того, как все оплатит, и я не стал возражать. Она стала испытывать чувство вины.

Так она решила регулировать оплату и посещения сама, и я должен был разрешить эту проблему, не покидая аналитической точки зрения на происходящее. Иными словами, я должен был рассматривать пропуски и задержку в оплате и как бессознательное желание манипулировать мной и как сопротивление моему воздействию на нее.

Пример 5. Отрицание успехов в терапии. Проиллюстрирую проявление ее деструктивных импульсов, трудности ее социализации. Как только стало намечаться улучшение в ее психологическом состоянии, мы стали говорить о возможности найти хорошую работу, которая могла бы обеспечивать ей лучшее существование. После этого она нашла такую работу через человека, который рекомендовал ее мне для психотерапии и принимал участие в ее судьбе. Она стала оператором на компьютере. К ней отнеслись очень хорошо и сослуживцы и руководитель, который лично обучал ее работе. Но она установила себе не восьмичасовой, а одиннадцатичасовой рабочий день, причем без перерыва на обед. Руководитель много раз отправлял ее домой, но ей казалось, что она плохо работает. В конце двухнедельной работы ей выплатили зарплату, дали премию, но она не была готова к позитивным переменам в своей жизни. Пациентка подала заявление об уходе, оставив при этом часть денег, которые она посчитала не заработанными, и вычла за свое обучение. Руководство пыталось убедить ее остаться, но она все-таки ушла. Появившись на сессии, она сказала, что у нее снова трудности с работой, с деньгами и она снова не может найти работу. При этом упорно возвращалась к идее стать мало оплачиваемым курьером. Проблемы с оплатой занятий и посещениями возникли незамедлительно.

Пример 6. Телефонный разговор. Прошло две недели. Я сам позвонил ей, чтобы узнать о ее планах по поводу продолжения занятий. Телефонный

разговор не получался: вместо того чтобы дать мне конкретный ответ, она постоянно извинялась за то, что не смогла прийти. Сначала она истратила деньги, потом не смогла достать их. Я сказал ей, что наш разговор напоминает известную ситуацию из рассказа А. Чехова, где чиновник постоянно извинялся и, в конце концов, умер от чувства вины. Через некоторое время она снова стала извиняться, а также упрекать меня в том, что я «говорю не таким голосом», что «обычно я говорю не так». Я действительно чувствовал раздражение, потому что конкретного ответа на вопрос, придет ли она на сессию, не получал. Я ответил, что каждый человек кузнец своего несчастья и что мне важно только одно - продолжаем ли мы терапию или нет. В противном случае вопрос буду решать сам. Безусловно, для меня такой поворот разговора был неприятен: возникала уже собственно моя проблема принятия решения, и ее разрушительные импульсы были очевидны. Без восстановления сеттинга терапия могла оборваться.

Я окончательно понял, что вольно или невольно всерьез дискутируя с ней по телефону по поводу тех или иных моментов ее жизни, затрудняющих ее приход на занятия, оказывался втянутым в ее деструктивные позиции. В последующих разговорах по телефону я старался быть кратким, информативным и свести разговор только к обсуждению нашей очередной встречи.

Пример 7. "Нестандартное поведение". После нескольких телефонных разговоров она снова появилась. Пришла и села на пол за шкаф у умывальника, не снимая куртки. Молчание.

Я: Вы сидите там, как маленький ребенок.

С: Я так всегда садилась. Когда меня обижал отец.

Я: Я чем-то напомнил вам отца?

С. (*через некоторое время*): Можно, я сяду в кресло?

Я: Да.

С: Я тогда и куртку сниму. (*Сняла куртку, повесила, стала смотреть на свои джинсы.*) Я испачкалась.

Только после этого сессия вернулась в обычное русло.

Пример 8. Время и деньги (повторение поведения из примера 3). После окончания этой сессии она говорит: "Давайте позанимаемся еще час".

Я: Нет, наше время закончилось, мы встретимся в другой раз.

С: У меня деньги есть. (*Достает и показывает мне деньги за следующую сессию.*)

Я: Мы в следующий раз обсудим ваше желание провести дополнительное внеочередное занятие.

Таким образом, через удержание заданных параметров сеттинга я проводил социализацию пациентки.

Нет смысла описывать все попытки ее атак на сеттинг, но стоит привести результаты борьбы за сеттинг и положительные следствия установления правил.

Прежде всего, останавлиюсь на ее попытках продолжать цепляться за свои мазохистские и деструктивные способы защиты. Дело в том, что борьба

за свой привычный образ жизни продолжалась и распространялась на нашу работу. Неустроенность в жизни, отсутствие денег, постоянной работы и своего дома, хаосом в распорядке дня так хорошо перекликались с основными требованиями правил сеттинга - деньгами, местом и временем (расписанием проведения занятий), что борьба за сеттинг стала генеральной линией терапии.

Пример 9. Место. За отказ от дополнительных занятий, а на психологическом уровне «за то, что я не принял ее, она решила уйти сама». Те же бесхитростные приемы, что и с родителями. Уйти, чтобы добиться своего. Вспомним, что важным моментом в период ухода из дома была проблема с жильем (находила, обустривалась, снова теряла). Сейчас все повторилось. Когда мы это обсуждали, то она пыталась меня уверить, что ей негде жить с ребенком. Я утверждал, что она имеет право жить в своем доме, тем более что у нее есть своя комната. Затаившаяся обида на родителей не проходила и, казалось, временами даже искусственно поддерживалась.

На тот момент складывалась следующая ситуация. Безвыходность своего положения С. обставила и обосновала достаточно внушительно. Пациентка узнает у каких-то знакомых, что за городом есть пустующие дома, предназначенные на слом, и в которых проживают беженцы и все, кому негде жить. Попросту форма самозахвата квартир. Жильцы этих домов подвели самостоятельно электричество от электропередачи, поселились в квартирах, врезали замки и живут. Она решила, что ей надо поступить также. Что

она и сделала. Но происходило это так. Приехав со своей знакомой в этот дом, она с одобрения своей знакомой поставила новый замок в квартире, в которой уже жил какой-то мужчина, но давно не появлялся. Они вытащили его телевизор и вообще все его вещи в коридор. На сессию она приехала очень встревоженная. Где-то на подсознательном уровне она понимала, что поступила не так, как полагается, и ей была нужна моя поддержка.

Однако поддержки на сессиях своим поступкам она не получила. Я сказал ей, что у нее нет гарантии сохранения своего здоровья и имущества, если она предпочитает жить в занятой кем-то квартире, вместо того чтобы пересилить страх и переехать домой к родителям. Она почувствовала страх, который вытесняла из сознания раньше, ночуя на вокзале или у подруги, где ей приходилось драться. Она стояла перед выбором: жить под страхом агрессивных действий мужчины, квартиру которого она заняла, или вернуться в свою собственную, где был «страшен» отец.

Через некоторое время она пришла к выводу, что ей надо переселяться к себе домой (на свое место). Для нее это было трудным решением, так как означало взять ответственность за себя и за ребенка и отказаться от привычного уже образа жизни. Поэтому последняя попытка отыграть детско-родительские отношения со мной выглядела следующим образом.

Пример 10. Ребенок на сессии. Полностью отказаться от своей инфантильной позиции она не могла. Следствием явилось то, что на одну из следующих сессий она пришла с ребенком. Это происходило на фоне ее

возвращения домой и трудностей, возникших там. Эти трудности, по ее словам, заключались в том, что, не доверяя своим родителям, она не могла оставить ребенка и пойти на работу. Причинами являлись плохое отношение ее родителей к ребенку и ее страхи, что они будут его бить. В разговорах на эту тему она естественно отвергала возможность отдать его в детский сад, ходя бы на часть дня. Отдать в детсад было также страшно, к тому же ребенок часто болел.

Она трижды приводила ребенка на сессии. При первом же посещении мы обнаружили, что ребенок требует к себе постоянного внимания, что он не может занять себя, не слушается и поминутно заглядывает в дверь, явно ревнуя и не позволяя матери оставаться со мной наедине. Вел он себя временами агрессивно, стараясь

привлечь к себе внимание, заглядывал в глаза, просился ко мне на руки, потом прижимался к матери и смотрел на меня с неприязнью. Все это происходило либо при ее полном одобрении, либо при слабо выраженном запрете. Запреты были не запретами, а уговорами неразумного импульсивного существа. С точки зрения внешних характеристик сеттинга сессия прошла впустую. Однако главное было сохранить внутренний сеттинг (аналитический взгляд), то есть не потерять понимание происходящего. По ходу я пытался делать некоторые замечания относительно происходящего в кабинете. Я отмечал ревность ребенка, я старался быть терпеливым и не раздражаться на столь сильное разрушающее действие. В конце сессии она поняла непродуктивность такой работы.

Перед следующей сессией она позвонила и сказала, что ей опять не с кем оставить ребенка и спросила разрешения прийти с ним. Я ответил, конечно, она может прийти с ребенком, если он не будет ей мешать. Я сделал ударение на слово «Вам».

С. снова пришла с ребенком, но он вел себя тише, хотя также вызывал неудовольствие с ее и моей стороны. Опять сессия не была проведена, как ей бы хотелось, ребенок был ей в тягость. Приводя ребенка в кабинет, она давала мне почувствовать тяжесть своего положения, и пыталась мне это продемонстрировать. Я сказал ей об этом, она сильно покраснела, но ничего не сказала.

Ребенок на сессии больше не появлялся. Она стала оставлять его с подругой, у которой был ребенок того же возраста.

Окончание терапии. В ходе психотерапии я продолжал свою линию поведения на установление сеттинга, который периодически атаковался пациенткой телефонными разговорами, которые она пыталась со мной вести и подменять ими наши сессии. Я ясно давал ей понять, что сессий по телефону не будет. Все телефонные разговоры были по возможности краткими. Кроме того, я дал ей понять, что принимаю и с ребенком и без него, но только в установленное нами время, и за плату и на рабочем месте в кабинете, эти параметры больше ею не оспаривались. Таким образом удалось социализировать наши отношения: она приходила только в свое время, в кабинет и только за деньги. Сеттинг установился.

Подходило лето, и у нее возникла идея отправить ребенка на лето в пионерский лагерь. Что она и сделала. Осенью наши занятия прекратились. Теперь она устроилась на работу и смогла жить в своей квартире с родителями, продолжая ограждать ребенка от общения с ними.

Встреча после психотерапии. Последний раз она пришла после окончания психотерапии через год вместе с ребенком и попросила консультации. Я отметил, что ребенок, который был достаточно ревнив и агрессивен ко мне, в этот раз протянул руки, улыбался и в нем не было ничего угрожающего в плане его психического развития.

С. прошла в кабинет, оставив ребенка в коридоре. Меня приятно удивило, что он не капризничал и не рвался в кабинет. Она села и рассказала, что работает, ребенок ходит в детский сад, а она получила комнату в общежитии. Довольная своими успехами, она откинула голову на спинку кресла, закрыла глаза и я подумал, что вот, снова все начинается. Мне показалось, что я ничего не добился в психотерапии с ней, что она снова забормочет себе под нос. Но тут она открыла глаза, потрясла головой и энергично сказала: «Нет, не хочу, я здесь снова как будто оказываюсь в том состоянии, когда к вам ходила». Встала, поблагодарила за терапию, и мы расстались.

Резюме. Данный пример призван проиллюстрировать терапевтический аспект сеттинга для пациентов с асоциальными тенденциями. Для данного типа пациентов сеттинг является большой психологической проблемой. Именно поэтому следует смотреть на сеттинг как на психодинамический процесс, а не как на некоторую формальную процедуру, декларирующую правила наших взаимоотношений по созданию среды, в которой нам удобно работать. В данной работе я попытался проиллюстрировать то обстоятельство, что любое нарушение сеттинга пациентом не является случайным, а есть продолжение глубинных бессознательных проблем пациента, которые необходимо анализировать, а также то обстоятельство, что для пациентов с асоциальными тенденциями установление сеттинга несет в себе ярко выраженный терапевтический аспект.

Психоаналитический вестник, 2001, № 9

Феномен «Мёртвой матери»

О.Н.Павлова

*«Основное настроение человека —
депрессия за исключением праздников».*
Д.Винникотт

Эту статью мне хотелось бы посвятить рассмотрению некоторых, на мой взгляд, основных особенностей феномена «мертвой матери», его теоретических и клинических аспектов. Затронутая нами проблема приобретает в настоящий момент особую значимость в клинике психических заболеваний, так как она имеет самое непосредственное отношение к травме и к депрессии, которые в последнее время стали актуальными факторами психической патологии в современном мире и в частности в России.

Феномен «мертвой матери» был выделен, назван и изучен известным французским психоаналитиком Андре Грином сравнительно недавно. В работе «Мертвая мать», вышедшей в свет в 1983 году, и пока не переведенной на русский язык, Грин использовал в качестве парадигмы изучения психических явлений детский ответ на травматическое разрушение связи между ребенком и матерью на самых ранних периодах жизни индивидуума. Эта работа поднимает определенные фундаментальные теоретические вопросы в отношении реконструкции прошлого и взаимосвязи между травмой в младенчестве и раннем детстве и последующей психопатологией. Введенное им в психоаналитическое употребление символическое понятие «мертвая мать» можно по праву назвать базовым по отношению к исследованию происхождения травмы и проблем ее реконструкции. А также очень важно отметить, что феномен «мертвой матери» может быть увиден как освещающий некоторые основные моменты психодинамики личности в парадигме практики и теории психоанализа.

Исследуя истоки развития личности в онтогенезе, Андре Грин вслед за Карлом Абрахамом считает отнятие от груди центральным моментом в психоэмоциональном развитии ребенка. Но, в отличие от многих других исследователей, он говорит о том, что потеря груди не всегда становится драматичной для ребенка. «Страх, тревога потери объекта живет в каждом из нас», - пишет Андре Грин, и для нарушения развития, с его точки зрения, должны быть созданы необходимые условия. В качестве главного пре-диспозиционного фактора, способствующего психической травма-тизации, он выделяет депрессию матери. В этом отношении важно сразу отметить, что материнский аффективный уход от младенца или маленького ребенка это относительно часто встречающийся, общий случай, в то время как, например, синдром «мертвой матери», который обнаруживает тяжелую психопатологию, является достаточно редким в клинической практике. Важную роль в разнообразии реакций ребенка на эмоциональное отсутствие

матери играют внутриспсихические селективные процессы, работающие над изживанием травмы. В связи с этим А. Грин акцентирует наше внимание на имеющей место разнице в депрессивном существовании матери либо как на хронически депрессивной, либо как на матери, которая внезапно на один день становится таковой.

Что же может стать причиной, погружающей мать в депрессию? А. Грин выделяет следующие жизненные стрессовые ситуации: обман мужа, смерть родителей, прерывание беременности, выкидыш. Эти моменты, запускающие депрессию женщины, что имеет большое значение в клинике аффективных нарушений, могут быть передающимися из поколения в поколение от матери к дочери. Для описания этих случаев Грин использует термин С. Лебовиси «трансгенерационная передача». Мы не случайно акцентируем внимание на этих идеях - они имеют непосредственное практическое применение в психотерапии пациентов с тяжелыми депрессиями. Проведение параллели между материнской депрессией и запускающими ее факторами у пациента с аффективной патологией приводит не только к имеющему особую терапевтическую ценность пониманию того, что мать была больна, но и к осознанию идентификации с матерью и с ее расстройством. Смещение акцента у одной моей пациентки с переживания матери как не желающей понять ее и дать ей то, что она просит, а именно позитивные чувства любви и привязанности, на восприятие матери, как не могущую их дать, привело к серьезным *терапевтическим сдвигам в нашей работе с ее депрессивным мироощущением.*

В терапии пациентка К. смогла отделить свой мир от ощущения себя существующей в фантазии с кладбищами, гробами и мертвецами, то есть от мира матери, живущей неоплаканной потерей внезапно ушедшего из жизни мужа. И что удивительно, она смогла в терапии протянуть трагическую ниточку событий вглубь времен, и «вырисовалось древо жизни с корнями, погруженными в прошлое» (Лебовиси С, 1996). Как оказалось, дедушка, муж бабушки моей пациентки по материнской линии, по семейному преданию, погиб очень молодым, когда мама моей пациентки была еще маленькая. Суть произошедшего заключается в том, что он знал, что погибнет, и бабушка это знала, но не удержала его. Такая же «случайность» имела место и в семье моей пациентки, когда ей было 7 лет. Ее отец, улетаая на самолете в отпуск, почему - то предполагал, что самолет разобьется и мама тоже магически чувствовала, что может случиться непоправимое, и все-таки отпустила его. Данная семейная история является своего рода «трансгенерационным мандатом» С.Лебовиси, передающимся из поколения в поколение в данном случае от бабушки к матери и до моей пациентки. Это повторение драмы прошлого в терапии мы с моей пациенткой смогли увидеть воочию, когда ее гражданский муж собрался ехать в Чечню на поиски своего пропавшего друга. В тот момент моя пациентка пришла ко мне на встречу со словами, что она думает, что ее мужчина погибнет, и она останется безутешной вдовой, и она точно знает это, но не может его не отпустить. Поднятые ситуацией переживания вывели нас на мысль о том, что есть некая связь между ней,

матерью и бабушкой, которая обеспечивает некую преемственность и принадлежность ребенка этого рода к матери. Счастливая девочка и недепрессивная молодая женщина, имеющего живого мужа не могла бы быть дочерью своей матери. Целью мандата было передать потерю и существование в депрессии, дабы сохранить пространство отношений и связь с матерью.

Что же мы видим в этой особой реальности, в пространстве ранних диадных отношений? Мать, по мнению А. Грина, находится рядом с ребенком и в то же время она погружена в состояние депрессии. Ребенок не знает, что заботит мать. Эмоционально отвергающая ребенка мать не может понять его и, соответственно, дать то, что ребенку надо. Сложившаяся ситуация приводит к серьезным изменениям в психике ребенка, который не знает, что же на самом деле происходит. Именно в этот момент ребенок теряет всякое значение отношений с матерью, что в последствии в течение жизни найдет отражение в обесценивании и потере отношений с другими людьми. Мы можем резюмировать, что чувство, которое устанавливается у ребенка в самых ранних отношениях с его матерью, является базовым, на основании которого и складывается его дальнейшее взаимодействие с другими людьми. Приходя в терапию, пациенты с такими трудностями психического функционирования не могут понять, как аналитик может помочь им в их тяжелой жизненной ситуации. Ими, как правило, владеет сильный страх формирования отношений. По этой причине они с трудом устанавливают перенос, и, если это все же происходит, то проецируют на психотерапевта образ своей депрессивной матери, видят терапию как «мертвые отношения» и в соответствии с этими переносными условиями испытывают в анализе чувства, что это все только некоторое добавочное страдание к уже имеющемуся у них. В качестве примера отвержения терапевта пациентом как реального помогающего объекта, приведу небольшой, но точно отражающий описанную нами проблематику «мертвого анализа» и «мешающего аналитика» фрагмент из первого сна, принесенного моей пациенткой в терапию: «Я тяжело иду в гору, у меня в руках велосипед, на котором я не могу ехать, и я вижу женщину, она идет со мной рядом и запикивает палку в крутящееся колесо велосипеда». Спектр оценок пациентов с феноменом «мертвой матери» колеблется от полного игнорирования психотерапевта и его роли в судьбе пациента до активного неприятия всего комплекса мероприятий анализа.

В настоящее время некоторыми исследователями феномен «мертвой матери» рассматривается не как единое пространство психического расстройства, а как область нарушений, имеющих некоторое психопатологическое разделение. Например, А. Мо-делл (Kohon, 2000) предлагает ввести следующие клинические категории и отделить синдром «мертвой матери» от комплекса «мертвой матери». Термин «синдром «мертвой матери», с его точки зрения, может быть использован для того, чтобы описать в крайней степени злокачественный клинический симптомокомплекс, который А. Грин видит как ситуацию, при которой

имеет место первичная идентификация с эмоционально мертвой матерью. В то время как термин «комплекс «мертвой матери» А. Мон-Делл предлагает использовать для того, чтобы показать возможность целого спектра индивидуальных ответов ребенка на хронически депрессивную, эмоционально отсутствующую мать. Как пример комплекса «мертвой матери» А. Монделл приводит воспоминания известного психоаналитического исследователя Гюн-трипа. В работе «Мой опыт анализа с Фейерберном и Винникоттом» Гюнтрип рассказывает о том, как он реконструировал с Д. Винникоттом свой детский опыт депрессивной и эмоционально недоступной матери, не смотря на то, что сам он не страдал от синдрома «мертвой матери». В Гюнтриповских исследованиях самого себя можно обнаружить лишь некоторое присутствие комплекса «мертвой матери», который в его случае не вел к эмоциональной омертвелости, то есть идентификации с депрессивной матерью и выражался только в гиперчувствительности к шизоидным состояниям ухода других людей. Сходное проявление патологии комплекса «мертвой матери» я наблюдала в процессе первого года психотерапии с одним моим нарциссическим пациентом. У данного пациента я не обнаружила тотальной идентификации с мертвой матерью. Но, не смотря на то, что он был в достаточной мере эмоционально наполненным, он очень остро, агрессивно реагировал на проявление малейшего невнимания по отношению к его личности со стороны работников сферы обслуживания. Эти эпизоды игнорирования оценивались им как недопустимая оплошность с их стороны, за которую «менеджеров, занимающихся непонятно чем, надо выгонять с работы». Такие моменты вызывали у него бурю агрессивных чувств. Мой пациент считал, что это их «долг». Он с ударением произносил словосочетание «святая обязанность», за которую они получают деньги, заметить его, стоящим у справочного окошка и заняться им, или объяснить ему, почему в данный момент они не могут уделить ему внимание, иначе его чувства становятся нестерпимыми и ищут выход лишь в частично осознаваемом им агрессивном поведении. Я интерпретировала его возмущение как «младенческий плач», как попытку привлечь мое внимание, которое он не чувствовал из-за активации трансферентных переживаний комплекса «мертвой матери». В этот момент, возможно, он бессознательно ассоциировал меня со своей матерью и внутренне ощущал, что для того чтобы ему докричаться до «эмоционально глухой» матери ему надо делать это сразу и изо всех сил.

Рассмотрим теперь некоторые другие интересные с клинической точки зрения особенности феномена «мертвой матери». По мнению А. Монделла, комплекс «мертвой матери», функционирующий в психике индивида, не развивается с течением времени в синдром «мертвой матери». Таким образом, мы фактически имеем две независимые составляющие феномена, которые, как мы рассмотрели ранее, принимаются разными авторами, и в том числе А. Грином, как два различных самостоятельных психических нарушения. К примеру, ранняя потеря мысленного объекта, всегда удовлетворяющего, с точки зрения А. Грина, может приводить к двум

исходам: к депрессии или к пустоте психоза. А. Грин называет ощущение переживаемой индивидом тотальной пустоты — бланковой депрессией, которая имеет отношение к отсутствию эмоционального вклада или декатексиса. Эти декатектированные состояния возникают из-за потери значения отношений, о чем мы уже упомянули выше. Как образуется эта пустота? Для этого мы остановимся более подробно на описании процесса катексиса. Мы знаем, что каждый образ или объект в психике человека обязательно катектируется. Это значит, что в его психическую репрезентацию происходит некоторое энергетическое вложение.

Таким образом, по А. Грину, «катексис» - это то, что делает жизнь человека плохой или хорошей, но обязательно имеющей значение. Важным моментом является также утверждение А. Грина, что человек открывает катексис только тогда, когда ощущает, что теряет его. Эта потеря катексиса, которая играет ключевую роль в формировании феномена «мертвой матери», происходит приблизительно на 8-9 месяце первого года жизни ребенка, когда формируется привязанность к матери. В этот же момент ребенок начинает узнавать фигуру отца, как третье лицо, участвующее в его отношениях с матерью. Но сам «комплекс или синдром «мертвой матери»», по мнению А. Грина, проявится значительно позже, уже в Эдиповой ситуации. В этот момент среди прочих психодинамических факторов отмечается присутствие сильного желания матери в Эдиповой констелляции. Но это желание, по мнению А. Грина, не включает в себя мать, оно имеет вложенный неизвестный объект тяжелой утраты. В этот момент у ребенка может наблюдаться компенсаторная преждевременная привязанность к отцу. В случае младенца женского пола данные отношения сильно эротизируются, девочка думает, что хоть отец сможет быть эмоциональным и «спасет» ее. Но нередко бывает так, что отец оказывается таким же неспособным, как и мать. Описывая происходящее, А. Грин использует понятие «мертвого отца» по аналогии с феноменом «мертвой матери». Но все же, главным фактором формирования феномена «мертвой матери» являются особенности диадных отношений, заложенные ранее, и которые характеризуются как имеющие в своей основе амбивалентную привязанность. На физиологическом уровне мать может оказывать идеальный уход, но эти манипуляции со стороны матери над ребенком имеют невротический вид: насильное кормление ребенка, когда он не хочет или грудь выдается «строго» по часам, стерильное соблюдение чистоты, бесконечная «глажка» пеленок вместо живого общения с ребенком, раннее приучение к горшку. Когда такая мать берет ребенка на руки, мы можем наблюдать демонстрацию отвержения матери со стороны ребенка: он выгибается дугой, отворачивается. В этом ребенке не отражается любовь матери, которая все поглощает сама, и в психическом ребенка возникает «черная дыра». Такая эмоциональная пустота, яма, чернота сопровождается интенсивными переживаниями тревоги. Эта сильная тревога, не является кастрационной, имеющей отношение к Эди-повому комплексу, а скорее возникает вследствие потери объекта. В данном случае мы можем говорить о сепарационной тревоге, обусловленной душевной раной, не

связанной с телесными повреждениями как при страхе кастрации на фаллической стадии. Одна моя пациентка, ощущающая постоянное беспокойство по поводу своей матери, рассказывала, что все лучшее, все лакомые кусочки доставались и достаются не ей, а ее матери. Она твердо уверена в этом, что так было всегда, даже когда она была совсем маленькая. Именно ее мать занимает место в «центре тепла», а о себе она говорит: «я всегда с краешку, чуть - чуть греюсь». Пациентка К. произносит эти слова с горечью, болью и обидой.

Такая вышеописанная нами «дыра» в психике индивидуума является следствием наблюдаемого деструктивного материнского отношения к ребенку. Ребенок теряет свою мать, но не реальную, а воображаемую, и у него к матери на этом этапе не возникает ненависти, вместо нее есть только рана и боль как реакция на душевную травму. С утратой символического объекта осуществляющего первичный уход теряется либидонозно-сексуальный ка-тексис, не происходит либидонозного вложения в объект. В этот момент ребенок погружается в депрессию и перестает развиваться. Это может выражаться в сильном замедлении физического развития, особенно отражаясь на росте ребенка. Эти дети часто имеют недостаточный для них рост и вес. Такой процесс либидонозного изымания объекта матери из «головы» ребенка А.Грин называет декатексисом или психическим убийством матери ребенком.

На втором этапе формирования структуры ««мертвой матери»» происходит бессознательная идентификация с мертвой матерью и вторичное заполнение образовавшейся «дыры» ненавистью, что может выражаться в зеркальной симметрии отношений между матерью и ребенком. Как пример можно привести слова одной моей депрессивной пациентки о том, как они с мамой обмениваются взглядами ненависти: в глазах матери она видит отражение своих скрываемых чувств.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующий вывод, что феномен «мертвой матери» является следствием двух целенаправленных движений в одном процессе потери: сначала преобразование и аннулирование вклада первичного материнского объекта и затем идентификация с инкорпорированным объектом, который на деле оказывается мертвым.

Еще одним важным моментом, который стоит отметить, является то, что в описании процесса интернализации «мертвой матери» как объекта А. Грин использует термин «имаго», так как он имеет непосредственное отношение к конструкции пациента или, по - другому, к внутренней репрезентации матери, которая не обязательно эквивалентна памяти о настоящей личности матери. Употребление термина «имаго» указывает нам, прежде всего, на то, что идентификация с «мертвой матерью» является бессознательной. Но при этом, однако, все же нельзя совсем исключить роль исторической матери в образовании ее внутренней объект -репрезентации. По этой причине необходимо более подробно остановиться на некоторых моментах исследований, связанных с интернализацией образа матери. Надо сразу

отметить, что на сегодняшний момент имеются разные взгляды на некоторые проблемы, связанные напрямую с комплексом и синдромом «мертвой матери». Например, точка зрения А. Монделла отличается от выводов А. Грина в одном очень важном моменте. Последний утверждает, что успешная психотерапия пациентов может открыть память о периоде материнской эмоциональности, который предварял ее депрессию. Изученные же А. Монделлом случаи подтверждают, в отличие от гриновских примеров, совсем другой жизненный сценарий. Материнская мертвость, по мнению А. Монделла, не переживается как дискретный эпизод с началом и концом. Таким образом, он не находит того периода, где мать была бы эмоционально жива. С точки зрения пациентов А. Монделла, реконструкция образа матери, приводит их к тому, что мать видит-, ся ими скорее как имеющая постоянный характерологический дефицит, нежели чем страдающая от временно ограниченной депрессии. А. Монделл отмечает, что некоторые его пациенты вообще не распознавали материнскую депрессию как таковую. Исходя из этого соображения в многих случаях работа психоаналитика по реконструкции материнского эмоционального отсутствия и депрессии имеет важный терапевтический эффект, так как некоторые из этих пациентов свято верят в то, что их мать отвернулась от них из-за присущей им от рождения дефективности и плохости.

Феномен «мертвой матери» может также иметь место в случае, если мать отрицает, что у ее ребенка есть внутренний индивидуальный мир, отдельный от ее собственного. Этот факт может быть связан с отсутствием у нее опыта переживания чувственного мира других людей. Последствия такого отрицания матерью внутреннего мира ребенка могут быть опустошающими. Признание уникальности психического мира ребенка матерью будет эквивалентно признанию, что он психически живой. Если этого не происходит, то налицо некий факт отрицания матерью, что этот ее ребенок - живой человек. Следующим шагом в этом направлении будет вывод о том, что такие чувственно неспособные матери, не признавая психическую живость своих детей, желали, чтобы их дети не существовали, чтобы их младенцы были мертвы. Такому ребенку не пожаловано разрешение быть личностью, существовать как имеющему мир, уникальный и отдельный от материнского. Таким образом, непризнание матерью детской психической живости ощущается ребенком как отказ в разрешении к его существованию. Такой отказ ребенку, в свою очередь, приводит к запрещению всех желаний младенца. Это может быть сформулировано следующим образом: если кто-то не имеет права существовать, значит, этот кто-то не имеет права и желать. Отсутствие желаний у ребенка с синдромом «мертвой матери» со временем трансформируется в неспособность испытывать удовольствие. Важно, что у такой личности отсутствует удовольствие от себя самого и собственного существования, удовольствие от «просто быть». И если ему каким-то образом все же удастся получить хотя бы небольшое удовольствие, у него складывается стойкое убеждение, что за ним должно последовать наказание.

Есть еще один аспект феноменологии «мертвой матери», указанный А. Монделлом, который обязательно нужно здесь рассмотреть. Он имеет отношение к обработке аффектов. Всеми признано, что нарушение в ранних отношениях между матерью и ребенком вносит свой вклад в относительную неспособность ребенка регулировать свои аффективные реакции. Это положение базируется на том, что младенческие гомеостатические процессы регулируются совместно и ребенком и матерью. Это нарушение в регулировании аффектов может нарастать из-за асинхронное™ в детско-материнских отношениях, так как в соответствии с теорией Биона мать является контейнером и инициатором первоначальной детской тревоги. Наблюдаемый у ребенка страх переживания интенсивных чувств убеждает нас в том, что его аффекты в действительности неконтролируемы. Если мать эмоционально недоступна для ребенка, она также дистанцирована от себя самой и от своего тела и эта диссоциация между душой и телом транслируется ребенку. Таким образом, мать доказывает свою неспособность содействовать ребенку в его переживании аффективного опыта. В этих условиях самость ребенка будет затоплена или перевернута вверх ногами.

В ряду многих других исследователей феномена «мертвой матери» мы по праву можем назвать имя Даниила Штерна. Он в своей работе «Один способ сделать из ребенка больного», признает, что написал ее под влиянием концепции «мертвой матери» А. Грина. В своих наблюдениях за младенцами, перекликающихся с психоаналитическими исследованиями первого года жизни ребенка Р. Шпица, Д. Штерн увидел и описал младенческую микродепрессию, являющуюся результатом неудачных попыток оживить мать:

«Мать прерывает контакт глазами и не делает попыток восстановить его. В очень малой степени она является отвечающей ребенку. Мать не воодушевлена взаимодействием с ним. Эти материнские послы вызывают резонанс в душе ребенка: у него также пропадает воодушевление, возникает чувство опустошения, исчезают позитивные аффекты, отмечается мимическая бедность, уменьшается активность. Этот опыт можно описать как микродепрессию».

Д. Штерн отмечает, что после того как все попытки ребенка вернуть мать к жизни, возвратить ее эмоциональность проваливаются, ребенок пытается быть вместе с ней любым способом, а именно путем ее имитации или идентификации с ней. Эти идеи Д. Штерна сопоставимы с точкой зрения А. Грина на его пациентов как на страдающих от первичной идентификации с мертвой матерью. А. Грин считает, что «мертвая мать» - это прежде всего присутствие отсутствующей матери, или он еще называет это явление «мертвым присутствием». Это значит, что такой младенец всем своим видом показывает: «Если я не могу быть любимым моей матерью, я сам стану ей». Эту первичную, всеобщую идентификацию можно назвать центральной характерной чертой, отличающей синдром «мертвой матери» от симптома «мертвой матери». Многие пациенты, по мнению А. Монделла, счастливо избегают синдрома «мертвой матери», благодаря механизму

контридентификации. Они становятся противоположностью своей матери, и это позволяет им быть только частично мертвыми, что возвращает им переживание своей индивидуальности, предохраняя их чувство различия между самостью и объектом. По контрасту с этим, в случае первичной идентификации с матерью, индивидуальность пациента полностью потеряна, в соответствии с фантазиями пациента как будто затоплена внутри его матери. В этом случае личность состоит из интернализированных элементов, пережитых ребенком материнских бессознательных установок. К примеру, мать, которая выглядит как «хорошая» может переживаться ее дочерью на самом деле как наполненная ненавистью. Соответственно дочь может идентифицироваться с этими ложными аспектом личности матери и также быть «хорошей» как и ее мать, но с подстилающими эту «хорошесть» чувствами ненависти. Мать игнорирует внутренний мир дочери, а дочь, в свою очередь, конструирует свое психическое исходя из того, что она воспринимает как материнские бессознательные установки. Этот механизм и является тотальной идентификацией с мертвой матерью, которая не способна любить других и вообще кого бы то ни было.

Д. Штерн в связи с этим ввел очень полезную и точную метафору в отношении феномена «мертвой матери». Он назвал ее «схемой быть с...». Эта концепция достаточно точно описывает состояние ребенка находящегося лицом к лицу с депрессивной матерью. Она отражает нарушение в развитии и может быть использована как парадигма хронической травматизации, которая является результатом ранней нарушенности отношений между ребенком и матерью, которая неоднократно на протяжении всей жизни подтверждается.

В настоящее время мы с уверенностью можем сказать, что если не брать во внимание психотических пациентов, синдром «мертвой матери» остается одной из наиболее трудных проблем, с которыми можно встретиться при психотерапевтической работе с пациентами. Патология феномена «мертвой матери» включена в тяжелые шизоидные, аутистические и нарциссические расстройства и проявляется, по мнению А. Грина, лишь в переносных отношениях в психоаналитической психотерапии или психоанализе. Очень часто пациенты с такой патологией не жалуются на депрессию. Скорее мы слышим следующие нарциссические запросы: мне скучно, у меня внутри пусто, мне холодно, мне нечем себя занять. Если мы все же диагностируем синдром «мертвой матери» у обратившегося в психотерапию, то работа с таким пациентом должна начинаться с создания безопасной атмосферы лечения, с принятия такой личности со всеми ее тяжелыми переживаниями. И мы, прежде всего, должны задать себе вопрос, можем ли мы вынести его, испытываем ли мы эмпатию по отношению к данному человеку. Дальнейшая тактика работы в психотерапии должна быть направлена на создание внутреннего принимающего и любящего образа матери. Очень важно в данной ситуации для психотерапевта уметь молчать, не фрустрируя этим пациента, терпеливо ждать, пытаясь эмпатически вчувствоваться и понять, что он хочет сказать. Индивидуумы с феноменом «мертвой матери» требуют

более внимательного отношения, большего эмоционального вклада со стороны психотерапевта, чем пациенты с другой патологией. Очень важно в этом отношении для терапевта не быть внедряющимся, попытаться дать подпитку слабой части Я. Такие пациенты, не получая поддержки, стремятся быстрее покинуть терапевта или могут развивать сильный эротизированный или негативный терапевтический перенос и бессознательно манипулировать психотерапевтом, требуя причинения ему страданий для подтверждения ранних травм.

Таким образом, наличие некоторой базы теоретических знаний о феномене «мертвой матери» может стать важным фактором, способствующим своевременному распознаванию и верной диагностики симптома или синдрома «мертвой матери», что в свою очередь будет залогом продвижения и успешности терапии тяжелых личностных расстройств.

Литература

1. Абрагам К. Исследования о самой ранней прегенитальной стадии развития либидо. II Классический психоанализ детского возраста/ Под ред. В.А. Белоусова. Печ. с изд. «Психологическая и психоаналитическая библиотека под. Ред. проф. И. Д. Ермакова. Вып. XI. М., 1924». Красноярск, 1994.
2. Асанова Н.К. Лекции курса «Детский психоанализ». 1996.
3. Лебовиси С. Относительно трансгенерационной передачи: от филиации к аффилиации. // Проблемы детского психоанализа. № 1-2. М, 1996.
4. Менцис С. Психодинамические модели в психиатрии / Пер. с нем. Э.Л. Гушьянского, М.: Алетейа, 2001.
5. Психоаналитические термины и понятия: Словарь/ Под ред. Барнесса Э. Мура и Бернарда Д.Файна/ Пер. с англ. А.М. Боковой, И.Б. Гришпуна, А.Фильца. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
6. Стерн Д. Дневник младенца: Что видит, чувствует и переживает ваш малыш./ Пер. с англ. М.: Генезис, 2001.
7. Фрейд А. Теория и практика детского психоанализа./Пер с англ. и нем./ М: ООО Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999.
8. Фрейд З. Художник и фантазирование / Пер. с нем. / Под ред. Р.ф. Додельцева, К.М. Долгова. М.: Республика, 1995.
9. Энциклопедия глубинной психологии Том 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие./ Пер. с нем. / Общ. ред. А.М. Боковой. М.: ЗАО МГ Менеджмент, 1998.
10. The Dead Mother: The Work Of Andre Green, edited by Gregorio Kohon, published in association with the institute of psycho- analysis. London: Routledge, 2000.

Психоаналитический вестник, 2002, № 10

Случай посттравматического стрессового расстройства в практике психоаналитической психотерапии

В.А.Потапова

Два года назад ко мне обратились за консультацией родители молодого человека, И., 22 лет, спортсмена, студента 2 курса медицинского института. Он жаловался на повышенную утомляемость, затруднения в усвоении учебного материала, при концентрации внимания, вспыльчивость, раздражительность, долгое, мучительное засыпание с тяжелым пробуждением и ощущением несвежести и отсутствия чувства бодрости и активности по утрам, а также на периодическое повышение температуры до 37,5 градусов, сопровождающееся ознобом.

Первые симптомы неблагополучия с последующим оформлением в вышеописанную клиническую картину появились за год до момента обращения без видимых соматогенных и психогенных причин. Около полугода до этого он закончил службу в Армии, по возвращении довольно легко включился в обычную жизнь, восстановился в медицинском институте, где проучился год до службы. Несмотря на двухлетний перерыв, довольно успешно начал учебу, с удовольствием отмечал, что преподаватели выделяли его среди остальных студентов. Контакты в группе и на курсе строил на формальной основе, считая, что у него не может быть ничего общего с «этими зелеными юнцами» (при объективной разнице в возрасте в 2 года) с их инфантильными взглядами на жизнь.

Однако через три месяца успеваемость снизилась, он отметил, что удлинилось время подготовки к занятиям, стало трудно удерживать учебный материал. Болезненно переживая эту ситуацию, пытался мобилизовать себя, все время, посвящая только учебе, но безуспешно. Особенно остро воспринимал то, что преподаватели считают его лентяем, читают ему «морали». Не переносил такого отношения, раздражался, стал уходить прямо с занятий, либо вообще не посещал их. Был всесторонне обследован, неоднократно лечился у невропатолога, психоневролога с диагнозами: вегетососудистая дистония, астеническое состояние, неврастения. Принимал общеукрепляющие, стимулирующие, транквилизирующие препараты, приносившие лишь временное облегчение. С большим трудом закончил учебный год. Все лето провел в санатории, занимался спортом, много читал, чувствовал себя удовлетворительно, за исключением продолжающихся трудностей засыпания, потребности в длительном (10—11 часов) сне и некоторой раздражительности по отношению к родителям. Однако, приступив к учебе на 2 курсе, вскоре вновь ощутил беспокоящие ранее симптомы. Пытался самостоятельно восстановить свои силы — усиленно занимался аутогенной тренировкой, спортом. Но состояние ухудшалось и через два месяца он практически прекратил посещение института, так как накопил много долгов по предметам, конфликтовал с преподавателями и не

видел для себя возможности справиться с этими проблемами. В этот период он обратился ко мне за психотерапевтической помощью.

Мой пациент второй ребенок в обеспеченной семье, имеет брата старше его на десять лет. Брат, по его мнению, уверенный в себе человек, без особых проблем воспринимающий жизнь, относится к младшему с позиции «родителя». Отношения в семье всегда строились на непререкаемом авторитете отца, занимавшего руководящий пост, человека властного и довольно жесткого, не терпящего возражений. Мать по натуре мягкая, сдержанная, обожающая своего сына, полностью признавала лидерство отца и поддерживала его политику в семье. В период болезни И. родители и семья брата были полностью поглощены этой проблемой, они усиленно опекали его, регламентировали режим, давали различные советы, искали специалистов, организовывали консультации.

При первой встрече мой пациент оказался высоким спортивным юношей астенического телосложения. Он выглядел взволнованным, хотя пытался держаться уверенно и раскованно, в беседе был довольно активен, в деталях рассказывая о своей болезни, о том, как ему, «человеку вполне взрослому», неприятно быть двоечником среди «зеленых юнцов» в своей группе, как непереносимо неуважение преподавателей, отметил, что он не сдается, борется со своей болезнью, но безрезультатно. Периодически он начинал заикаться или замолкал, в это время на его лице появлялось страдальческое выражение, затем он вновь продолжал рассказывать о своей болезни.

На мой вопрос, что, по его мнению, послужило причиной заболевания, он ответил, что, конечно же, переутомление в институте, что ему трудно после службы в Армии включиться в учебный процесс. В последующих встречах (2 раза в неделю) он продолжал говорить о своем тяжелом состоянии, но в то же время строил программы восстановления своего здоровья, активно просил советов относительно режима дня, питания, аутогенной тренировки, приема препаратов. В этот период почти каждая встреча напоминала предыдущую, характер беседы, обсуждаемые в ней проблемы повторялись из сессии в сессию, создавая эффект «заигранной пластинки».

Пациент отвергал любые попытки с моей стороны углубиться в суть волнующих его проблем, переключить разговор на другие темы. Так, на мои вопросы о службе в Армии, он отвечал, что, конечно, там было мало приятного, но он все давно забыл и ему нечего особенно вспоминать. Пытаясь развить эту тему я спросила: «Может быть, во снах приходят какие-либо воспоминания?» Он ответил, что после Армии ему ни разу не снились сны. Касаясь его детских воспоминаний, взаимоотношений в семье, он отвечал, что не помнит себя в детстве, родители же его очень любят, беспокоятся о его состоянии и ему неприятно, что он доставляет им столько хлопот, но в то же время его раздражает чрезмерная опека, с которой он пытается бороться, устанавливая дистанцию с родителями. Передо мной он продолжал как бы оправдываться, роняя фразы: «Вы только не подумайте,

что я...» и т. п., иногда раздражаясь, обвинял меня в критическом к нему отношении: «Я знаю, что Вы скептически к этому относитесь» или «Я знаю, что Вы воспринимаете меня, так же как родители». Я обратила его внимание, что не даю никаких оценок и не делаю замечаний, и что же дало основание прийти к такому умозаключению? Он сказал, что так все к нему относятся. Когда же я попыталась выяснить, что это за отношение, он вновь переключился на разговор о своей болезни.

Чтобы выйти из тупика, в который неизменно упирались все наши беседы с пациентом, я заострила внимание И. на характерной особенности, заметив: «Вы все время говорите о своей болезни, избегая другие темы. Не кажется ли Вам, что она зачем-то нужна? Может это страдание спасает Вас от другого, более болезненного?» В ответ И. буквально взорвался потоком возражений: «Вы не правы, я не хочу болеть. Вы ничего не понимаете, относитесь ко мне скептически!» и пр. При этом он выглядел раздраженным и ушел, как мне показалось, очень рассерженным.

После происшедшего он пропустил три сессии, объясняя это ухудшением своего самочувствия и повышением температуры. Последующую после всех событий сессию, он начал как бы продолжая предыдущую, сказав мне: «Знаете, Вы, наверное, правы. В какой-то момент я действительно с удовольствием заболел». Он рассказал о том, что много думал, переживал, злился на меня после последней встречи и его стали беспокоить навязчивые сны почти одного и того же содержания. В этих снах он держит огромный автомат и расстреливает каких-то врагов. Когда я спросила его, какое чувство он при этом испытывает, он ответил: «Чувство облегчения» — «А что это были за люди, которых Вы убивали?» — спросила я вновь. Он ответил, что не знает. Однако на следующей сессии он признался, что теперь знает, кого убивал в своем сне. Это был сержант грузин, служивший с ним в Армии, но более раннего призыва, согласно армейскому жаргону — «дед». И. начал вспоминать: убить этого грузина — его навязчивая, почти бредовая идея во время всей службы в Армии и около полугода после демобилизации. Позже, как ему казалось, он все забыл. В течении многих сессий, возбужденно, со слезами на глазах, пациент описывал, каким бесконечным ночным кошмаром казались ему два года, проведенные в Армии. Он говорил почти, не останавливаясь, я же слушала его не прерывая, не давая никаких интерпретаций, проявляла только эмоциональную поддержку и сочувствие, понимая, как необходимо ему выговориться, излить душу.

Рассказывая о неуставных отношениях, процветавших в подразделении, где он служил, И. отмечал, что издевательствам со стороны дедов подвергались все солдаты первого года службы, но если одни как то сумели защитить себя, а другие смирились, впоследствии отыгравшись на «молодых», то он совершенно не мог переносить происходящее, пытался понять, почему это случилось именно с ним, без конца выяснял отношения и часто, как он сейчас сам понимает, даже провоцировал конфликт. Особенно изощренным издевательствам мой пациент подвергался со стороны того

сержанта. Этот грузин, обладавший, по мнению И., какой-то дьявольской, психической силой, подавляющей любого, держал в страхе весь их взвод. Понимая, по-видимому, болезненное самолюбие И., он демонстративно унижал его в присутствии других, используя как психические, так и физические методы воздействия. Во время совместных дежурств не разрешал ему даже присесть в течение всей ночи, вынуждая по несколько раз убирать различные помещения, туалет, требовал, чтобы И. попросил своего отца о протекции для него в Москве после окончания срочной службы, угрожая в случае отказа сообщить по месту работы о плохой службе сына. Пациент вспоминал, что в тот ужасный для него период, он потерял способность адекватно воспринимать происходящее, думать, анализировать, мог только ненавидеть обидчиков и презирать себя за свою слабость. Когда же после демобилизации сержанта из Армии его приятели попытались продолжить издевательства над И., он дал достойный отпор и заслужил уважение в глазах окружающих. Тем не менее, он чувствовал, что не отомстил своему главному врагу и мечтал убить его. В течение нескольких месяцев, восстанавливая пережитое, И. проявлял разнообразные чувства, переполнявшие его — кричал, иногда плакал, раздражался, злился, вновь и вновь говорил о ненависти к своим врагам, живо описывал свои фантазии отмщения обидчикам.

Постепенно он стал более спокойно, отстраненно воспринимать эти события и мы перешли к прорабатыванию травматического опыта по-новому оценивая, переосмысливая пережитое. Анализировались отношения И. в Армии, мотивы поведения его врагов, его агрессивные чувства, причины агрессивного поведения его главного обидчика. Таким образом, И. пришел к выводу, что сержант сам страдал глубоким комплексом неполноценности и защищался от этого, используя агрессивное поведение, унижая других. Снизив, таким образом, значимость образа врага в своем восприятии пациент пришел к заключению, что он мог бы установить дистанцию с обидчиком вместо того, чтобы выяснять отношения, провоцируя тем самым агрессию.

Через полгода психотерапевтической работы исчезла депрессия и связанные с ней проблемы сна и бодрствования, трудности концентрации внимания, восстановилась интеллектуальная продуктивность. Пациенту удалось вернуться к учебе и справиться с академической задолженностью. Однако несмотря на значительное улучшение самочувствия, у него оставались серьезные трудности в контактах с окружающими. Он ссорился, конфликтовал с родителями, считая их совершенно не переносимыми. Ему казалось, что все, с кем он общается, воспринимают его несерьезно и постоянно как бы оценивают его. Объективно оценивая абсурдность своих ощущений, он, тем не менее, постоянно пытался заслужить высокую оценку в глазах окружающих, добиться их внимания и восхищения, используя для этого самые различные способы — вызывающие либо заискивающее поведение, шутовство, упорное молчание и др.. Иногда ему удавалось добиться интереса к своей личности и он получал удовлетворение, но чаще терпел неудачу, сердился и старался избегать людей или обстоятельства, в

которых был неуспешен. Постепенно он начал понимать, что армейские проблемы во многом были связаны с его личностными особенностями, такими, как неустойчивая самооценка, ранимость, желание быть в центре всеобщего внимания и страх унижения. Тем не менее, И. часто повторял один и тот же вопрос: «Почему до Армии, несмотря на свой характер, я существовал довольно легко, порхая по жизни, а сейчас у меня постоянное ощущение большой незаживающей раны внутри, от которого очень трудно избавиться?»

Он отмечал, что ведет себя с другими людьми агрессивно, подобно «дедам» в Армии, срывающим на новичках свою злость, иногда же реагирует на окружающих как маленький капризный ребенок. Однажды пациент начал сессию сказав, что причины этих проблем, наверное, в том, что все это время он был самым настоящим ребенком. И это очень удобная позиция — быть «хорошим мальчиком», стремиться угодить, понравиться другим, не надо самому думать, принимать решения, нести ответственность, т.е., по его мнению, быть взрослым. После Армии он обиделся на всех людей, на реальную жизнь за нанесенную ему незаслуженную обиду, за то, что не добился той оценки, на которую рассчитывал. Это часто случалось в детстве, когда не добившись желаемой реакции со стороны родителей, он обижался, а они либо начинали суетиться вокруг него (в основном мать), либо сердились (чаще отец), и таким образом особое внимание, так или иначе, достигалось.

Так, И. сам постепенно перешел к обсуждению своих взаимоотношений с родителями, которые, по его мнению, во многом способствовали формированию комплекса неполноценности и, в то же время, стремлению выглядеть «совершенным». Пациент вспоминал, что постоянно боролся с отцом за независимость, признание себя самостоятельной личностью, но никогда не побеждал в этой борьбе и был вынужден подчиняться. И. признался, что до сих пор чувствует ужас и страх, вспоминая как отец гневался и угрожал выпороть, если он не выполнял его требований или делал что-либо не то. В такие минуты он испытывал настоящую ненависть к отцу и презрение к себе за свою слабость и беспомощность. Даже когда сержант в Армии пугал его, что сообщит отцу о плохой службе сына, И. вновь вспоминал отцовский гнев, свои чувства страха и унижения и не мог управлять собой в этот момент. Здесь пациент снова вернулся к анализу своего сна и сказал, что отец тоже был среди врагов, которых он убивал во сне, добавив, что тот подавлял его в такой же манере, как это делал армейский сержант. Он пришел к заключению, что если бы не был так зависим от отца, то смог бы противостоять и попыткам других унижить его.

Далее И. совершенно спонтанно начал рассказывать, какую сильную тревогу, нередко теряя контроль над собой, он испытывает, когда его называют по фамилии. При этом он часто отказывается отвечать, начинает шутить без повода либо предпринимает что-то еще неадекватно ситуации.

В процессе проработывания этих проблем в аналитической ситуации пациент осознал, что важной причиной конфликтов с преподавателями, студентами, пропусков занятий, ухода из института было его постоянное

стремление выглядеть в лучшем свете, быть в центре всеобщего внимания. Когда же он не получал должной оценки или только опасался не получить ее, то чувствовал себя либо униженным и часто провоцировал негативное к себе отношение, либо избегал травмирующих контактов и ситуаций. Анализируя особенности личности, модели поведения пациента, мы перешли к анализу используемых им защитных механизмов. Он признал, что избегание деятельности или контакта с объектом — одна из излюбленных защит, как и проекция своих негативных ожиданий вовне, стремление контроля над всем и всеми.

На одной из последних сессий он заметил, что раньше был как ребенок, напуганный миром взрослых, защищавшийся от него, используя примитивные механизмы. Сейчас он учится преодолевать свои отрицательные эмоции, вести себя как зрелая личность, что приносит прекрасные результаты. Это новое состояние дает ему чувство огромного облегчения: как будто что-то лопнуло внутри и прорвалось наружу. В процессе двухлетней психоаналитической терапии пациент смог восстановиться и продолжить обучение в институте, наладив доброжелательные отношения в группе, на курсе, в семье.

В течение работы с пациентом И., по мере восстановления подавленного, бессознательного материала, раскрытия особенностей формирования его личности, паттернов поведения, трансформировалась и психотерапевтическая тактика. Условно можно выделить несколько этапов с присущими им целями, задачами, особенностями интеракции пациент—терапевт, отражающими динамику психоаналитического процесса.

Первый 9—10 сессий были посвящены налаживанию контакта с пациентом, формированию психоаналитического альянса, оценке личностных и поведенческих особенностей. Наряду с вербальной информацией, получаемой во время беседы, анализировались выражение лица, манеры поведения, особенности общения с терапевтом. Прежде всего, обращало на себя внимание страдальчески капризное выражение лица И., проявлявшееся во время его повествования, аффективно окрашенная речь, постоянное заглядывание мне в глаза, отражавшее постоянный поиск оценки с моей стороны, проявлявшийся и в словесной форме: «Мне кажется, что Вы считаете..., не подумайте только...» и т. д.

Наблюдая параллельно свои реакции в контрпереносе — периодически появлявшееся чувство жалости, ощущение, что И. хочет выглядеть «хорошим мальчиком» в моих глазах и в чем-то будто оправдывается передо мной, опасаясь, критики, — я сформировала свое представление об этом пациенте, как об очень чувствительном, ранимом человеке с болезненным самолюбием и неустойчивой самооценкой. В связи с этим, первоначальной задачей было создание атмосферы доверия и безопасности. Пациенту предоставлялась возможность свободного повествования, избегались любые аналитические ремарки и интерпретации со стороны терапевта. В то же время, чтобы избежать возникновения фрустрации использовалась тактика

поддерживающей терапии [2], выражающаяся в проявлении эмпатии к пациенту, одобряющих восклицаниях и фразах.

Второй этап психотерапевтической аналитической работы с пациентом был направлен на восстановление вытесненного травматического опыта, полученного во время армейской службы, переработку и реинтеграцию пережитого [1, 4]. Для этого была использована более активная техника интервенции. Вопрос, заданный терапевтом после анализа терапевтической ситуации с позиции «здесь и теперь», о выгодности болезни для пациента как защиты от чего-то более болезненного, кардинальным образом изменил характер психоаналитических сессий. Прежде всего, проявились ранее подавляемые враждебность и агрессивность И. как реакция на пережитые унижения и обиды. Сразу же после вопроса — интервенции пациент в резкой форме, с едва сдерживаемым раздражением и злобой обвинил меня в непонимании, скептическом и неправильном к нему отношении. Последующий за этим пропуск нескольких сессий и откровенное признание И. в том, что он был зол на меня, также отражали развитие агрессивных чувств к терапевту, являющихся ярким примером переноса ранее испытанных чувств по отношению к другим объектам в отношении с терапевтом в психоаналитической ситуации. Появившиеся в это время сновидения приблизительно одного и того же содержания (И. с автоматом в руках расстреливает «врагов») продемонстрировали не только наличие агрессивных чувств, но и их отреагирование на подсознательном уровне. Анализ этих сновидений способствовал постепенному восстановлению подавленного травматического материала.

По мере воспоминаний о пережитом во время службы в армии происходило вентилирование подавленных эмоций (пациент ярко переживал все переполнявшие его чувства — слезы обиды и унижения, ярость, гнев, ненависть), достигая постепенно катарсической разрядки и нормализации аффекта. После чего, по меткому выражению З. Фрейда, «открылась тропа для осознания», пациент стал способен к спокойному, логичному анализу своего травматического опыта. Пересматривая и реинтерпретируя этот опыт, мы снизили значимость образа обидчика, оценив его как недалекую, в чем-то ущербную личность, прибегающую к примитивно — агрессивным защитам, одновременно акцентируя внимание на том, что И. впоследствии отстоял свою независимость перед другими. Анализируя, что И. не один подвергался издевательствам со стороны так называемых «дедов», мы пришли к следующему выводу: он как бы сам провоцировал своего обидчика на издевательства над ним. Прорабатывая взаимоотношения, врач—пациент в анализе переноса и амбивалентный конфликт унижения — вины, имеющий два полюса (страх унижения... защита от непереносимого для пациента ожидания этого унижения, определяющая его поведение), мы перешли к следующему этапу — восстановлению раннего детского опыта, анализу отношений пациента с родителями и особенностей формирования его личностных структур и паттернов поведения.

На третьей стадии психоаналитической терапии пациент вновь возвращается к анализу своего сна и относит отца также к лагерю «врагов», в которых он стреляет во сне. Далее он сравнивает угрожающий образ отца и образ армейского сержанта и признает их идентичность в своем воображении. Это позволяет ему осознать значимость взаимоотношений с первичными объектами (родителями) для следующих интеракций с другими объектами и восприятия окружающего мира. И. пришел к заключению, что преобладание ограничивающих, контролирующих функций в отношении к нему отца привело к восприятию такого отца, а затем и окружающей действительности, как угрожающих и пугающих, и способствовало формированию у него неустойчивой самооценки, болезненного самолюбия, страха унижения [9]. Защищаясь от пугающего внешнего мира и от болезненного осознания нарциссического чувства обиды, пациент выработал определенные защитные механизмы: с одной стороны, стремление контролировать ситуацию, поведение других людей, фантазии о собственном всемогуществе, грандиозности, с другой, в так называемом «зеркальном переносе» [6] он пытается произвести на каждого впечатление, как бы заглянуть в другого, чтобы узнать, не имея стабильной самооценки, что же он есть на самом деле. Страх окружающего мира и исходящей от него угрозы унижения так велик, что И. часто сам провоцирует это унижение. Таким образом, он сам определяет, контролирует ситуацию, защищаясь от нарциссической обиды — не меня унизили, а я сам вызвал к себе такое отношение. В этой связи важно было проанализировать значимость для пациента его фамилии, (т.е. имени отца [7] — первичного фрустрирующего объекта), упоминание которой в армейской или учебной среде вызывало у него тревогу и приводило в действие вышеописанные защитные механизмы.

На этом этапе терапии активность аналитика была минимальной. Пациент сам определял, развивал тему беседы, делал сопоставления, анализ, приходил к заключению, в конце же искал у терапевта подтверждения своей правоты, называя меня своим зеркалом. Мои интерпретации следовали за выводами пациента, подтверждая их правильность, иногда несколько смещая акценты. Таким образом, в «зеркальном переносе», используя аналитика как «объект для себя», И. постепенно облегчал свой предыдущий травматический опыт, формируя более зрелые психические структуры [6, 8].

Настоящий период терапевтической работы посвящен обсуждению отношений пациента с друзьями, в институте, с любимой девушкой, родителями. Используя полученные на предыдущих этапах знания о своей личностной структуре, моделях поведения, анализируя защиты и объектные отношения в переносе с позиции «здесь и теперь» [5, 8], И. по-новому оценивает и формирует более зрело свои отношения с другими людьми. Представленный случай можно рассматривать как бы в двух плоскостях — клинической и психоаналитической. На основании клинической картины (депрессивное настроение, нарушение сна, трудности концентрации, раздражительность, чувство отчужденности от других), динамики состояния (первоначальное подавление, отрицание травматического материала,

избегание мыслей, воспоминаний и бесед о психотравмирующих обстоятельствах, последующее восстановление пережитого и аффективное отреагирование, облегчение через катарсис и психотерапевтическую проработку) можно говорить о наличии у пациента посттравматического стрессового расстройства [1, 3]. Однако психодинамический анализ личностной структуры пациента, особенностей ее формирования, поведенческих паттернов и защит позволил прийти к выводу о существовании нарциссической почвы для интернализации травматического опыта. В этом контексте болезнь бессознательно используется им как защитный механизм по типу избегания осознания неотреагированного нарциссического чувства обиды.

Таким образом, комплексная клиническая и психодинамическая оценка позволяет получить цельное представление о данном пациенте и адекватно построить терапевтическую тактику и стратегию, направленную не только на устранение клинической симп

томатики, но и на полноценную социально-психологическую адаптацию. Приведенный случай является, на наш взгляд, яркой иллюстрацией того факта, что авторитарные отношения в семье не только не адаптируют личность к жизни в авторитарном обществе, а наоборот, как бы сенсibiliзируют ее, делая более чувствительной и реактивной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beverley R. When disaster strikes: a hand book for caring professions. Huthinson, 1986.
2. Borderline & narcissistic patients in therapy/Ed, by N. Slavinska// Int. Universities Press, INC, Madison, 1988.
3. Diagnostical & statistical manual of mental disorders (third ed. — revised). American psychiatric assoc. Wash. D. C., 1987.
4. Flanery R. B. Social support & psychological trauma: A metodological review// J. of traumatic stress, 1990. Vol. 3. N. 1.
5. Kernberg O. Factors in the treatment of narcissistic personalities// J. American psychoanalytic, assoc. 1970. N. 18.
6. Kogut H. The psychoanalytic treatment of narcissistic personality disorder// Psychoanal. study child. 1968. N. 23.
7. Lacan J. Speech & language in psychoanalysis/Ed & trans A. Widden. Baltimore: John Hoppkins Unive Press. 1981.
8. Rosenfeld H. On the psychology of narcissism. A clinical approach// S. Psychoanal. 1964. N. 45.
9. Rothstein A. The narcissistic pursuit of perfection. Int. Universities Press, INC, N. Y. 1984.

Психоаналитический вестник, 1992, № 2

Не сжечь ли нам Фрейда?

М.Завалов

*"Православные не знают, что такое подсознание.
Они не интересуются психоанализом,
но, не сомневаюсь, Фрейда ненавидят".*

Мнение с православного форума

Фрейд = враг?

Чтобы представить себе, что думают о психоанализе христиане, я побродил по форумам русскоязычной Сети - и мог наблюдать в целом картину довольно печальную: большинство мнений примерно таково: "Мы Фрейда не читали, зато искренне его ненавидим и с ним боремся". Особое внимание привлекает именно личность Фрейда - как образ врага-масона-еврея-атеиста-развратника-... Его часто обвиняют даже и в том, что он не прописывал пациентам молитву (хотя почему-то в этом пока еще не обвиняют ни стоматологов, ни парикмахеров). Иногда, впрочем, психоанализ используется - для разоблачения прочих врагов (католической духовности, сектантской психологии).

Почитав эти черно-белые (где, в стиле советских газет, Фрейд густо окрашен черным и только черным) мнения, сам рискуешь стать фрейдистом...

Видя, например, такое: Как же окончил свои дни и сам заблудший Фрейд, считавший религию "неврозом навязчивых состояний"? На крайней пропасти растреления (он был гомосексуалистом и поклонялся Бафомету-сатане), больной раком ротовой полости основатель психоанализа покончил жизнь самоубийством, попросив доктора Шора дать ему яд. Так закончились богохульные рассуждения лукавого Фрейда. - захочешь просто стать апологетом Фрейда, потому что тут больше клеветы, чем правды, а за гонимых надлежит заступаться.

А вот и сходный приговор: "Против разрушающего душу прославления инстинктивной жизни, за достоинство человеческой души! Приговариваю к сожжению труды школы Зигмунда Фрейда". Это уже не из Интернета, это нацисты в Германии в 1933 году. Любопытно, что его - материалиста и атеиста - не любили и в коммунистической России.

Редко-редко попадаются нейтральные, вполне здравые, мнения типа: Православная психология не выработала еще своих методов, но и не критически относиться к психоанализу и прочим методам не может.

С чем нельзя не согласиться.

Как бы там ни было, многие считают психоанализ одним из самых влиятельных идеологических течений XX века, перевернувшим представления о человеке. Так что знать его нужно - хотя бы в качестве врага, если он - враг. И, полагаю, продуктивнее подумать о том, что в нем ценного. Тем более что компетентной критики психоанализа со стороны специалистов - начиная с первых учеников (Юнг, Адлер) - предостаточно, на эту тему написаны горы книг (из критики христианской приходит на ум К.С.Льюис - "Просто христианство", глава 4).

Итак, просто отмахиваться от Фрейда и всей постфрейдовской психологии, по меньшей мере, непродуктивно. Как нельзя просто указать венскому профессору его место в какой-то узкой сфере - пускай, дескать, психоанализ лечит неврозы, пускай с ним разбираются ученые. Но психоанализ вышел за рамки техники терапии, он коснулся всего: антропологии, восприятия культуры и искусства, психологии религии. Сам Фрейд оставался в рамках старой науки, в рамках позитивизма-материализма, он считал психоанализ бесценностной системой, подобной физике или химии. Но ценности там - в скрытом виде - присутствуют. С другой же стороны, сам психоанализ может быть (и многократно являлся) предметом интерпретации. Кроме того, и доказать, и опровергнуть его положения с помощью науки практически невозможно. Он основан на специфической практике. Если вы не верите в бессознательное, психоаналитик скажет: "Вы не можете об этом судить, не пройдя психоанализ". Хитро? Но ведь так же говорят и христиане: "Как вы можете судить о бессмысленности молитвы - без соответствующего опыта"...

Я же думаю, что в психоанализе много ценного. Скорее - это вызов нашим представлениям о человеке, это вопрос, а не готовый ответ. Постараюсь это показать, но сначала стоит прояснить один пункт, поскольку для многих Фрейд стойко ассоциируется с сексуальностью.

Фрейд = блуд?

*Именно в своих суждениях о жизни пола
люди бывают наиболее трусливы
и неискренни и наиболее терроризованы обществом.*

Н. Бердяев

У многих, особенно у тех, кто судит о психоанализе по развлекательным журналам и телепередачам, Фрейд ассоциируется с "пансексуализмом" и "сексуальной раскрепощенностью" 1.

Но такой поп-фрейдизм имеет мало отношения к психоанализу. Именно эта сторона классического фрейдизма многими последователями, в том числе непосредственными учениками Фрейда, было отодвинута на задний план, да и сам отец психоанализа многократно пересматривал свою теорию либидо.

В какой же мере Фрейд должен нести ответственность за "сексуальную революцию"? Полагаю, он тут "виноват", но достаточно косвенно, меньше, чем Маркс - в кошмарах советских концлагерей, ближе к тому, как Эйнштейн виноват в создании атомной бомбы. Он открыл тему, о которой не говорили и не думали. Сексуальная революция в поведении произошла через 70-80 лет после того, как он оповестил о своих открытиях научные круги. При этом сам Фрейд был традиционным семьянином. И даже - больше, чем любовь, его привлекала работа - работал он с пациентами и над книгами до 18 (!) часов в сутки. Действительно, он был прежде всего прочего - ученый, преданный своим исследованиям. После того как в 1880-х годах он вышел на теорию сексуальности, он моментально потерял почти всех своих клиентов (а зарабатывал-то он на жизнь именно частной практикой) и был исключен из круга венских врачей. Но продолжал - в одиночестве и сомнениях - свои исследования, что достойно уважения.

Вот, кстати, из воспоминаний его последователей:

Фрейд не приветствовал половую распущенность в своем кругу. Он посоветовал Виттельсу, которому было всего двадцать шесть, вести себя поскромнее. Психоанализ не призван избавлять людей от ограничений. Напротив, как говорил Фрейд, он хотел научить их управлять своими изменчивыми инстинктами, а не поддаваться им.

Как сейчас считают многие психологи, критики Фрейда, вытесненная сексуальность - проблема того времени и того круга - венских пациенток из среднего класса. Работай Фрейд, скажем, с преступниками, с крестьянами или с высшей аристократией - результаты (то есть вытесненное содержание, а соответственно - и теория) могли бы быть другими. Вытесненным может быть и стыд - или, скажем, чувство священного (и множество страниц написано о вытесненной религиозности самого Фрейда). Читая сегодня его книги, вполне можно заменять про себя термин "сексуальность" или "либидо" словом "удовольствие" (точнее - "стремление к удовольствию"), от этого суть не изменится.

Есть еще одно распространенное недоразумение.

Психоаналитический метод предполагает осознание импульса (допустим, пациент открывает в себе скрытый гомосексуализм или стремление убить соперника-отца), но что делать дальше с этим импульсом - решает сам пациент, а никогда не аналитик. (Кто-то из христиан интерпретировал эту сторону психоаналитической техники как стремление к истине, которая сделает нас свободными.)

Действительно, современный мир за сто лет сильно изменился - рухнула традиционная система ценностей и социального контроля, не думаю, что она устояла бы, если бы не родился на свет венский профессор. И западная "сексуальная революция" конца 60-х, докатившаяся постепенно до

нас (и не сделавшая человечество счастливее), - лишь одно из проявлений этой ломки. Кроме того, вряд ли стоит идеализировать прошлое; где-то я читал исследование о том, что в самые пуританские времена количество публичных домов было особенно велико. Просто в старое время об этом не говорили вслух, и разврат в большей мере был привилегией богатых и сильных. Пуританство рождало нездоровое ханжество и иногда приводило к таким случаям, как ниже описанный (газета "Речь", 1911 год): КУРСК, 26 ноября. Крестьянка Колотухина на пятый месяц после свадьбы родила. Спасая семейную честь, свекровь бросила ребенка в воду. Колотухина, преданная суду по обвинению в детоубийстве, чистосердечно рассказала всю историю. Присяжные заседатели вынесли Колотухиной оправдательный приговор.

Короче говоря, даже самого ревностного и ортодоксального последователя Фрейда ничто не вынуждает пускаться в разврат. Осознавать свои желания (с чем работает психоанализ и многие другие школы психотерапии) - это отдельный этап. Второй этап - решить, что с ними делать. И это человек решает сам, даже если этот человек - пациент психоаналитика. При этом - как считал Фрейд, и я тут с ним абсолютно согласен - у человека, осознавшего свои импульсы, свобода выбора больше. Потому что он все равно что-то косвенное со своими желаниями делает (например, вытесняя сексуальный импульс, начинает обвинять в разврате всех окружающих, механизм проекции, часто встречающийся у религиозных людей).

Осознанному желанию легче сказать "нет". И удовлетворять желания, согласно тому же Фрейду, можно самыми разными способами - человек может искать конструктивные и приемлемые (сам Фрейд к таковым относил любовь и работу). Он же описал и механизм сублимации (довольно жалкий, впрочем, бессознательный; сознание человека - тема не столь хорошо разработанная в психоанализе), который направляет влечение на создание культурных ценностей.

Многим современным людям кажется, что христианство - это гонение на сексуальность (если понимать под этим словом половое влечение, вложенное в природу человека). В этой точке зрения есть историческая полуправда, о чем я скажу ниже. Но по сути это абсолютно неверно: в оригинальном библейском понимании само это влечение создано Богом, христианство лишь борется за его использование по назначению.

Вызов спиритуализму, или Вера в воскрешение плоти

*Мы более земные и более небесные,
чем осмеливаемся себе представить.*

Жан Ванье

Теперь постараюсь сказать о главном, что несет новая послефрейдовская психология - скорее не техника, а мировоззрение - христианам.

Психоанализ идет "снизу", от плоти (в библейском смысле этого слова - от телесно-душевной природы человека). Все, что человек делает, он строит на желании, присущем плоти. Это желание связывает между собой людей - начиная с отношений младенца со своей матерью, где любовь выражается помимо слов, через тело. Перепитии этого желания - предмет психопатологии и аналитического исследования, а также - источник всей деятельности человека. То есть - тут так же, как и в Библии, в основе всего лежит любовь... Но - возразят мне - есть любовь "плотская" и любовь духовная...

И вот тут-то я и вижу главную "заслугу" психоанализа. Фрейд открыл инструмент, который достаточно убедительно показывает связь влечений и всего телесного с тем, что традиционно относилось к "высшим сферам", - с интеллектом, моралью, ответственностью, возвышенной любовью. (Стоит добавить, что в своих трудах, пытаясь применить психоанализ к религии, искусству, культуре, Фрейд крайне неуклюж и неубедителен - но не в этом дело, многое сделали его продолжатели, особенно те, что спорили с "учителем".) То есть - по Фрейду нет "высокой" и "низкой" любви, есть одна способность любить, неразрывно связанная с телом. Кому-то кажется, что это унижает достоинство человека. Я же думаю, что это возвращение к хорошей антропологии, к антропологии Библии.

Потому что в Библии нет никаких следов дуализма, разделяющих дух и плоть, как и тело никогда не есть источник зла. Более того, когда говорится, что человек сотворен "по образу и подобию" - речь не идет о "душе" или "духе", но обо всем человеке с его телом. Историческое же христианство, западное и восточное, как тень сопровождает христианский спиритуализм. Под словом "спиритуализм" я подразумеваю "слишком духовное" понимание Благой Вести, которое молчаливо предполагает, что тело есть темница для души, а цель христианской жизни - скорее "развоплощение", освобождение от пут этого мира.

В отличие от несистематизированных представлений Библии, эллинская антропология совсем другая, дуалистичная, человек - это душа в грубой телесной оболочке. И когда христианство заговорило на языке Платона, оно усвоило этот небиблейский язык и отчасти понятия. Это очевидно у Оригена, который, хотя его учение и было осуждено Церковью, сильно повлиял и на аскетов, и на отцов. Конечно, нередко это вопрос терминологии, вопрос акцентов, полутонов. Тем не менее, это своего рода "антропологическая ересь", которая опасна, если воплощается в поведении. Например, приводит к потере чувства истории (что выражает, скажем, крайний аллегоризм Оригена в толковании Писания), обедняет понимание Евхаристии, заменяет Тело Церкви "духовной религией".

Своего рода "манихейство" (тот же спиритуализм плюс чувство, что плоть плоха по своей природе) очень распространено в сознании верующих - и отражается в расхожем представлении о том, что главное в христианстве - борьба с сексуальностью.

И вот об этом, о нашей вере в воскрешение плоти (Апостольский Символ веры), и напоминает Фрейд и начатый им антропологический переворот. Хотя сам профессор выражал свои идеи на неадекватном языке старой науки - поэтому классический фрейдизм, по сути, представляет собой другую "антропологическую ересь": что человек только материален и все в его поведении детерминировано материей (биологией, инстинктами, ранним взаимодействием с родителями).

Но тенденция видеть человека существом только духовным - столь же однобока с точки зрения Бого-человеческой религии.

Примечания

1 Любопытно, что В. Розанов - мыслитель, мало похожий на Фрейда, но, пожалуй, еще больший "пансексуалист" - гораздо чаще оценивается в православной Сети положительно.

Неужели все дело только в национальности мыслителей?

Интернет. Январь 2002